

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. В. Базулин

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ПРИРОДА ДЕНЕГ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

ББК 65.01
Б17

Научный редактор
Заслуженный работник Высшей школы
д-р экон. наук, проф. *В. Т. Рязанов*

Рецензенты: д-р экон. наук, проф. *Б. И. Соколов* (СПбГУ),
д-р экон. наук, проф. *Е. А. Лебедев* (СПбГУЭиФ)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Экономического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Базулин Ю. В.

Б17 Происхождение и природа денег. — СПб.: Изд-во
С.-Петербург. ун-та, 2008. — 246 с.
ISBN 978-5-288-04763-3

Книга посвящена одному из самых загадочных и в то же время наиболее обыденных экономических феноменов — деньгам, их происхождению и природе.

Согласно авторской концепции, деньги должны изучаться комплексно с привлечением результатов исследований не только политической экономики, но и других общественных наук: социологии, философии, истории, этнографии, языкознания, психологии и др. Богатую эмпирическую информацию автору дали музейные экспозиции Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнологии РАН и Государственного этнографического музея.

Издание предназначено для экономистов, социологов, философов, студентов классических университетов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников, а также для всех интересующихся природой денег.

ББК 65.01

ISBN 978-5-288-04763-3

© Ю. В. Базулин, 2008

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
<i>Глава первая.</i> Деньги, денежные знаки и денежные единицы: к вопросу о предмете исследования	10
1. Дуализм в изучении денег	—
2. Идея социального доминирования в изучении природы и происхождения денег	20
3. Система понятий в исследовании природы денег	31
<i>Глава вторая.</i> Методологические принципы исследования происхождения и природы денег	41
1. Системно-дихотомическая методология как способ междисциплинарного исследования денег	—
2. Двойственность и тождественность как основа исследования происхождения и природы денег	47
3. Двойственность и тождественность как источник саморазвития денег	64
<i>Глава третья.</i> Развитие научных идей о происхождении и природе денег	87
1. Система теорий денег	—
2. Ранний этап	89
3. Классический этап	94
4. Неоклассический этап	103
5. Постнеоклассический этап	120
6. Перспективы синтеза экономических теорий денег	145
<i>Глава четвертая.</i> Деньги-символы	150
1. Содержание социальных отношений и их экономическое проявление	—
2. Генезис денег-символов	162
3. Социальная ценность денег-символов	175

<i>Глава пятая. Денежные знаки</i>	182
1. Появление денежного знака из социального обмена	—
2. Представительная стоимость денежного знака как превращенная форма социальной ценности денег-символов	191
3. Условность денежных знаков: система вещных и вербальных видов	206
<i>Глава шестая. Денежные единицы</i>	218
1. Возникновение наличной денежной единицы из аналогового счета	—
2. Создание безналичной денежной единицы из цифрового счета	225
3. Покупательная способность денежной единицы как иррациональная форма представительной стоимости денежного знака	231
Заключение	243

ВВЕДЕНИЕ

Стало правилом начинать работу, посвященную теории денег, с тезиса об их таинственной сути. Так или приблизительно так принимаются за работу все. В труде «К критике политической экономии» главу, в которой исследуются деньги, Маркс предваряет словами У. Ю. Гладстона о том, «что даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствование по поводу сущности денег»¹. Ровно через 60 лет М. Туган-Барановский в предисловии к своей книге «Бумажные деньги и металл» (1919) написал приблизительно то же: «Гладстон как-то сказал, что лучший способ в кратчайший срок сойти с ума — это заняться вопросами денежной теории»². Советский экономист Д. Лоевецкий полагал, что «деньги относятся к числу самых сложных вопросов и самых запутанных явлений»³. А по мнению Е. Преображенского, «с самого начала деньги представляли из себя наиболее туманную, наиболее мистическую и наиболее мистифицирующую часть экономики товарного хозяйства»⁴.

Рассуждения о таинственности денег продолжаются и сегодня. Но исследователи разделились, и одни призывают «проникнуть в тайну денег, понять их природу и роль в жизни общества»,⁵ а другие предлагают «до конца не раскрывать их содержания»⁶.

---

¹ Маркс К. К критике политической экономии. М., 1984. С. 51.

² Туган-Барановский М. И. Бумажные деньги металл. Одесса, 1919. С. 1.

³ Лоевецкий Д. А. Денежное обращение и государственные займы: Популярный очерк / НКФ СССР. Фин.-Эконом. Бюро. М., 1923. С. 5.

⁴ Преображенский Е. А. Экономическая природа советских денег и перспективы червонца // Под знаменем марксизма. 1930. № 21. С. 57.

⁵ Шептух А. А. Философия денег // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 181.

⁶ Осипов Ю. М. Курс философии хозяйства: Свод лекций. Лекция восьмая: Деньги // Философия хозяйства. 2001. № 3. С. 208.

Мы разделяем точку зрения, что деньги — это тайна. Но разделяем как научную точку зрения, а не литературный прием, когда слово «тайна» употребляется метафорически. Сохранение этой тайны может быть объяснено с двух позиций: субъективной и объективной. Что касается субъективной стороны дела, то существует мнение о преднамеренном сокрытии этой тайны, для чего многие теории не только не раскрывают сути денег, но и преднамеренно уводят от нее. Так, например, Серж Московичи пишет: «Деньги отнесены к сфере экономики; в редких работах они рассматриваются в контексте других наук. Остается думать, что все знают об этом предмете слишком много, чтобы рисковать говорить о нем, что “эти деньги, которые представляют, — по выражению Эрнста Юнгера, — одну из самых больших тайн в мире”», заключают в себе слишком много секретов наших обществ, чтобы открыто рассказать о них»⁷.

Трудно опровергнуть эту точку зрения. Факты действительно свидетельствуют о том, что существующие теории денег не могут объяснить некоторые явления денежного обращения. Например, ответить на вопрос, почему в традиционных обществах деньги, или то, что используется в качестве денег, преднамеренно портятся, миниатюризируются или, наоборот, принимают гигантские размеры? Или почему в одних денежных системах неограниченная эмиссия денежных единиц не приводит к снижению их покупательной силы, а в других при постоянной величине денежной массы наблюдается снижение ее покупательной способности? Почему широко известные и широко пропагандируемые мероприятия денежно-кредитной политики (политика «дорогих» и «дешевых» денег) не приносят ожидаемых результатов? Почему исследование сути денег подменяется изучением технологичности расчетов, так называемыми цифровыми (электронными) деньгами — понятием, так упорно внедряемым в научный оборот?

Вопрос о преднамеренной фетишизации науки поднимают и российские ученые. Так, например, Б. И. Соколов считает, что привнесение фетишистских представлений в исследовательскую практику обусловлено сужением предметного поля исследования, «когда нормальное существование экономики связывается только с товарным хозяйством»⁸.

---

⁷ *Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 2003 [1981]. С. 366.

⁸ *Соколов Б. И.* Типология политико-экономических отношений. М., 1994. С. 106.

С объективных позиций объяснение «таинственности» денег состоит в том, что предметно-методологическое пространство денежных теорий ограничено в лучшем случае общеэкономическими рамками, в худшем — товарно-денежными. И эта узость научного пространства не позволяет раскрыть все многообразие форм проявления денег и их суть. Достаточно сказать, что до сегодняшнего дня такие категории, как: «деньги», «денежные знаки» и «денежные единицы» — зачастую используются синонимично, между ними не обозначены смысловые границы, не выявлены взаимосвязи, а поведение покупательной способности денежных единиц не имеет рационального, научного, объяснения.

Попытаться раскрыть или хотя бы приоткрыть тайну денег возможно с помощью того, что можно назвать предметно-методологическим расширением, которое носит филогенетический и онтологический характер. Изучение происхождения и природы денег с позиций филогенеза в данной работе предполагает опору на этнографический и археологический материал традиционных, архаических обществ. С онтологической точки зрения, наша концепция происхождения и природы денег исходит из посылки целостности социальных отношений.

Совокупность онтологических и филогенетических свойств предмета исследования в нашей концепции придает такому исследованию междисциплинарный характер. Целостное, междисциплинарное научное направление в изучении денег может стать основой для конструирования новой модели управления деньгами, которую мы называем «социально-экономическим механизмом». Последний должен прийти на смену спекулятивной и симулятивной денежно-кредитной политике.

В разработке теоретико-методологической базы социально-экономического механизма регулирования внутренней и внешней покупательной способности денежной единицы необходимо учитывать наличие ряда важных проблем:

- а) неполноту представлений о социально-экономической природе денег, о закономерностях эволюции и трансформации их форм;
- б) отсутствие методологии системного анализа социальных и экономических факторов, влияющих на устойчивость денежных единиц;
- в) недостаточную степень научной обоснованности механизмов регулирования покупательной способности денежной единицы. При

решении обозначенных проблем следует прежде всего уточнить содержание категории «деньги», для чего необходимо сформировать целостное представление о природе денежных отношений, учитывающее весь комплекс экономических, социальных, психологических и иных факторов, определяющих содержание данной категории.

Категория «деньги» в нашей концепции представляет иерархическую систему, в которую входят понятия: «деньги-символ», «денежные знаки» и «денежные единицы». Между этими понятиями существуют особые взаимосвязи, для каждой из них — собственный генезис развития. Может сложиться впечатление, что в работе не говорится ничего нового: ново лишь само расположение материала. Но, как известно, стоит расположить уже давно известные мысли в ином порядке — и получится новое виденье проблемы.

Так, например, то, что деньги как элемент социальных отношений являются символом, известно давно. Но введение этой категории помогает нам уловить метафизическую связь между видимым и невидимым, открытым и непознанным. Познание символа необходимо для вскрытия неявных основ мироустройства. Таким образом, изучая деньги как символ, мы не только открываем тайное в них, но и узнаем, что осталось непознанным.

В нашей концепции денежные знаки — это форма выражения социального содержания денег-символа. Они обладают представительной стоимостью, которая есть превращенная форма социальной ценности денег. «Превращенная» в том смысле, что она в действительности создается людьми, которые сами начинают верить в ее наличие, создавать представления о полезности и исключительной необходимости их в денежном обращении.

Денежные единицы, возникающие в процессе счета и учета реального богатства, обладают покупательной способностью, которая опосредованно, через представительную стоимость опирается на социальную ценность денег-символов. Поэтому саму покупательную способность мы трактуем как иррациональную форму представительной стоимости денежных знаков. Иррациональность заключается в том, что изменение покупательной силы денежных единиц становится непрогнозируемым, поскольку их связь с деньгами-символами скрыта, закамуфлирована. До тех пор пока не будут описаны взаимосвязи между социальной ценностью денег-символов, представительной стоимостью денежных знаков и покупательной

способностью денежной единицы, любые экономические прогнозы будут превращаться в гадания, а экономическая аналитика — в шарлатанство с большой волотильностью.

Цель данной работы — вскрыть эти взаимосвязи и показать способы управления покупательной способностью денежных единиц.

Глава первая

Деньги, денежные знаки и денежные единицы: к вопросу о предмете исследования

1. ДУАЛИЗМ В ИЗУЧЕНИИ ДЕНЕГ

Исследование процесса зарождения и развития денег имеет большое значение для понимания их сущности и законов поведения. Формирование ясной концепции эволюции денег позволяет разработать модель управления ими, адекватную социально-экономическим реалиям, в какой бы форме деньги ни были представлены: наличной или безналичной, бухгалтерской или электронной, реальной или виртуальной.

Денежные теории пытаются ответить на сложные вопросы. Например, существует ли стоимость денег, и если да, то чем она определяется? Чем отличается стоимость денег от их ценности и как ценность связана с покупательной силой денег и их ценой?

Обобщая поднятые проблемы, можно сказать, что в любой теории денег рассматривается ряд взаимосвязанных проблем: происхождение денег и их сущность; формы и функции; причины и закономерности изменений в покупательной способности. Но основным вопросом любой теории денег является вопрос о сущности денег, который — что логично — связывается с их происхождением.

К настоящему времени создано множество оригинальных концепций происхождения денег, их сущности, функций и роли в экономике. Они по-разному освещают вышеперечисленные вопросы. Но в зависимости от понимания происхождения денег и, соответственно, природы их стоимости большинство теорий можно свести

к двум направлениям: товарно-эволюционному и государственно-правовому.

Двойственность классификации теорий денег не нова. Например, его использовал французский экономист XIX в. Э. Бридрэ. Он писал: «В новейшее время экономисты в своих воззрениях на природу денег разделились на два резко противоположных лагеря: одни утверждают, что деньги есть особая вещь, имеющая собственную ценность, товар, подчиняющиеся, как все другие товары, закону предложения и спроса; другие утверждают, что они суть простой знак, некий представитель ценностей, сам по себе не имеющий реального значения»¹.

А. Мизес также выделяет денежные теории двух видов: каталлактические и акаталлактические² (от лат. «каталлактика» — учение об обмене). Хотя используемые автором названия и необычны, но принцип отнесения теорий к тому или иному виду остается прежним. Каталлактические теории денег являются составными частями теорий меновых отношений. Сущность денег они пытаются объяснить исходя из менового оборота, а их ценность — законами этого оборота. К акаталлактическому виду относятся теории, трактующие деньги как условный знак.

О сложившемся дуальном характере классификации денежных теорий пишут и авторы учебника МГУ: «В начале XX в. в литературе было принято противопоставлять две теории о природе денег. Первая усматривала сущность денег в том, что они являются товаром, другая же сводила эту сущность к тому, что деньги имеют государственный штемпель и обладают принудительным курсом»³.

Длительное время эти два течения (товарно-эволюционное и государственно-правовое) в экономической мысли конкурировали, решая основные вопросы денежной теории диаметрально противоположно. Кратко поясним суть их расхождений.

Теории *эволюционного* направления: классическая, трудовая, товарная, металлическая, хозяйственно-эволюционная, — трактуют

---

¹ *Bridrey E.* La theorie de la monnaie au XIV siecle. Nicole Oresme. Etude d'histoire des doctrines et des faits economiques. Paris, 1906. P. 110

² *Мизес А.* К классификации денежных теорий // Основные проблемы теории денег: Сб. статей / Ред. и перев. Г. А. Мебус. Пг., 1922. С. 9.

³ История экономических учений: Учебник. Ч. II / Под ред. А. Г. Худокормова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 30.

деньги как товар и объясняют их появление естественным путем из экономического обмена. В соответствии с положениями этих доктрин, логическое происхождение денег сопоставляется с их исторической эволюцией. Единичные акты обмена ведут к регулярным актам бартерных сделок, которые осуществляются специфическим товаром, предлагаемым чаще других. Этот товар и используется в качестве денег.

Отталкиваясь от концепции эволюционного происхождения денег, эта группа теорий видит в деньгах исключительно субстанциональную (реальную) стоимость, т. е. стоимость, воплощенную в каком-либо реальном предмете, а именно в товаре. Иными словами, сущность денег заключается в товарной природе того материала, из которого они сделаны. Реальная стоимость золотой монеты — это стоимость соответствующего куска металла. Сторонники этой концепции утверждали, что деньги — это богатство, причем реальное вещественное богатство.

Наиболее заметным представителем эволюционного направления является К. Маркс⁴. К другим сторонникам «естественных» причин появления денег можно отнести А. Р. Ж. Тюрго, А. Смита, Д. Рикардо.

В российской экономической школе XIX в. таких взглядов придерживались, в частности, И. В. Вернадский, М. И. Боголепов, И. И. Кауфман. Последний являлся представителем металлической теории денег и под настоящими деньгами «высшей экономической культуры» подразумевал только золотые и серебряные⁵. Драгоценные металлы, с его точки зрения, это «абстрактное богатство», поскольку они богатством признаются всеми.

В XX в. советская денежная школа восприняла эти традиции и в своих исследованиях под действительными деньгами понимала исключительно золото. Причем само собой подразумевалось, что металлические деньги являлись полноценными. Долгое время большинство экономистов придерживалось мнения, что золото в

---

⁴ «Форма денег сростается или с наиболее важным из предметов, которые получают путем обмена извне и действительно представляет собой *естественно* выросшую форму проявления меновой стоимости местных продуктов. <...> Процесс *обмена* дает товару, который он превращает в деньги, не его стоимость, а лишь его специфическую форму стоимости» (Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Политиздат, 1973. С. 99–100 (курсив всюду наш. — Ю. Б.))

⁵ Кауфман И. И. Кредит, банки и денежное обращение. СПб., 1873. С. 54.

экономике СССР по-прежнему функционирует как денежный товар⁶.

Теперь обратимся к теориям денег, составляющим государственно-правовое направление. Их разработчики утверждают, что деньги возникают в результате соглашения между людьми либо законодательного решения государства. С точки зрения сторонников данной концепции, деньги создаются, изобретаются как специальный инструмент для передвижения стоимостей в меновом обороте.

В противоположность эволюционному государственно-правовое направление подразумевает под деньгами любой знак: действительный, т. е. обладающий субстанциональной (реальной) стоимостью, или условный, имеющий стоимость представительную. Все полезные и редкие блага: вещные знаки, монета, бумага или счетный знак — это деньги, находящиеся в обороте лишь только потому, что в обществе существует доверие к ним, и потому они способны выполнять в хозяйстве все функции денег.

Большинство теорий этого направления избегают использовать понятие «стоимость». Они утверждают, что при выполнении каким-либо знаком функций денег он приобретает и их ценность, под которой понимается покупательная сила. Отсюда их теоретические усилия сосредоточены на утилитарном вопросе — поддержании денежного обращения на стабильном уровне.

Государственно-правовое направление также богато и разнообразно доктринами, объясняющими происхождение денег. Его составляют теория соглашения, государственная теория, абстрактно-номиналистическая, количественная и др. Основоположником данного направления можно считать Аристотеля, писавшего, что «деньги возникли путем соглашения, не из природы вещей, а путем закона. <...> Словно замена потребности, по общему уговору появилась монета»⁷.

Западная экономическая мысль в лице таких ее представителей, как Дж. Беркли, Дж. Локк, Д. Юм, Р. Далберг, Г. Кнапп, Ф. Бендиксен, Р. Лиефманн, Дж. Ло, Ф. Визер, Р. Гильфердинг —

---

⁶См.: Кронрод А. Я. Деньги в социалистическом обществе. М., 1960. С. 194–218; Конник И. И. Деньги в период строительства коммунистического общества. М., 1968. С. 36–49; Федеренко А. И. Денежное обращение в социалистическом хозяйстве. М., 1973. С. 7–20.

⁷Аристотель. Никомахова этика. М., 1981. С. 210.

была особенно плодотворна в формировании данной концепции.

Подобной позиции придерживаются и некоторые американские экономисты XX века. Так, например, П. Самуэльсон определяет деньги как социальную условность, а Дж. К. Гелбрейт считает, что «закрепление денежных функций за благородными металлами и другими предметами — продукт соглашения между людьми»⁸.

Внесли свой вклад в ее наполнение и экономисты русской школы, правда, с некоторым специфическим «оттенком». Так, если для западных теоретиков ценность денег либо создается соглашением людей, либо опирается на правовые отношения в государстве, то для отечественных ученых ценность денег определяется по воле царя,⁹ или нравственным началом верховной власти¹⁰.

Справедливости ради следует отметить, что российская экономическая мысль имеет и другие определения денег. Так, Иван Вавилов писал, что «деньги суть воображаемая ценность предметов торговли, определяемая по видимой численности и количеству, и по предполагаемому качеству»¹¹.

Позиции эволюционистов довольно часто подвергались и подвергаются критике сторонниками государственно-правового направления за односторонность подхода, основанного исключительно на материалистических началах, которые игнорируют субъективную, психологическую сущность экономических процессов. В России особенно непримиримым противником эволюционного подхода был «экономист-почвенник» С. Ф. Шарапов¹². Аналогичную

---

⁸Цит. по: *Самуэльсон П.* Экономика. Вводный курс / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1964. М., 1989. С. 69.

⁹«Мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, того ради <...> мы не вес в них [монетах. — Ю. Б.] числим, но исчисляем начертание на ней <...> И по сему разумей, еже у нас не вес имеет силу, но царская воля. ... Понеже у нас самый властительный и всецелый монарх, а не аристократ или демократ». (*Посошков И. Т.* Книга о скудности и богатстве и другие сочинения: Научное издание. СПб., 2004. С. 238–239).

¹⁰«Внутренняя стоимость, покупная сила бумажного рубля основывается на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках коей находится управление денежным обращением» (*Шарапов С. Ф.* Бумажный рубль (его теория и практика). СПб, 1895. С. V, 29).

¹¹*Вавилов Ив.* Беседы русского купца о торговле. Практический курс коммерческих знаний. Ч. 1. СПб, 1846. С. 12.

¹²См. подробнее: *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. Реформы

позицию занимал и А. Н. Миклашевский, который, заочно полемицируя с К. Марксом, писал: «Материалистическое объяснение истории всегда будет односторонностью», задача заключается «в изучении развития жизни и духа в их совокупности и взаимном влиянии»¹³.

Но, обвиняя эволюционистов в однобокости, их оппоненты, в свою очередь, абсолютизировали субъективно-психологические факторы развития.

Таким образом, односторонность была характерна для обоих направлений. Это проявилось в том, что ученые-эволюционисты были в состоянии объяснить появление всего двух форм денег — вещной и металлической, поэтому только их и признавали *истинными* деньгами, деньгами «высшей экономической культуры»¹⁴. А внести ясность в проблему функционирования в денежной системе банкнот, неразменных бумажных знаков и счетных денег они были не в состоянии. В свою очередь, сторонники государственно-правовой доктрины объясняли происхождение неразменных бумажных денег, то есть денег с принудительным курсом, не считая нужным пролить свет на появление вещных и металлических форм денег.

К началу XX в. среди денежных теорий не было концепции, которая поясняла бы происхождение всех существовавших к тому времени форм денег и давала бы прогноз их развития. Как писал в то время М. И. Боголепов, «затруднения научной мысли выра-

---

и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: «Наука», 1998. С. 182–184; *Базулин Ю. В.* 1) Политико-экономические воззрения Сергея Федоровича Шарипова // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 3. С. 25–41; 2) Теория «абсолютных денег» С. Ф. Шарипова // Вестник СПбГУ. Сер.: Экономика. 2005. Вып. 1. С. 40–49; 3) Двойственная природа денег: русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков: Монография / Ю. В. Базулин; отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб., 2005. С. 10–30.

¹³ *Миклашевский А. Н.* Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М., 1895. С. 54, 56.; *Миклашевский А. Н.* История политической экономии. Юрьев, 1908. С. 423.

¹⁴ *Базулин Ю. В.* 1) Илларион Игнатьевич Кауфман — ученый и педагог Петербургского университета // Вестник СПбГУ. Сер.: Экономика. 2002. Вып. 2. С. 118–126; 2) Теоретические воззрения И. И. Кауфмана на природу денег и кредита // Деньги. Кредит. Банки: Учебник / Г. Е. Алпатов, Ю. В. Базулин и др. под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М., 2003. С. 193–200; 3) Двойственная природа денег: русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков: Монография. СПб., 2005. С. 236–250.

зились главным образом в том, что она оказалась до сих пор не в силах создать, так сказать, абсолютную теорию денег, граничащую с философией денег, которая годилась бы для всех времен и всех условий. Наука пока не дала своего существа денег»¹⁵. А известный русский историк экономической мысли проф. В. В. Святловский по этому же поводу писал, что не только не создано «единой догмы», но и каждая школа считает свою теорию денег единственно верной¹⁶.

К началу XX века в экономической и, в частности, денежной теории ясно прослеживается соперничество двух разных методологических направлений в истолковании природы и сущности денег. Одно — «эволюционное», которое отталкивается от объективных, материалистических посылок развития экономической системы и денег, другое — «государственно-правовое» — истолковывает их эволюцию, опираясь на субъективно-психологические мотивы поведения человека. П. Струве в своей работе «Хозяйство и цена» отмечал наличие, как он говорил, «дуализма» в восприятии денег. «На самой заре экономических размышлений дуализм общественно-экономического процесса предстает при обсуждении проблем денег. Есть ли деньги условное установление, всецело подчиняющееся единой «телеологической» воле субъекта или они суть явление, имеющее свою стихийную закономерность?»¹⁷.

В это время новое поколение ученых стремилось найти свое решение этой проблемы. Они считали, что научная значимость и новизна одной методологии отнюдь не означает ложность другой. Отсюда — критическое осмысление двух направлений и попытка создания собственной синтетической теории. Соединить трудовую

---

¹⁵ Боголепов М. И. Бумажные деньги. Пг., 1922. С. 5–6.

¹⁶ «Единой догмы не существует. Дело в том, что современная политическая экономия не представляет собою законченного здания. Многие первоклассные проблемы или намечаются, или спорны, или представляют загадку, разрешаемую противоречивыми объяснениями. Экономисты настоящего времени — представители самых разнообразных течений и направлений. Каждый считает именно свою догму, свою школу, свою политическую экономию единственно правильной, единственно безошибочной, а все остальные едва заслуживающими внимания». (Святловский В. В. Очерки по истории экономических воззрений на западе и в России. Ч. 1. СПб., 1913. С. 3).

¹⁷ Струве П. Б. Хозяйство и цена: Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. В 2-х ч. Ч. 1: Хозяйство и общество — Цена-ценность. М., 1913. С. 67.

теорию и теорию предельной полезности пытались В. Я. Железнов, В. К. Дмитриев и М. И. Туган-Барановский¹⁸.

Пример такого синтеза — работа М. И. Туган-Барановского, в которой он пытался разъяснить возникновение металлических и неразменных бумажных денег одной теорией¹⁹. Разработанная им «конъюнктурная» теория изложена в книге, имеющей и соответствующее название — «Бумажные деньги и металл» (Пг., 1917)²⁰. По замыслу автора, количественная и товарная теории денег, дополняя друг друга, должны были создать «истинную» теорию стоимости.

Туган-Барановский верно подметил двойственный характер денег, но раскрыл его метафизическим способом. Так, объяснение появления вещных денежных знаков и монет дается им с позиций экономистов-эволюционистов. Из этого «объяснения» вытекает, что возникновение денег есть результат стихийного обмена²¹.

Другое пояснение — для бумажных денег — опирается на номиналистическую концепцию, относящуюся к государственно-правовому направлению теорий денег. «Хотя деньги возникли как результат стихийного процесса обмена, — пишет Туган-Барановский, — тем не менее, для своего полного развития они требуют санкции государственной власти, признающей данный предмет деньгами, т. е. законным платежным средством»²².

В действительности же эта концепция представляет собой лишь механистическое соединение разных подходов. По-видимому, это и дало основание В. В. Святловскому заметить по поводу результатов работы Туган-Барановского: «получился принципиально-нелепый дуализм, эклектизм, двойственность в вопросе, требующем единоначалия»²³.

---

¹⁸См. работы: *Железнов В. Я.* Очерки политической экономии М., 1912. С. 650–655; *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. 3-е изд. Пг., 1915.; *Дмитриев В. К.* Экономические очерки. М., 2001.

¹⁹Об этом см., например: *Базулин Ю. В.* 1) Двойственная природа денег М. И. Туган-Барановского // Вестник СПбГУ. Сер.: Экономика. 2005. Вып. 2. С. 118–126; 2) Конъюнктурная теория денег М. И. Туган-Барановского // Деньги. Кредит. Банки. С. 256–260; 3) Двойственная природа денег... С. 151–161.

²⁰В научной литературе хорошо известно второе посмертное издание книги, осуществленное в 1919 г. в Одессе.

²¹*Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. Пг., 1917. С. 240.

²²*Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. Пг., 1918. С. 256.

²³*Святловский В. В.* Практический справочник по вопросам теории и по-

До настоящего времени не существует единого подхода к объяснению появления и функционирования в денежной системе таких форм денег, как вещные (скот, зерно и др.), монеты, бумажные и счетные деньги (банковский флорин, переводный рубль, евро и т. п.). Односторонность как используемых методов, так и выводов, полученных обоими направлениями, подвергается обоснованной критике. Ряд теоретических положений до сих пор не находит практического подтверждения, а некоторые факты — теоретического обоснования.

Например, представляется вряд ли возможным теоретически обосновать исключительно на основе факта экономического оборота появление примитивных денег, как-то: зубы акулы, ракушки каури, горшки, циновки, пучки перьев, клыки свиней или собак — которые, тем не менее, использовались в качестве универсального эквивалента²⁴.

Ни государственно-правовое, ни тем более эволюционное направления не могут выявить экономических причин порчи, миниатюризации или, наоборот, гигантизма примитивных денег²⁵.

Целостной концепции в научном понимании природы денег не выработано и к началу XXI в. По-прежнему в теории сохраняются два традиционных направления — эволюционное и государственно-правовое. При всей кажущейся противоположности в действительности для этих направлений характерны общие позиции в изучении денег.

Во-первых, в той или иной интерпретации в них преобладает подход, сводящий деньги к роли инструмента, облегчающего товарообмен. В таком понимании деньги следуют за товарами, облегчают сделки и позволяют избегать трудности, присущие натурально-

---

литики народного хозяйства: Библиографический справочник марксиста. Л., 1924. С. 126.

²⁴Смотри подробнее: *Саллинз М.* Экономика каменного века = SAHLINS M. Stone Age Economics. М., 1999. С. 178; *Евслин З. П.* Деньги. Пг., 1923. С. 11.

²⁵«Так, на о-ве Маэво в Меланезии циновки, имеющие значение меры стоимости, нарочито портят, чтобы лишить их потребительной стоимости. Весьма своеобразны в этом отношении просверленные каменные диски весом в несколько десятков килограмм с о-ва Яп. Тяжелые и малотранспортабельные, они лежат около хижины владельца, символизируя его состоятельность, но не имея потребительной стоимости». (*Массон В. М.* Развитие обмена и торговли в древних обществах // Краткие сообщения / АН СССР, ин-т археологии. № 138: Торговля и обмен в древности. М., 1974. С. 7).

му обмену. Здесь, надо полагать, подразумевается, что деньги возникают после экономического разделения труда, после организации товарного обмена, а роль денег в экономической системе нейтральна, поскольку сам обмен может осуществляться как с помощью денег, так и без них.

Во-вторых, в этих теориях деньги-инструмент выкристаллизовываются из постоянно повторяющегося процесса обмена, где меняется «20 аршин холста на 1 сюртук или 10 фунтов сахара, или 10 фунтов кофе, или 2 унции золота»²⁶ и т. д. При таком подходе из экономического анализа исключаются психологические факторы, влияющие на пропорции обмена. Все экономические субъекты однородны, т. е. нейтральны в процессе обмена. Они не чувствуют никакой зависти; в них нет никакой жажды социального признания. Им отказано в желаниях, предпочтениях, устремлениях и целях. А, если таковые и есть, то они должны для всех субъектов в одно и то же время быть одинаковыми. Все они независимо друг от друга стремятся к состоянию «блаженства», называемому оптимумом.

В-третьих, эти направления предполагают, что само оптимальное состояние *homo-oeconomicus* может достигаться замещением выбора благ по кривой безразличия — масло или пушки. Таким образом, и сами экономические блага, участвующие в обмене, предполагаются также однородными, т. е. нейтральными к обмену. Их полезности заранее известны обменивающимся сторонам, а изобретение новых товаров, несущих с собой новый образ жизни, такими исследователями игнорируется.

В теоретических конструкциях обоих направлений нейтральны деньги, люди и блага — это отправная точка всех учебников по экономике. Подобные допущения не могут не вести к поверхностному анализу общества с товарными отношениями. Они устанавливают такие внутренние границы в своих концепциях, в рамках которых деньги появляются в «чистой» экономике внезапно из какого-то иного, неведомого, пространства. Причем деньги возникают тогда, когда уже сформированы все социальные и экономические отношения, и потому они трактуются как второстепенные инструменты товарообмена. Отсюда и изучение закономерностей их эволюции и природы считается несущественным.

---

²⁶ Маркс К. Указ. соч. С. 75.

В последнее время все больше ученых видят несуразность такого подхода к изучению денег. Наиболее близка к нашему взгляду на эту проблему точка зрения французских экономистов А. Орлеан и М. Аглиетта. Они, говоря о разнообразии денежных теорий, указывают на то, что все они «разделяют ряд **общих** принципов: они исходят из рационального индивида, отрезанного от социального мира и стремящегося максимизировать свою полезность, т. е. из того, что называется *homo economicus*, который вступает в отношения с другими экономическими субъектами только через посредство рынков. [Денежные теории] **объединяет**. . . идея, играющая ключевую роль в ортодоксальных взглядах на деньги, — идея нейтральности денег»²⁷.

2. ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕНЕГ

В итоге ретроспективного анализа теорий денег возникают два принципиальных вопроса. Во-первых, почему, несмотря на то, что объект исследования для всех школ и направлений один — деньги, полученные результаты настолько разнятся? Во-вторых, где находится и что представляет собой «простейшая клеточка» денег, которая есть основание для целостной и внутренне непротиворечивой концепции их появления?

Как представляется, решение этих вопросов предполагает осуществление новых фундаментальных разработок, в ходе которых необходимо уточнение предмета исследования и проведение новых междисциплинарных исследований, осуществляемых с помощью современных философских и методологических знаний.

Анализ предмета исследования существующих теорий денег приводит к выводу — любая из них изучает деньги как знак. Для марксистской теории деньги — это знак стоимости, а для субъективно-психологической школы — это любой предмет, выполняющий функции денег. Ограничиваясь изучением денег как знака, они тем самым сузили область своего исследования исключительно явлениями, т. е. формами денег, не раскрыв содержания денег. Таким образом, можно констатировать, что существующие теории изуча-

---

²⁷ Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием. М., 2006. С. 16–17: подстраничное примечание.

ют не деньги, а лишь их функциональные формы: вещные денежные знаки, монеты, банкноты, счетные, электронные деньги и т. д. Даже такой глубокий ученый как К. Маркс — и тот ограничивался изучением исключительно форм денег.

На ранних этапах развития теорий денег исследования были посвящены в основном монетам и монетному обращению, затем, примерно с 60-х годов XIX в., внимание ученых сконцентрировалось на банкнотах, но уже в начале XX в. область научного интереса переместилась к бумажным деньгам и далее — коллективным счетным единицам. Сегодняшняя мода — это электронные деньги.

В большинстве работ авторы употребляют термин «деньги», хотя в действительности изучают их формы, т. е. денежные знаки. К. Маркс чувствовал разницу между этими двумя понятиями и в «Капитале» чаще употреблял категории «как деньги», «в качестве денег», «денежные формы», «формы денег» и т. д., и реже — «деньги». Интересно, что уже в середине XIX в. предлагалось разграничить понятия «деньги» и «их функциональные формы». Так, И. Вавилов пишет: «Деньги и монета не одно и то же. Деньги — суть первообраз и меритель ценности, а монета есть только их представитель и средство сравнения»²⁸.

Использование того или иного термина имеет не столько стилистическое, сколько научно-методологическое значение. На наш взгляд, при разработке теорий денег необходимо говорить о системе из трех категорий: *деньги*, *денежные знаки* и *денежные единицы*. Каждая теория открывала и изучала «свою» форму, которая являлась доминирующей лишь на *одной из стадий* эволюции денег. Проблемы возникали тогда, когда эта часть абсолютизировалась, и с ее помощью пытались объяснить целое — природу денег.

Таким образом, ответ на первый поставленный вопрос лежит в следующей плоскости — разнообразие существующих трактовок появления денег объясняется исключительно тем фактом, что исследуются деньги как знаки, т. е. их формы. А поскольку последние являются элементами экономических систем, то они каждый раз видоизменялись с переходом экономики на следующую конкретно-историческую стадию своего развития.

С философской точки зрения, каждая научная теория занимает свое место в системе знаний и имеет право на существование.

---

²⁸ Вавилов Ив. Указ. соч. С. 12.

Стремления объединять эволюционное и государственно-правовое направления являются наивными, а попытки — тщетными и, самое главное, ненужными. К тому же обе эти доктрины, как уже говорилось выше, уже имеют скрепляющее их начало, которое заключается в том, что деньги выводятся ими исключительно из *экономических отношений, торгового оборота*. И только различная трактовка самого процесса появления форм денег создает впечатление кажущегося разнообразия денежных теорий.

Решение второго вопроса необходимо искать вне «чистой» экономической теории, поскольку ничего принципиально нового о природе и происхождении денег (а не их форм) с ее помощью невозможно открыть. Необходим выход за пределы самого экономического мира, чтобы открыть нечто действительно принципиально отличное от предыдущего знания. Именно вне экономической сферы и должно быть обнаружено исходное звено в объяснении природы денег. Поэтому отправной пункт нашего исследования прямо противоположен позиции сторонников «чистой экономики». Сторонники экономического либерализма исходят из понятия экономического агента, используемого для того, чтобы сделать рынок независимым от какой-либо социальной детерминации. Для нас же никакой экономики не может быть вне сети социальных институтов. Мы полагаем, что деньги являются предварительным условием возникновения и развития экономической системы, а выяснение их сущности выходит за рамки экономической теории.

Понятие «деньги» является более сущностной категорией по сравнению с понятиями «денежные знаки» и «денежные единицы», и для выяснения причин их происхождения и природы мы будем опираться на более сущностные — социальные — отношения. Деньги характеризуются двойственной природой. Они не только и не столько экономическое явление, сколько социальное. Деньги возникают как способ закрепления социальных отношений через формирование определенных экономических отношений.

Эта точка зрения с течением времени все более становится распространенной. Так, в конце XIX в. К. Менгер только ставил вопрос о возможном двойственном характере происхождения денег. Он задавал вопрос: «составляют ли деньги органический элемент мира благ или аномалию народного хозяйства. Основывается ли рыночная ходкость [ликвидность. — Ю. Б.] и меновая ценность денег на тех же (экономических) причинах, как и ценность других благ, или

же деньги являются только продуктом условности и авторитарности»²⁹.

В XX веке ученые уже начали говорить о присутствии социальных «вкраплений» в экономические отношения. Так, С. Н. Булгаков писал: «экономическая необходимость всегда есть в большей или меньшей степени *социально-экономическая* необходимость»³⁰. Аналогичное утверждение находим у В. С. Афанасьева: «экономические явления <...> обладают двойственной и притом разнокачественной, разнопорядковой природой. С одной стороны, экономические явления выступают просто как вещи, в своем натурально-вещественном качестве, <...> а с другой — они проявляют себя как феномены социально-экономического порядка, <...> подчиняющиеся совсем иным — социально-экономическим — закономерностям»³¹. Французские ученые М. Аглиетте, А. Орлеан, К. Бенетти и Ж. Картелье отмечают, что «деньги являются не следствием рынка, а условием его существования». «Мы согласны с Жаном Картелье в том, что исторический процесс, который привел к возникновению денег и постепенному формированию современных денежных экономик, относится не только к области экономического дискурса. Действительно, чтобы понять этот процесс, необходимо представить (осмыслить) общественные формы, предшествовавшие товарному обмену, понять как их слабые, так и сильные стороны, т. е. все то, что выходит за рамки экономической теории в строгом смысле»³².

В начале XXI в. А. А. Зиновьев дает уже однозначный ответ о природе денег, указывая, что деньги — это идеологический феномен, который «до известной степени культивируют специально, ибо это — средство манипулирования людьми»³³.

Мы со своей стороны утверждаем, что исследование происхождения и природы денег должно опираться на факт первичности социальных отношений по отношению к экономическим. Деньги — продукт социальных отношений, денежные знаки — инструмент

---

²⁹Цит. по: *Святловский В. В.* Примитивные деньги и эволюция древне-русских денежных систем // Народное хозяйство. СПб., 1900. № 1. С. 25.

³⁰*Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1990. С. 214.

³¹*Афанасьев В. С.* Метод экономической двойственности // Вопросы экономики. 2005. № 8. С. 8.

³²*Аглиетта М., Орлеан А.* Указ. соч. С. 33–34.

³³*Зиновьев А. А.* Деньги и денежный тоталитаризм // Философия хозяйства. 2000. № 4. С. 31.

экономических, а денежные единицы — результат государственно-правового регулирования последних.

Существуют различные мнения о первичности и вторичности социальных и экономических отношений. В советской философской и экономической школе считалось, что экономические отношения являются первичными, а социальные — вторичными и производными от них. Такая концепция, опирающаяся на марксистский постулат об определяющей роли бытия по отношению к сознанию (экономический материализм), получила название «экономизм» — в противоположность гегелевскому идеализму или миллевскому психологизму³⁴.

Сторонники экономизма постулировали, что уровень развития производительных сил определяет производственные отношения, а в соотношении производства и потребления предпочтение отдавала первому. Форма распределения зависела от формы собственности на средства производства. При этом социальное неравенство рассматривалось как проявление и одновременно как порождение неравенства экономического, имущественного. Общим местом в данном подходе был тезис о том, что низкий уровень развития производительности труда первобытного человека делал социальные отношения уравнительными³⁵.

Наиболее яркий пример «экономизма» — работы К. Маркса, которому надо было выработать *основную идею* «о естественноисторическом процессе развития общественно-экономических формаций»³⁶. Краеугольным камнем марксистской теории развития об-

---

³⁴ «В рамках общественно-экономической формации материальные базисные отношения выступают как системообразующее начало, формирующее системную целостность общества. <...> Признание определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию является основанием научного детерминистического подхода к анализу и когнитивного аспекта социальных систем». (Диалектика общественного развития / В. Г. Афанасьев, В. Ж. Келле, В. А. Ядов; под ред. В. Ж. Келле, Д. А. Гущина. Л., 1988. С. 62).

³⁵ «Труд первобытного человека еще не мог создать прибавочного продукта, т. е. излишки средств к существованию сверх их необходимого жизненного минимума. В этих условиях распределение продукта могло быть лишь уравнительным, что, в свою очередь, не создавало объективных условий для имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком, образованию классов и формированию государства». (Тюцев В. А. Основные черты и направление развития первобытнообщинного хозяйства // Экономическая история капиталистических стран. М., 1985. С. 12–19).

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 134.

щества и денег является положение о примате экономических отношений. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный и духовный процесс, процессы жизни вообще»³⁷.

Концепция экономического материализма была особенно востребована в России — как дореволюционной, так и советской. Многие ученые осуществляли свои исследования, находясь в ее границах. Например, Н. Д. Кондратьев, разрабатывая теорию больших циклов конъюнктуры, опирался на принципы экономического детерминизма. С его точки зрения, подготовка новых квалифицированных кадров, научно-технические изобретения воплощаются в жизнь только при наличии адекватных экономических условий, а «войны и социальные потрясения включаются в процесс капиталистического развития и оказываются не исходными силами этого развития, а его функцией и формой»³⁸.

Вопрос о происхождении денег в рамках данного подхода решался, соответственно, с позиций экономического материализма. Цепочка рассуждений его сторонников может быть представлена следующим образом: экономические отношения — разделение труда — потребности — экономический оборот — деньги.

Другой подход говорит о ведущей роли социальных отношений, которые являются базисными, определяющими поведение и развитие иных — и в первую очередь экономических — отношений. Концепции, утверждающие примат социальных отношений над экономическими, насчитывают не одну сотню лет. Они то доминировали в научной среде, то уступали свои позиции. Наиболее ясно заявили о главенстве социальных отношений социалисты-утописты в конце XVIII в. Так, К. Сен-Симон считал, что собственность есть не экономическое, а исключительно социальное явление³⁹.

В дальнейшем представители и других научных школ развивали идею о первичности социальных отношений. Эта точка зрения

---

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6–7.

³⁸ «Научно-технические изобретения могут быть, но могут оставаться недействительными, пока не появятся необходимые экономические условия для их реализации. ... Само развитие техники включено в закономерный процесс экономической динамики». (Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения / Ред. колл. Л. И. Абалкин и др. М., 1993. С. 63).

³⁹ «Собственность есть социальное явление, подверженное подобно всем другим социальным явлениям закону прогресса». (Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений / Пер. с фр. предисл. Я. И. Кузьмина. М.: Экономика, 1995. С. 179–180).

снова стала господствующей в научной среде в начале XX в., когда «экономизм» начал сдавать свои позиции.

Так, Н. Кареев отмечал, что именно «социальные формы» определяют благополучие или неблагополучие личности. «Духовное развитие [вызывает] <...> нарастание новых требований, которые личность предъявляет [к] жизни вообще и в частности социальным формам, определяющим ее материальное благополучие и неблагополучие. <...> Удовлетворение материальных потребностей человека в каждом отдельном обществе зависит <...> и от особенностей общественного строя»⁴⁰. П. Струве первичность социальных отношений доказывал следующим образом: «Если бы людям не нужно было вовсе хозяйствовать, между ними все-таки существовали бы какие-то отношения <...> Все междучеловеческие отношения суть отношения общения, суть отношения социальные»⁴¹.

Бельгийский ученый Г. де-Грееф считал, что экономические, политические, правовые и иные отношения являются разновидностями социальных отношений⁴². Итальянский социолог В. Парето рассматривает экономику как подсистему социальной системы⁴³. Американский антрополог М. Салинз, говоря о соотношении социальных и экономических институтов, отмечает, что состояние первых определяет состояние последних⁴⁴.

Некоторые советские ученые 30-х г. XX в. заявляли даже о доминирующем влиянии социальных условий над биологическими факторами при формировании этнических особенностей и антропологических типов людей⁴⁵.

---

⁴⁰ Кареев Н. И. *Философия культурной и социальной истории нового времени: 1300–1800. Введение в историю XIX века.* СПб, 1893. С. 20–21.

⁴¹ Струве П. Б. *Социальная и экономическая история России.* Париж, 1952. С. 9.

⁴² Образование социального агрегата «предполагает самопроизвольное, постоянное и необходимое возникновение целого ряда социальных свойств: экономических, генетических, эстетических, юридических, политических» (Грееф Г., *де.* *Основные законы развития общества.* М., 1914. С. 368).

⁴³ История социологии в Западной Европе и США / РАН; Ин-т социально-политических исследований. М., 1999. С. 238.

⁴⁴ См.: Салинз М. *Экономика каменного века.* М.: ОГИ, 1999.

⁴⁵ «Изменение антропологического типа может быть понято лишь как следствие происшедших перемен в общественной структуре. <...> Этнические особенности, делящие человечество на племена и народы, обычно неверно воспринимаются как биологическое явление, тогда как на самом деле этническая разобщенность в ее биологическом проявлении есть результат длительного воз-

Об определяющей роли социальных отношений пишет теоретик науки В. Турчин. Он особо подчеркивает, что при исследовании механизма развития культуры необходимо в первую очередь учесть социальную структуру общества, а затем уже влияние природных условий, исторических случайностей и прочих факторов⁴⁶. Исследования современных антропологов находят этой мысли фактическое подтверждение. Так, палеоантрополог О. Артемова пишет, что социальное неравенство было первично по отношению к экономическому, поскольку определялось факторами социально-психологического порядка. «Перед нами специфически первобытная форма социального неравенства. Для ее развития не нужно было никаких материальных накоплений. Технологическая основа первобытной культуры была для нее вполне достаточной, и корни ее лежали, по всей очевидности, в сфере социально-психологического, а не экономического характера»⁴⁷.

Социальный антрополог М. Мосс идет дальше и говорит даже не о первичности социальных отношений, а об их целостности, полагая, что социальные отношения есть совокупность всех отношений вообще: религиозных, юридических, этических, экономических и т. д.⁴⁸ Американский социальный антрополог Франц Боас разделяет точку зрения своего французского коллеги, утверждая, что экономика является «частью культурной [социальной — Ю. Б.] жизни»⁴⁹. Лауреат Нобелевской премии (1988) французский экономист

действия социальных условий» (*Мещанинов И. И.* Верхний палеолит // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1931. Т. XI. Вып. 1. С. 5–6.)

⁴⁶ *Турчин В. Ф.* Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. М., 1993. С. 151.

⁴⁷ *Артемова О. Ю.* Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития: Сб. научных трудов. Кн. I / Отделение истории АН СССР. М., 1991. С. 68.

⁴⁸ «В этих «тотальных» («целостных»), как мы предполагаем их называть, социальных явлениях одновременно находят выражение разного рода институты: религиозные, юридические и моральные — и вместе с тем политические и семейные; экономические, предполагающие особые формы производства и потребления или, точнее, поставок и распределения; не говоря уже о феноменах эстетических, венчающих эти факты, и морфологических, выражающихся в названных институтах» (*Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М., 1996. С. 85–86).

⁴⁹ «Ранние попытки Моргана связать социальную организацию и экономические условия оказались ошибочными; не больше успеха имело и более недавнее выведение культурных форм исключительно из экономики. Конечно, культура

М. Алле также считает, что «экономика часть социального целого»⁵⁰.

Мы присоединяемся к этой точке зрения, считая социальные отношения целостными, т. е. включающими в себя все иные, в том числе и экономические, поскольку люди социальны по самой своей природе.

Правда, следует отметить, что концепция целостности социальных отношений наиболее четко была сформулирована еще Ш. Монтескье. Согласно его теории, все черты общественной жизни образуют единое целое. Он пытался показать, что законы общества связаны с политическим устройством, экономической жизнью, религией, климатом, численностью населения, манерами, обычаями и тем, что он называл «общим духом».

Такой же позиции придерживается и ряд российских ученых. Например, В. Бранский и С. Пожарский пишут: «социальный идеал включает в себя экономический, политический, этический, эстетический и мировоззренческий аспекты», а его достижение есть «полная гармония всех указанных сторон социального идеала»⁵¹. Социолог Т. Заславская отмечает, что «социальный престиж» есть концентрированное выражение совокупности политического, экономического и социокультурного потенциала⁵². С. Московичи гово-

---

теснее связана с экономическими, нежели географическими условиями, и одна из причин этой связи в том, что экономика — часть культурной жизни. <...> В экономической жизни как таковой ничто не может сделать человека земледельцем или пастухом. <...> Еще труднее вывести из экономических нужд сложные социальные формы, религиозные представления и художественные стили» (Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 506).

⁵⁰ «Высшей целью и центром внимания является не государство, а человек. Вместе с тем экономика, будучи частью социального целого, не может быть самоцелью. Ее основная задача — удовлетворение человеческих потребностей. Поэтому критерием экономического прогресса следует считать не рост валового национального продукта, а рост чистого потребляемого дохода на душу населения» (Алле М. Экономика как наука. М., 1995. С. 15).

⁵¹ Бранский В. П., Пожарский С. Д. Синергетический историзм как новая философия истории // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 47

⁵² «Основными критериями статуса общественных групп, а соответственно, и социальной стратификации общества принято считать: политический потенциал, <...> экономический потенциал, <...> социокультурный потенциал, <...> и, наконец, социальный престиж, являющийся концентрированным от-

рил о детерминации социального и психического, причем последнее лежало в основании первого⁵³.

Нельзя не отметить и другие точки зрения. Например, одной из них, назовем ее нигилистической, придерживался известный историк экономики Ф. Бродель, который вообще считал неважным определение взаимозависимости между экономикой и социальной системой⁵⁴.

Такой нигилизм, в частности, отражается в авторской концепции развития общества, в которой Бродель не совсем последователен в вопросе соотношения социального и экономического. Так, например, в ряде случаев он опирается на принцип доминирования экономического над социальным и пишет, что наличие золотого обращения в экономике придает ей статус «центра»⁵⁵. В другом месте Бродель опирается на постулат доминирования социальных отношений над экономическими и, давая характеристику денежному обращению, указывает, что его иерархическая структура (золо-

---

ражением названных выше признаков» (*Заславская Т. И.* Социальная структура современного общества // *Общественные науки и современность.* 1997. №2. С. 5).

⁵³ «Жизненные вопросы экономики, администрации и религии регулируются изнутри некоторой формой государства, которое навязывает свои решения. Чрезвычайно поучительно видеть, как марксисты прикасались к этому феномену и все-таки упустили его. После Вебера, в свете выработанного им воззрения на общество, движущие силы общественных изменений связаны уже «не с развитием производительных сил, как мог бы выразиться Маркс, но с психологическими мотивами правящих и управляемых». Сказано немного размахисто, но главное действительно в этом» (*Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 2003 [1981]. С. 16–17).

⁵⁴ «Экономика никогда не бывает изолированной. Ее почва, ее пространство суть равным образом те почва и пространство, где поселяются и живут другие сущности — культурная, социальная, политическая, — беспрестанно в экономику вмешивающиеся, дабы ей способствовать либо с тем же успехом ей противостоять. <...> Можно было бы в каком угодно порядке писать следующие уравнения: экономика — это политика, культура, общество; культура — это экономика, политика, общество и т. д. Или же признать, что в таком-то данном обществе политика ведет за собой экономику, и наоборот, что экономика благоприятствует или не благоприятствует культуре, и наоборот, и т. д.» (*Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М. 1992. С. 39).

⁵⁵ «Как только Испания при Омейядах, бывшая чем-то вроде исламского Дикого Запада, обзаводится в X веке суданским золотым порошком и тем самым длительный период переходит от серебра к золоту, она превращается в господствующую силу мусульманского мира» (*Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 1. М., 1995. С. 114).

то, серебро, медь) определяется рангом индивидуума, страты или социальной системы и т. д.⁵⁶. В других местах мы опять находим «скатывание» к экономическому детерминизму. В частности, автор пишет, что «стабильной монета бывает лишь благодаря крепкой экономике»,⁵⁷ но и это положение впоследствии неоднократно дезавуируется констатацией факта об активной роли денежного знака и о его влиянии на экономику и политику⁵⁸.

Такая нечеткая позиция объясняется исключительно тем, что Бродель не ставил перед собой цель исследовать природу и происхождение денег. Но, будучи прекрасным знатоком общества и экономики, педантичным ученым-историком, он чувствовал это неоспоримое влияние социума на экономику.

С середины 1950-х годов в мировом научном сообществе стала укрепляться идея, о том, что анализ денег выходит далеко за рамки собственно экономики, а трудность придания им теоретического статуса лежит в самом основании политической экономии — в понимании экономического субъекта. Как пишут французские экономисты А. Орлеан и М. Аглитте: «Деньги — не только и даже не столько экономическое благо. Они в определенном смысле отражают общество в целом. Поэтому можно говорить, что их законность основана на суверенитете. Но очень часто комментаторы и граждане видят в деньгах только звонкую монету и банкноты, пригодные для операций купли-продажи. Они не понимают, что за этой благопристойной внешностью скрываются силы, способные перемолоть и индивидов, и нации»⁵⁹.

---

⁵⁶ «В их [капиталистов] распоряжении тысяча способов обратить игру в свою пользу — манипуляциями с кредитом, ставкой хорошей монеты против плохой, при этом хорошая — золотая и серебряная — монета участвовала в крупных сделках и шла капиталисту, в то время как плохая использовалась для выплаты заработной платы работникам и мелких каждодневных расходов, т. е. уходила к труду» (*Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 61–62.)

⁵⁷ *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX века. М., 1997. С. 363.

⁵⁸ «Французская монета в начале Революции еще оставалась монетой страны по преимуществу сельскохозяйственной, иначе говоря, связанной с землей, с ее пропастями, ее неспешностью, ее преградами, болотами, водоемами. Английская же монета была связана с торговлей, и оттого обладала гибкостью, проворством, быстротой обращения и умением вдыхать жизнь в экономику более современную, чем французская, способную добавив мы, помочь становлению современного капитализма» (*Бродель Ф.* Указ. соч. С. 364.)

⁵⁹ *Орлеан А., Аглитте М.* Указ. соч. С. 11.

Несмотря на наличие различных точек зрения, к концу XX века идея целостности социальных отношений стала столь распространенной, что в обществоведении сложилось новое направление, получившее название неозолуционизм. Ее сторонников объединяет стремление вписать происходящие экономические, политические и духовные изменения в общую логику социальной эволюции⁶⁰.

Как нам представляется, подход, постулирующий первичность социальных отношений предпочтителен и его следует использовать в определении происхождения и природы денег.

В данной работе цепочка взаимосвязей представлена следующим образом: развитие потребностей — социальные отношения — социальное разделение труда — деньги-символ — социальный оборот — социализация индивидов и институализация денег — денежные знаки — экономические отношения — экономическое разделение труда — экономический оборот — денежные единицы — легитимация денежных единиц — правовые отношения.

3. СИСТЕМА ПОНЯТИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРИРОДЫ ДЕНЕГ

Научное осмысление той или иной проблемы неизбежно подталкивает исследователя к целому ряду необходимых предварительных шагов, долженствующих четко и недвусмысленно определить его позицию по отношению к базовым положениям, на которых зиждется и из которых вытекает сам процесс исследования. К числу таковых положений, без сомнения, должны быть отнесены вопросы о поле исследования и его границах — как в области наблюдаемых явлений, так и в области их интерпретации. Решение этого вопроса позволяет, с одной стороны, достаточно четко очертить «вещественные» рамки своеобразного «рабочего стола», на котором и осуществляется непосредственный процесс анализа явления, феномена или факта, а с другой стороны, по возможности определить набор инструментов, которыми исследователь намерен оперировать. Иными словами, задать предмет и метод исследования.

Ключевым в контексте данного исследования является, преж-

---

⁶⁰ *Василькова В. В.* Синергетика и социологический эволюционизм // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 55.

де всего, сам термин «деньги». К настоящему времени не вызывает полемики мысль о том, что деньги многофункциональны. Они в совокупности осуществляют экономические, социальные, политические, религиозные и множество иных функций. Такая многофункциональность дает нам возможность определить деньги как ведущий артефакт культурной традиции.

Общество и индивидуумы используют деньги в первую очередь как мерило ценности для сравнения альтернатив *социального* и *личностного* выбора, на основе которого принимаются *экономические* решения. В данной работе мы будем акцентировать внимание на тех взаимодействиях людей, где деньги выполняют экономические и социальные функции. Чтобы отделить необходимые нам свойства денег от других, покажем место социальной и экономической систем в системе-среде «Природа-Культура», что и позволит нам обозначить предметное поле исследования,

С позиций системного анализа, любая система дискретна и существует исключительно в самой системе-среде. Для социальной системы такой средой является система, в которой взаимодействуют Природа и Культура. Система-среда «Природа-Культура» — это культурно-природный континуум социального существования. Культуру мы определяем как искусственную среду, создаваемую обществом в результате активного воздействия на Природу (естественную среду) с целью приспособления последней к собственным потребностям. Социальная система является элементом (подсистемой) системы-среды «Природа-Культура».

На схеме 1 представлена структура системы-среды «Природа-Культура». Здесь отражены не все виды подсистем, поскольку нам было важно показать не их количество, а местоположение в ней социальной, экономической и правовой подсистем. В свою очередь, поскольку социальные отношения целостны, то и самую социальную систему можно рассматривать как иерархическую совокупность подсистем.

Исходя из вышеизложенного, можно определить следующие предпосылки исследования:

- 1) социальные отношения являются целостными и одновременно первичными по отношению к иным, в том числе и к экономическим;
- 2) взаимодействие между социальной и экономической подсистемами происходит через другие подсистемы и потому являет-

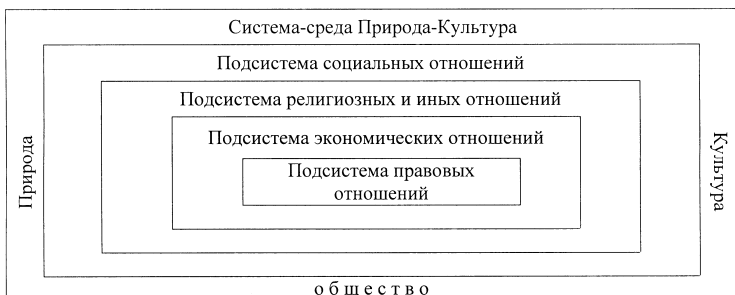

Схема 1. Иерархическая структура системы-среды «Природа-Культура»

ся опосредованным, что делает результаты этого взаимодействия неопределенными;

3) взаимосвязь между социальной и экономической подсистемами реализуется исключительно посредством денег;

4) экономические свойства денег выступают как явные, а социальные — как скрытые;

5) экономическую составляющую денег рассматриваем как их форму, а социальную — как их содержание.

Поясним суть данных предпосылок. Поскольку между экономической системой и социальной располагаются иные системы (политические, религиозные, этические и т. д.), то взаимодействие этих систем является опосредованным, а взаимосвязи оказываются не только неявными, но порой и асимметричными. Ж. Бордийяр, например, отмечает, что экономика затемняет социальные отношения и ей — экономике — «удалось чудесным образом скрыть истинную структуру власти»⁶¹. Такая асимметричность отношений часто вызывает ложное представление, будто на экономическую систему влияют не социальные факторы развития, а иные.

⁶¹ «Экономике удалось чудесным образом скрыть истинную структуру власти, поменяв местами составные части ее определения. Это особенно ясно в случае «негативного налога», когда зарплата односторонне жалуется, вменяется человеку без обмена на какой-либо труд. Его нанимают вне всякой эквивалентности; понятно, что таким трансэкономическим договором утверждается чистое господство, поражение через дары и премии» (*Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 106–107*).

Деньги, реализуя взаимосвязи между экономической системой и социальной, участвуют и в иных общественных отношениях, которые оказывают на них определенное влияние, появляются различные политические, религиозные, этические и иные «наслоения», видоизменяющие форму денег. Поэтому, оказываясь на экономической поверхности, она — форма — принимает иррациональный характер и порой противоречит социальному содержанию⁶². Форма денег камуфлирует социальные связи, подменяя качественные (социальные) характеристики последних количественными (экономическими) параметрами. Иногда это удается, и тогда кажется, что с помощью накопления денег люди приобретают экономическую независимость, освобождаясь от социальной зависимости.

Так, например, Н. Н. Зарубина уверена, что «благодаря деньгам происходит личное освобождение индивида от массы социальных, моральных, идеологических связей, упрощается путь к удовлетворению любых желаний и потребностей»⁶³. Но для того, чтобы выявить истинные закономерности развития экономических форм денег, важно в первую очередь обратить внимание на изучение скрытых, т. е. социальных свойств денег, которые и определяют в конечном итоге их экономические характеристики.

Традиция изучения денег с позиций социального взаимодействия людей не нова. Огромное значение в данной области имеют работы К. Маркса, Г. Зиммеля, М. Вебера, П. Сорокина, которые заложили основы понимания денег как социального феномена и социального института. Каждый из авторов подчеркивал различные аспекты влияния денег на жизнь общества и отдельного индивидуума. Например, К. Маркс отмечал способность денег устанавливать не только экономические, но и социальные связи, называя их «узами всех уз». С его точки зрения, эта общественная связь исторически развивалась в форме отчуждения человека от общества и самого себя.

Г. Зиммель, вслед за Марксом, также говорил о роли денег в процессе отчуждения «личного элемента из отношений между

---

⁶² «Если бы формы проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» (*Маркс К.* Критика политической экономии. Т. 3. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. М., 1986. С. 890).

⁶³ *Зарубина Н. Н.* Деньги как социокультурный феномен // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 14.

людьми», но, в отличие от Маркса, усматривал в этом их эмансипирующее значение, а сами деньги рассматривал как «общеобходимый предмет»⁶⁴.

П. Сорокин выделял инструментальную значимость денег, говоря о них как о средстве социальной коммуникации, — «предметного проводника с особыми символическими свойствами»⁶⁵.

Не оспаривая иные точки зрения, мы, вслед за П. Сорокиным, склонны считать, что деньги в большей степени являются средством коммуникации. Все виды социальных взаимодействий индивидов в той или иной степени служат для передачи информации, которая осуществляется с помощью символов. К таким «инструментам» коммуникации относятся: письменность, музыка и танец, живопись, строительство, актерская игра, отправление религиозного культа, язык, в том числе и деньги.

В XX в. неокантианец Э. Кассирер сделал понятие «символ» предельно широким понятием человеческого мира. Он отмечал, что человек есть животное символическое. Аналогичные взгляды находим у Л. Уайта. «Все человеческое поведение обусловлено использованием символов. Именно символ превратил антропоидных предков в людей и придал им человеческий облик. Все человеческое поведение состоит или же зависит от использования символов. Символ выступает в виде определяющего признака человечества»⁶⁶. В

---

⁶⁴ «Судьбу каждого отдельного человека можно в известном смысле рассматривать, как непрерывную смену состояния принуждения и произвольности, обязательства и свободы. <...> Третья ступень, на которой личность действительно отделяется от продукта и освобождается от притязаний владельца, наступает с заменой натуральных повинностей денежными платежами. <...> Это — право, позволяющее освободиться посредством денег от всякого личного обязательства. <...> При обмене услуг на деньги одна сторона получает предмет, в котором она специально нуждается, другая же — общеобходимый предмет. <...> Денежное хозяйство ... умножает экономические связи, с другой стороны, благодаря индифферентности и объективности существа денег, оно благоприятствует удалению личного элемента из отношений между людьми». (Зиммель Г. Два отрывка из «Философии денег» // Жизнь: Литературный, научный и политический журнал. СПб., 1899. № 7. С. 99, 101, 107, 109).

⁶⁵ «К предметным проводникам нужно отнести и всю почти «материальную культуру», все предметы, созданные или преобразованные деятельностью людей. <...> Наиболее типичным движимым проводником являются деньги. <...> Они функционируют обычно в качестве проводника-символа» (Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1: Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993. С. 202–203).

⁶⁶ White L. A. Ethnological essays. Albuquerque, 1987. P. 251.

свою очередь, Т. Парсонс писал, что «человеческое действие является «культурным» в том плане, что смыслы и намерения действий выражаются в терминах *символических* систем (включая коды, посредством которых они реализуются в соответствующих образцах); универсальной для всех человеческих обществ символической системой является язык»⁶⁷.

Деньги можно рассматривать как кодированную форму передачи норм социального поведения. Они являются не только хранителем и передатчиком информации, но и сигналом к определенным действиям. Отсюда основное социальное свойство денег — это их способность в первую очередь быть средством коммуникации, иными словами — символом.

Американский социолог К. Поланьи подчеркивает, что «ни один объект не является по существу деньгами, а любой объект при соответствующих обстоятельствах может функционировать как деньги. Воистину, деньги — это система символов, аналогичных языку, письменности или весам и мерам»⁶⁸.

Далее в тексте, употребляя категорию «деньги», мы всегда имеем в виду понятие «деньги-символ». Деньги-символы «создаются» в процессе символизации предмета или действия, в результате осуществления которого они приобретают социальную ценность.

Деньги-символ единичны, поэтому их можно рассматривать как первоначальную, «эмбриональную» клеточку, из которой развиваются денежные знаки, а из последних — денежные единицы. А. А. Зиновьев в данном вопросе придерживается иной, до некоторой степени даже противоположной точки зрения. Известный философ считает, что деньги нельзя рассматривать «как некую единую и недискретную субстанцию. В таком представлении деньги превращаются в нечто мистическое и уму непостижимое»⁶⁹. Но

---

⁶⁷ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // ТНЕСИС: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 2: Весна. С. 94.

⁶⁸ Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economics. Boston, 1971. P. 175.

⁶⁹ Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 28.

Зиновьев избегает анализа денег как идеальной недискретной субстанции и начинает свое исследование «денежного тоталитаризма» со второго уровня абстракции — денежных знаков. Деньги определяются им как «множество отдельных пространственно ограниченных, оформленных и сравнительно небольших предметов — монет, банкнотов. Деньги суть совокупности особого рода ма-

в данном вопросе мы-то как раз и присоединяемся к той когорте исследователей, которые считают, что деньги — это познаваемое и одновременно непознаваемое явление. «Деньги — постижимо-непостижимый феномен»⁷⁰. На источник метафизических свойств денег мы укажем ниже.

Деньги-символ — это: а) выражение сути социальных отношений; б) информационный квант; в) абстракция, обобщение, полученное при помощи логической конструкции, основанной на воображаемом знании и игнорировании реального многообразия. Они есть «абсолютная идея», пассивная и всегда единичная, в том смысле, который вкладывается в понятие «первомонады». Деньги как символ обладают социальной ценностью, которая создается методом внушения.

Денежные знаки являются экономической формой проявления социальной сути денег-символов. Они одновременно и пассивны, и активны. В первом случае они создаются в процессе социального обращения, который предполагает: институализацию денег-символов и социализацию индивидуумов. Во втором — они сами являются инструментом формирования определенных экономических отношений. Денежные знаки транслируют информацию от социальной системы о необходимых изменениях в экономической системе. Денежные знаки обладают представительной стоимостью, которая создается методом убеждения.

С понятием «денежные знаки» тесно связано понятие «формы денег». Формы денег определяются как совокупность денежных знаков, обладающих одинаковыми родовыми признаками. Понятия «денежные знаки» и «формы денег» находятся на одинаковом уровне абстракции.

Можно выделить *пять форм денег*: вещные, монеты, бумажные, виртуальные деньги и так называемая «неявная» форма. Поскольку формы являются экономическим проявлением социальной сути

териальных предметов, изобретаемых и производимых людьми для каких-то практических целей». (*Там же*).

Мы сейчас не беремся судить о причинах такого нежелания, но отсутствие в исследовании природы денег их первого уровня, т. е. единой, недискретной субстанции, не позволит раскрыть законы развития денежных знаков — второго уровня — и денежных единиц — третьего уровня.

⁷⁰ *Шулеский Н. Е.* Деньги как метаэкономический феномен // Экономическая теория в XXI веке. Вып. 6 (13): Деньги / Под ред. Ю. М. Осипова. М., 2007. С. 40.

денег, то сами деньги мы можем определить как совокупность всех своих экономических форм⁷¹.

Что касается «неявной» формы денег, то она, согласно нашей концепции, представляет собой последний, заключительный этап становления денег. В отличие от предшествующих форм она не будет полностью раскрыта, т. е. мы сможем пока только уловить ее некоторые черты, определить тенденции ее развития.

Познание сути денег связано с разворачиванием всех их пяти форм. Деньги, проходя свои формообразования, раскрывают свою «душу». Перефразируя слова Гегеля, можно было бы сказать, что деньги благодаря полному познанию на опыте самих себя достигают знания того, что они есть в себе самих. Однако трансцендентальность неявной формы и делает суть денег не раскрываемой до конца, а лишь частично познаваемой. Может показаться, что невозможность окончательного раскрытия содержания денег делает сами эти попытки ненужными. Но суть исследования никогда не сводится к описанию наличного и проявленного, а предполагает в том числе описание скрытых тенденций и непроявленных перспектив. Этим и обуславливается введение в категориальный аппарат неявной, трансцендентальной, формы денег, за которой и подразумеваются эти непроявленные перспективы.

В денежном обращении функционируют *денежные единицы*, которые есть результат процесса легитимации денежного знака, т. е. правового, идеологического закрепления сложившихся социально-экономических отношений. Денежные единицы в отличие от первых двух категорий (деньги-символ, денежные знаки) всегда имеют изобразительный или числовой номинал.

Денежная единица — это правовой артефакт, придающий денежным знакам свойство обязательства, долгового инструмента, фиксирующего право на часть чужого труда. Они обладают покупательной способностью, которая есть иррациональная форма представительной стоимости денежного знака. Покупательная способность денежной единицы есть сообщение о пропорциях обмена, закрепленных в традициях хозяйственного оборота.

Таким образом, теоретический подход в исследовании природы денег можно выразить посредством иерархической системы поня-

---

⁷¹В развернутом виде это определение приводится нами в следующем издании: Финансы. Деньги. Кредит: Учеб. пособ. / Под ред. Е. Г. Черновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 27–39.

тий, находящихся на трех различных уровнях абстракции. См. схему 2.

Денежная единица	Покупательная способность	Правовая система
Денежный знак (форма денег)	Представительная стоимость	Экономическая система
Деньги-символ	Социальная ценность	Социальная система

Схема 2. Система категориального аппарата исследования

Как видно на схеме № 2, социальная ценность денег-символа является формообразующим, базовым элементом системы. На нее опирается представительная стоимость денежного знака, которая, в свою очередь, есть основа для формирования покупательной способности денежной единицы. Изменение величины социальной ценности денег влечет за собой таковое же изменение представительной стоимости, а затем и покупательной способности.

В соответствии с предлагаемой концепцией природа денег раскрывается на трех уровнях, отражающих сложные взаимосвязи в системе социальных, экономических и правовых отношений. Окончательной формой проявления денег-символов выступают денежные единицы.

Такой подход дает дополнительные возможности в объяснении ряда денежных явлений, которые до сих пор не имели однозначного толкования. Как сказал М. Маклюен, на основе теории «символических» денег можно «двигаться в разные стороны по пространству политической экономики»⁷².

Предлагаемая концепция исследования происхождения и природы денег способна служить базой для разработки теоретико-методологических основ организации денежного обращения, выработки эффективного социально-экономического механизма управления внешней и внутренней покупательной способностью российского рубля⁷³. А приобретение национальной денежной единицей

⁷² Маклюен М. Понимание медиа. М., 2003. С. 154.

⁷³ См. подробнее: Базулин Ю. В. Социально-экономический механизм управления деньгами // Экономическое развитие: Теория и практика: Материалы международной научной конференции: Тезисы докладов, 5–6 апреля 2007 г. Секция 1, 2, 4. СПб., 2007. С. 9–11.

статуса международного ликвидного средства позволит РФ использовать мировые ресурсы для своего развития.

Как показывает сегодняшняя практика, при разработке основных направлений денежно-кредитной политики в качестве методологической базы используются традиционные концепции, которые не в полной мере соответствуют современному теоретическому уровню развития науки и не учитывают усиливающегося процесса глобализации. Отсюда и методы регулирования денежного обращения, которые включают два комплекса мероприятий: а) рестрикционная политика — политика «*дорогих денег*», б) политика денежно-кредитной экспансии — политика «*дешевых денег*».

При таком упрощенном подходе к управлению денежным обращением игнорируются внутренние, человеческие факторы поведения⁷⁴, не рассматриваются параметры, относящиеся к случайным процессам. Хотя уже на пороге XX в. А. Маршал указывал на культурную обусловленность поступков «экономического агента», а представители новой исторической школы — на роль национальной правовой системы и обычаев. Господствующие сегодня ошибочные представления о законах функционирования денежного обращения делают невозможным управление денежными потоками. Поэтому очень часто мероприятия денежно-кредитной политики осуществляются ради самих себя или постольку, поскольку так делают все рыночные экономики⁷⁵.

Выступая как одно из самых сложных социальных явлений, деньги требуют особых методов изучения, позволяющих раскрыть денежные отношения как системообразующие для любого общества. Исследование природы и происхождения денег в первую очередь связана с разработкой системной методологии исследования.

---

⁷⁴Становится все труднее «предсказывать экономические результаты поведения сообществ коварных, жадных, близоруких людей, склонных при этом к героизму и бескорыстию» (*Кузьминов Я., Бендукдзе К., Юджевич М.* Как наука о рынках становится наукой об обществе // Вопросы экономики. 2005. № 12. С. 66.)

⁷⁵Здесь уместно согласиться с мнением Е. А. Кащеевой, что для денежно-кредитной политики РФ «часто бывает довольно сложно отличить, что является целью, а что — средством ее достижения» (*Кащеева Е. А.* Центральный банк: инструменты денежно-кредитной политики // Деньги. Кредит. Банки: Учебник / Под. ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М., 2006. С. 518).

Глава вторая

Методологические принципы исследования происхождения и природы денег

1. СИСТЕМНО-ДИХОТОМИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КАК СПОСОБ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕНЕГ

Задача любой методологии — раскрыть природу предмета исследования. Изменения предметного поля вызывают таковые в методологии его изучения. К настоящему времени при разработке общей теории денег требуется не только конкретизация предмета исследования (деньги), но и выработка адекватной ему методологии.

Рассмотрим, какие же необходимо выработать методологические принципы, чтобы они были способны раскрыть суть предмета исследования? Обратим внимание на гносеологические корни этой проблемы, выделив два уровня: экономический и междисциплинарный.

Если отталкиваться от посылки, что деньги суть совокупность всех своих экономических форм, то и предполагаемая методология должна включать в себя все те методы, которые использовались при изучении этих форм денег. К таким методам можно отнести историко-эволюционный, статистико-вероятностный, экономико-детерминистский, субъективно-психологический, синергетический и др. Справедливости ради следует отметить, что вышеречисленные методы не являются сугубо экономическими, по большей части они носят общенаучный характер. Как писал А. Маршалл, «не существует какого-либо метода исследования, ко-

торый можно было бы признать методом только экономической науки»¹.

Что касается вопроса о междисциплинарных исследованиях, то проблема денежных отношений давно уже не является сугубо экономической. Раскрыть их тайну пытаются многие науки — философия, социология, психология, антропология, история. . . И хотя каждая из этих дисциплин изучает одну и ту же объективную реальность, но все они выявляют строго определенные системы взаимосвязей, определенные стороны денег. Полученные выводы разнятся, а довольно часто и противоречат друг другу, приводя к когнитивному диссонансу и эклектике. Это объясняется тем, что эти науки используют различные логико-методологические подходы, имеющие собственный гносеологический статус, на основе которых они и строят концептуальные схемы.

Отсутствие целостной концепции происхождения и природы денег как «внутри» экономической науки, так и на междисциплинарном уровне может быть объяснено методологической разобщенностью. Совершенно очевидно, что эта проблема имеет фундаментальное значение, ибо любая теория денег вряд ли сумеет достичь сколько-нибудь удовлетворительный прогресс и снискать общее признание, если в ней нет хотя бы какой-то степени согласия относительно предмета, который она исследует, и методов, при помощи которых она пытается его раскрыть. Преодолеть эту разобщенность можно, если исследованию единой социальной реальности (денег) предпослана попытка осмыслить ее методологически.

Можно утверждать, что различные науки, включая экономическую, способны дать достаточно богатые, разносторонние, но, самое главное, непротиворечивые отображения денег, в случае использования системно-дихотомической методологии, которая характеризуется всеобщностью, общенаучностью. Благодаря общенаучности становится возможным при помощи определенных логических процедур открывать и доказывать общие законы развития денег и социально-экономических систем. В данном случае уместно привести слова известного французского историка экономики Ф. Броделя, который уже в 1950-х годах говорил о необходимости использования системного метода в экономике. «Экономист нового типа внимательно следит за всеми науками о человеке. Именно это

---

¹ *Маршалл А.* Принципы экономической науки. В 2-х т. Т.-1. М., 1993. С. 85.

и делает границы экономической теории такими расплывчатыми, а интересы политэконома такими широкими. Все науки о человеке, включая политэкономии, взаимосвязаны. Они должны говорить на одном языке и этот «язык» — единый метод исследования, каковым является системный метод»².

Всеобщность этой методологии проистекает из того, что двойственность и системные законы развития присущи любым объектам, включая самые разнородные социально-экономические явления. Оформление системных принципов исследования можно считать одним из наиболее значительных достижений научного знания XX века, хотя сама системность практически всегда подспудно присутствовала в научном мышлении, а корни ее философских принципов уходят в глубь истории философии³. Использование принципа системности применительно к самым разнообразным объектам и процессам — одна из важнейших отличительных особенностей развития научного познания на современном этапе. Вообще говоря, каждая фундаментальная наука должна исследовать свой объект системно. Системный подход позволяет преодолевать бесконечную дифференциацию дисциплин и создавать новый мощный интегративный импульс. Достигается одна из главных целей научного познания мира — увидеть общий корень у самых различных явлений, в том числе и денег.

Системный подход к изучению денег позволяет раскрыть наиболее общие закономерности их возникновения, развития, воспроизводства (функционирования) и структуры, выделить в них инвариантные свойства.

---

² *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона. Благовещенск: БГК, 2000. С. 115–142.

³ Несомненно, выдающимся памятником русской научной мысли, положившим начало в исследовании поведения систем, является работа А. А. Богданова «Тектология: Всеобщая организационная наука» (СПб., 1913). Уже в то время ученый писал не только о необходимости решения задач «универсальных», но и о возможности такого «разрешения»: «Таким образом, сам ход жизни все настоятельнее и неуклоннее выдвигает организационные задачи в новом виде — не как специализированные и частные, а как интегральные. И вот теперь человечество переживает промежуточную, переходную эпоху: оно еще не в силах приняться за прямое разрешение задач универсальных, но частичные, ему доступные, оно ставит и разрешает во все более широком, по сравнению с прежним — поистине грандиозном масштабе» (*Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 1 М., 1989. С. 105).

Системно-дихотомическая методология — это единый научный язык, который включает в себя понятия, используемые всеми отраслями знаний. Унификация категориального аппарата приводит к упрощению многочисленных денежных теорий, из них выбрасываются излишние подробности; происходит сжатие теорий, их обобщение, увеличение степени абстракции, генерализации взглядов на природу и происхождение денег и в конечном счете создание общей теории денег⁴.

Общая теория денег — теория, в которой теряются подробности, но приобретается целостность, формирующаяся за счет синтеза результатов работ в смежных областях.

Предлагаемая нами методология исследования включает два метода: системный и дихотомический. Системный метод диалектически связан с дихотомическим, причем первый является частью последнего. Отметим, что применение лишь одного из них будет недостаточным, поскольку ограничивает возможности другого. Такой подход к познанию происхождения и природы денег может примирить не только разнообразные направления внутри экономической науки, но и другие науки, изучающие проблемы денежных отношений.

Системно-дихотомический метод коренным образом видоизменяет способы познания денег. До сих пор в трудах, посвященных проблеме денег, не было сделано попыток применить этот метод. Их отсутствие можно объяснить тем, что новые научные подходы возникают при взаимодействии двух предпосылок. Первая — когда возникает *необходимость* в соответствующих знаниях и вторая — когда накапливаются факты, концепции, методы, обеспечивающие *возможность* появления нового подхода.

Перечислим ряд методологических принципов, которые будут применяться в данной работе при исследовании происхождения и природы денег.

Деньги будут рассматриваться со следующих позиций:

---

⁴Создатель синергетического метода профессор из ФРГ Г. Хакен сформулировал его достоинства следующим образом. «Информацию, перегруженную огромным количеством деталей, затемняющих существо дела, необходимо сжать, превратив в небольшое число законов, концепций или идей. Синергетику можно рассматривать, как одну из таких попыток» (Цит. по: *Климонтович Н. Ю.* Шаги к признанию // Знание сила. 1983. № 3).

- 1) деньги как элемент социальной системы, имеющий внешние связи с иными элементами;
- 2) деньги как самостоятельная система, обладающая собственными внутренними связями;
- 3) деньги как двойственное социально-экономическое явление;
- 4) деньги как фрактальное социально-экономическое явление.

Если рассматривать *деньги как элемент социальной системы*, то исследование ведет к выявлению их *внешних* свойств. На первый взгляд может показаться, что переход к познанию денег как элемента социальной системы необязательно ведет к более глубокому раскрытию их характеристик, поскольку в данном случае наши интересы направлены на раскрытие структурных взаимоотношений в системе, а сами деньги, так сказать, отодвигаются на периферию. Однако весьма существенно, что деньги в этом случае характеризуются на основе раскрытия этих структурных связей, в образовании которых они участвуют, т. е. их бытие и свойства с самого начала ставятся в зависимость от других элементов социальной системы.

Деньги как элемент социальной системы рассматриваются как деньги-символ. На схеме 3 изображена система социальных взаимосвязей, показана их двойственная природа и место в этой системе денег-символов.

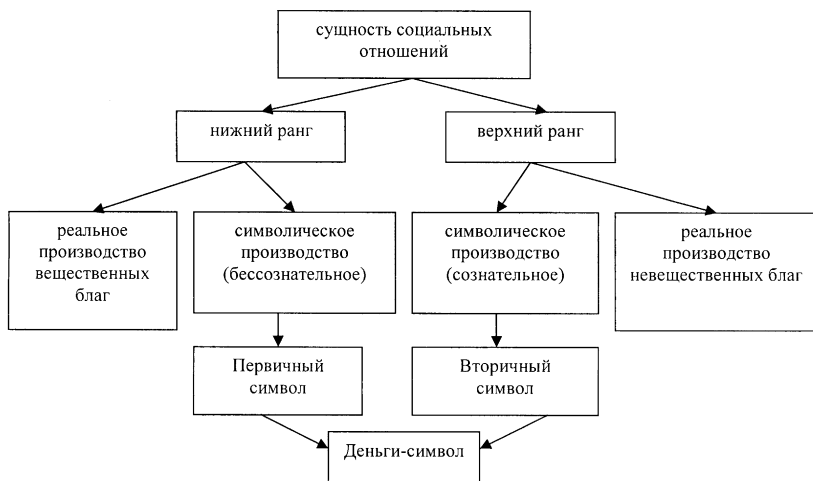

Схема 3. Деньги как элемент социальной системы

Суть социальных отношений определяет структуру общества, которая относится к дихотомическому типу. Вслед за этим дуальное строение социума находит свое выражение в социальном разделении труда. А последнее предполагает, что верхний ранг специализируется на символическом производстве, а нижний — на реальном. Символическое производство заключается в создании символов и в первую очередь денег.

Предлагаемый нами подход — исследовать деньги через призму их символической природы и происхождения — позволяет создать не только новую, но и, самое главное, целостную, внутренне непротиворечивую теорию денег. Поскольку сам процесс создания символов един для символов любого вида, то это дает нам эвристические возможности построить целостную картину происхождения денег. Поэтому наличие «пустот» в механизме возникновения денег-символов мы можем заполнять элементами из аналогичного процесса возникновения символов иного вида (язык, число, религия и т.д.

Изучение *денег как системы* позволяет нам раскрыть их *внутренние* свойства с позиций целостного явления.

Целостное представление о деньгах может складываться, с одной стороны, на основе того, как они проявляют себя во внешних взаимодействиях в качестве элемента системы. С другой стороны, оно должно сопровождаться анализом их внутренней дифференциации с помощью системного метода. Тем самым целостные свойства денег получают определенное дополнение, связанное с проникновением в их внутренний мир⁵. Если изучение денег как элемента социальной системы позволяет нам раскрыть их происхождение, то вскрытие внутренних взаимосвязей денег-системы делает возможным понять их природу.

Деньги как система представляют собой иерархическую совокупность трех элементов: деньги-символ, денежные знаки, денежные единицы.

---

⁵ «Целым называется то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, в составе которых оно именуется целым от природы, и также — то, что объемлет объемлемые (им вещи) таким образом, что эти последние создают нечто единое» (*Аристотель* Метафизика. М.; Л., 1934. С. 102–103).

«Целое, по своему понятию, есть то, что содержит в себе части. Но если целое будет положено как то, что оно есть по своему понятию, если оно будет разделено, то оно перестанет быть целым» (*Гегель* Соч. Т. 1. М., 1937. С. 227).

Становление денег можно рассматривать как процесс прохождения ими трех этапов: (а) символизации, (б) институализации и социализации, (в)-легитимации. На первом этапе создаются денгисимволы, на втором — из социального оборота возникают денежные знаки и на третьем — вводятся денежные единицы как способ закрепления сложившихся социально-экономических отношений. Деньги в общепринятом смысле этого слова, деньги рыночной сферы со своими экономическими свойствами и функциями появляются только после прохождения ими всех трех этапов.

Предлагаемый подход позволяет выявить природу денег, вскрывает зависимости между покупательной способностью денежной единицы, величиной представительной стоимости денежных знаков и социальной ценности денег символов. Именно выявление этих взаимосвязей позволит выработать адекватную политику по поддержанию стабильной покупательной способности денежной единицы.

Деньги как двойственное социально-экономическое явление и деньги как фрактальное социально-экономическое явление будут рассмотрены в следующих параграфах.

2. ДВОЙСТВЕННОСТЬ И ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПРИРОДЫ ДЕНЕГ

Дихотомический способ исследования связан с последовательной биполярной типологизацией, т.е. выделением в объекте двух противоположных по своему характеру сторон (свойств), которые охватывают собой данный объект полностью. Затем это дробление продолжается, и в каждой из выделенных сторон находятся снова две противоположные составляющие, т.е. происходит последовательное разделение целого на две части, затем каждой части снова на две и т.д.

Предлагаемый прием способен объяснить динамику развития Природы и Культуры, поскольку они являются двумя взаимопологающимися сторонами, находящимися в диалектическом противоречии друг с другом. Природа есть естественная среда общества, а Культура — его искусственная среда, социальная форма проявления Природы. В свою очередь, как Природа, так и Культура

включают себя сущности двоякого рода: объективные и субъективные⁶.

Дихотомическое разделение возможно лишь только потому, что любой феномен, и социально-экономический, разумеется, тоже, двойствен⁷. Двойственность лежит и в самой сущности человека, которого наука рассматривает как существо биологическое и социальное. Хотя в процессе социогенеза биологическое и социальное в человеке все более расходятся, они тем не менее не утрачивают своей взаимозависимости⁸. Да и сама теория эволюции универсума (совокупность Природы и Культуры) не едина, она — двойственна. В теории содержатся две концепции, поясняющие развитие мира для «живых» и «неживых» систем. Первая зиждется на том, что

---

⁶ «В Природе и обществе есть сущности двух сортов. Одни мы называем объективными, потому что они однозначны и измеримы. Вторые неоднозначны и неизмеримы, и потому называются в применении к обществу субъективными». (*Седых Р. К.* Информационный психоанализ. Соционика как метапсихология. М., 1994. С. 21).

⁷ Использование дихотомического метода имеет давние традиции, но само научное определение понятия «двойственность» отсутствует. Во многом это объясняется тем, что данная категория относится к фундаментальным, базисным, отправным терминам научного анализа, и только поэтому ей не может быть дана дефиниция. Все, что обладает самостоятельной значимостью (как, например, «точка» в геометрии, «начало» и «конец» в теории систем), не выводится ни из чего другого, т. е. не поддается определению через более общие понятия.

С термином «двойственность» содержательно тесно связаны и часто его замещают такие категории, как «дуализм», «диада», «дихотомия», «биполярная типологизация», «противоположность», «полярность» и ряд других.

⁸ Эти два начала сами распадаются на составляющие. Например, «физическая» двойственность проявляется в том, что у любого индивида наблюдается межполушарная асимметрия мозга. Такая «асимметричность» восприятия мира приводит к «духовной» двойственности человека. С одной стороны, в человеке вырабатывается некий идеал — система ценностей, которой он придерживается и сознательно, и бессознательно. С другой — он обладает пониманием реальности, моделью действительности. Считается, что самым трудным вопросом жизни человека является примирение идеального и реального.

«Наиболее общее положение, из которого исходит подавляющее большинство ученых, заключено в признании *двойственной* природы человека. Отсюда различные определения человека в качестве «биосоциального» существа, в качестве «разумного животного», обладающего «духовно-тварной» основой. Даже словосочетание *Homo Sapiens* подспудно фиксирует эту дуальность: «*Homo*» констатирует принадлежность человеческого существа к животному миру, полагая его разновидностью млекопитающегося; «*Sapiens*» указывает на признак, характерный исключительно для данного вида биологического организма». (*Кортунов В. В.* Философия денег. М., 1997. С. 20).

в мире живого постоянно идет усложнение структур и увеличения многообразия форм, т. е. имеется стремление к бесконечности. Вторая, опираясь на второе начало термодинамики Клаузиуса, утверждает прямо противоположное: в любой изолированной физической системе все процессы идут к выравниванию. Неживая природа эволюционирует «к нулю», к предельной простоте, к полному хаосу. (Последняя концепция в свое время породила даже пессимистические взгляды на судьбы мира — «трагическая тепловая смерть Вселенной».)

Двойственность в социально-экономическом явлении проявляется в том, что в нем можно выделить два полюса, два противоположных вектора движения, причем оба они равноправны в своем целом. Так, например, мы можем говорить о субъективных и объективных факторах развития денег, внутренних и внешних источниках их движения, вещественных и идеальных формах существования денежных единиц и т. д.

Развитие сложной саморазвивающейся системы также двойственно, оно может (а) состоять из линейного движения и нелинейного, (б) включать в себя как изменяющиеся параметры, так и константы. Например, в любом объекте, рассматриваемом как система, двойственность проявляется наличием качественно неизменных элементов и количественно изменяющихся связей между ними. Таким образом, наличие свойства двойственности позволяет применить дихотомический метод к изучению и самой системы. Дихотомическое деление сложной системы может продолжаться до уровня «простой» системы, которая содержит в себе два элементарных элемента⁹.

Методологическое достоинство системно-дихотомического подхода как раз и заключается в дихотомическом «расчленении» любых сложных систем при их изучении на составляющие элементы, сохраняя, тем не менее, их целостность. Данный метод позволяет свести сложное явление к простому, трудноразрешимую и трудно-понимаемую проблему превратить в четкую серию задач, которые в то же время удерживаются в рамках решения целостной проблемы.

Двойственность тесно связана с *тождественностью*. Всё двойственное тождественно и всё тождественное двойственно. Свой-

---

⁹Критерий *элементарности* в любых формах движения материи состоит не в простоте, а в том, что данное не может существовать самостоятельно, т. е. не быть *элементом* соответствующей системы.

ством двойственности могут обладать только тождественные явления, т. е. явления, имеющие общие родовые признаки, или, как говорит Булгаков, «одноприродность». А двойственность этих тождественных явлений проявляется в наличии у них противоположных знаков.

За примерами использования свойства двойственности-тождественности обратимся к экономико-философской работе С. Булгакова «Философия хозяйства», в которой он активно применяет принцип двойственности и тождественности. Автор, опираясь на дихотомический метод, противопоставляет следующие парные категории: «мертвая материя» — «живое тело», «Я» — «не-Я», «механическая необходимость» — «органическая целесообразность», «космический механизм» — «актуальный организм», «жизнь» — «смерть», «свобода» — «необходимость», «природа» — «интеллект»¹⁰. Но для С. Булгакова это не просто противоположные явления, это тождественные явления. И эта тождественность, «одноприродность», позволяет противоположным сторонам переходить друг в друга: субъекту в объект, свободе в необходимость, Я в не-Я, микрокосмосу в макрокосмос и т. д.¹¹

---

¹⁰ «Итак, хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью. <...> Хозяйство есть выражение борьбы двух метафизических начал — жизни и смерти, свободы и необходимости, механизма и организма. <...> Природа и интеллект — это суть два полюса единого сущего. Природа есть бессознательный разум, в ней воплощена слепая целесообразность, и она поражает именно тем, что действует, как механизм, но в то же время с полной целесообразностью. <...> Отношение между я и не-я ее отношение двух миров или двух энергий, находящихся в постоянном взаимодействии. <...> Свобода в хозяйстве имеет своим объектом необходимость, т. е. свою противоположность. В действии, в хозяйстве осуществляется синтетическое единство двух этих начал, которые, взятые в отдельности, друг друга исключают» (Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 39, 41, 59, 79, 166).

¹¹ «Я <...> в природе, а природа во мне. <...> Анализируя хозяйство как производство, мы снова пришли к той же философской идее — необходимого тождества субъекта и объекта, я и не-я, сознания и природы, актуально отождествляющихся в хозяйстве. <...> Возможность объективного действия, активного

Взаимодействие свойств двойственности и тождественности в дихотомическом методе дает нам уникальную эвристическую возможность поиска скрытой стороны социального явления. Поясним данное положение. Поскольку сама двойственность является инвариантным свойством всего сущего (двойственность присутствует везде и всегда), то, обнаружив одну, открытую, сторону феномена, необходимо искать другую — скрытую, которая должна быть той же «однопорядковости», «одноприродности», но обладать обратным знаком¹².

В наиболее непосредственном виде тождественность и двойственность проявляются в простых системах, если говорить о социальных явлениях, то в [минимальной] социальной единице. К такой единице можно отнести семью как целостную совокупность индивидов, обладающих устойчивыми связями. «Семья <...> представляет собой наиболее простую, наиболее элементарную социальную группу, ниже которой социальная жизнь не существует»¹³. Причем «целостность» системы предполагает, что индивиды должны не только дополнять друг друга, но и быть «противоположны». «Мужская и женская половины любого социального агрегата находятся в скрытом или явном антагонизме по ряду поводов и отношений»¹⁴. В таком случае между ними возникают взаимодействия или, как говорит П. Сорокин, «обмен акциями и реакциями». Аналогичной позиции придерживается и А. Рэдклифф-Браун, который пишет: «При простейших формах социальной жизни число

выхода я в не-я, или распространения области я в не-я, становится понятна лишь в том случае, если между ними существует известная одноприродность. <...> Для Канта в пределах его гносеологии совершенно нет средств провести различия между действительными и идеальными тремя талерами, потому что теоретически, по содержанию своему как «понятия», они тождественны, это признает и сам Кант, различаются же они лишь по «положению», предикатом бытия» (*Там же*. С. 81, 149).

¹²Возможность поиска «скрытой» стороны явления с помощью свойств двойственности и тождественности и дало, по-видимому, С. Н. Булгакову право сказать: «Человеческое творчество не содержит поэтому в себе ничего *метафизически нового*, оно лишь воспроизводит и воссоздает из имеющихся, созданных уже элементов и по вновь находимым, воссоздаваемым, но также наперед данным образцам» (*Там же*. С. 114).

¹³*Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1: Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993. С. 140–141.

¹⁴*Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 2: Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. С. 129.

отдельных культурных традиций может сводиться к двум — одна для мужчин, а другая для женщин»¹⁵.

Простая социальная система имеет дуальную структуру, которая является основной, базовой. Большинство авторов от античных времен до XX века указывали именно на нее, говоря о структуре общества. Свойство двойственности социальной системы «передается» другим входящим в нее подсистемам — религиозным, политическим, экономическим, правовым и иным. Например, в религиозных воззрениях практически всех ранних сообществ (древнеиндусских, греко-римских, индо-европейских, китайском и иных) в той или иной степени играет заметную роль культ близнецных божеств. Этот культ обладает всеми признаками тождественности и двойственности. В первом случае это всегда однородные признаки (пара близнецов), а во втором — контрастные признаки, признаки с разными знаками: брат — сестра, добрый — злой, одаренный — посредственный, смертный — бессмертный, солнце — луна, утренняя звезда — вечерняя звезда и т. д.

Двойственность и тождественность свойственна и другим сферам социальной жизни. Например, в традиционных обществах широко распространена система двойного имени, которая считается элементарной социально-антропологической единицей. Эта система включает личное и инициальное имена, которые относительно друг друга имеют обратные социальные знаки, поэтому их использование одновременно запрещено. Первое применяется только в обыденной обстановке. Последнее — заимствуется у предков, является тайным, обладает сакральным смыслом, и его раскрытие происходит исключительно в момент инициации (при «встречах» рождения и смерти). Произношение личного имени в это время табуируется, соблюдается так называемая ритуальная «немота»¹⁶. Такая норма, трансформировавшись, доходит до сегодняшнего дня, когда используется собственное имя и имя отца (отчество), а ритуальная «немота» превратилась в минуту молчания.

---

¹⁵ *Рэдклифф-Браун А. Р.* Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции / Пер. с англ.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Изд-во «Восточная литература», 2001. С. 12.

¹⁶ *Белков П. Л.* Операции с именами в обрядах жизненного цикла аборигенов Австралии // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. СПб., 2001. С. 29–33.

В любой политической системе всегда можно обнаружить две противоборствующие силы, и, соответственно, два противоположных идеологических направления. В России — это извечная борьба двух взглядов о смысле развития страны: западничество и славянофильство¹⁷. В. Святловский считал, что целостная цивилизация — это совокупность «элементов двух самостоятельных параллельных культур»: Запада и Востока¹⁸.

Дихотомический метод исследования широко и давно применяется при анализе экономических явлений. В. Афанасьев отмечает, что этот метод известен экономистам около двух с половиной тысячелетий — от Аристотеля до современных ученых, осуществляющих системный анализ экономических процессов¹⁹. Его использовали в своих работах Адам Смит, Давид Рикардо, Карл Маркс, Альфред Маршалл, Джон М. Кейнс и многие другие. Например, в «Капитале» К. Маркс начинает исследование с двух видов стоимости товара: потребительной стоимости и стоимости, отсюда он выводит двойственный характер труда; затем переходит к двум ипостасям денег: деньги как деньги и деньги как капитал; делит капитал на постоянный и переменный и т. д. Все эти категории двойственны (противоположны) и одновременно тождественны.

Немецкие экономисты В. Зомбарт и Г. Шмоллер исключительно продуктивно применяли дихотомический метод. Так, например, первый в своих исследованиях разделяет условия хозяйствования на «естественные» и «культурные»²⁰, а второй выделяет «психические» и «материальные» причины экономического развития²¹.

---

¹⁷См. *Рязанов В. Т.* Реформы и контрреформы в контексте споров о путях развития и о судьбах капитализма в России // *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. С. 157–235.

¹⁸*Святловский В. В.* Примитивно-торговое государство, как форма быта. СПб., 1914. С. 4.

¹⁹*Афанасьев В. С.* Метод экономической двойственности // Вопросы экономики. 2005. № 8. С. 4–18.

²⁰«По своей природе условия [хозяйственной жизни. — Ю. Б.] эти могут быть естественными или культурными, в зависимости от того, даны ли они человеку природой или созданы им самим» (*Зомбарт В.* Современный капитализм. В 3-х т. Т. 1: Введение. Докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. М.; Л., 1931. С. 28).

²¹«Народное хозяйство является общением [народа. — Ю. Б.], зиждущимся на концентрации и согласии психических сил <... > Всеми частями его [народного хозяйства. — Ю. Б.] управляют общие психические и материальные при-

Ж. Бодрийяр противопоставляет символическое и экономическое. Так, в его концепции общественного развития центральным является понятие «символический»: символический мир, символический обмен, символический порядок. Введение иррационального уровня — символического — необходимо автору для противопоставления его рациональному уровню — экономическому. Причем если символический обмен является естественным, выросшим из сути социальных отношений, то второй — «искусственно» созданным.

Не осталась в стороне и российская экономическая школа. Применение дихотомического метода можно найти в работах многих ученых и государственных деятелей. Так, М. Сперанский пишет о материальных и нематериальных факторах национального богатства. К первым он относит труд и средства производства, ко вторым — доверие население. «Каждое государство имеет силы, самую природою в известной степени ему данные. Силы государства суть: силы физические или личные каждого члена, государство составляющего, силы промышленности или народного труда, силы народного уважения или чести — других сил вообразить не можно»²².

И. Кауфман выделяет субъективные и объективные причины развития народного хозяйства, количественные и качественные его изменения²³. Он подчеркивает, что в экономической системе наличествуют «вещественные» и «идеальные» стороны развития, взаимодействуют «хозяйственный быт» и «хозяйственное сознание», «вещественные и духовные силы предпринимательства». С его точки зрения, «шаткость цены» имеет двоякое влияние на предпринимательскую деятельность: внешнее, затрагивающее «материаль-

---

чины <...> Народное хозяйство одновременно представляет собой и одну из форм природы — через человека, и одну из форм культуры — через чувствующее, думающее, действующее, организованное общество» (*Шмоллер Г. Ф. Наука о народном хозяйстве. Ее предмет и метод* / Пер. Е. Котляровской. М.: М. и С. Сабашниковы, 1897. С. 5, 7, 12).

²² *Сперанский М. М. О коренных законах государства // Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 29.*

²³ Подробный разбор взглядов И. И. Кауфмана см.: *Базулин Ю. В. Основные теории денег в работах российских экономистов // Деньги. Кредит. Банки: Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / Под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М., 2006. С. 244–260; Базулин Ю. В. Двойственная природа денег: русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков: Монография. СПб.: Русская симфония, 2005. С. 236–251.*

ное основание хозяйства», и внутреннее, определяющее «духовное основание хозяйства»²⁴. Исследуя взаимосвязь между кредитом и предприимчивостью, И. Кауфман пишет: «Кредит предполагает наличность вещественных элементов предприимчивости, он предполагает и наличность ее духовных сил. <...> Целый ряд явлений политических, культурных, бытовых и т. п. начинает вторгаться в экономическую сферу и вызывать в ней важные перемены». В производительных силах общества он выделяет «количественную сторону сил и средств, которыми предприимчивость работает», и «качественную сторону сил и средств предприимчивости»²⁵.

Н. Кареев также пишет об объективных и субъективных условиях развития экономической системы. К первым он относит «физические условия страны», а ко вторым — «культурный уровень и особенности общественного строя»²⁶. Причем в этой комбинации, отмечает автор, происходит постепенное увеличение значения двух последних — субъективных — условий развития. «Каждый шаг исторического прогресса все более и более выдвигает на первый план два последние условия в силу той власти, какую умственный прогресс дает человеку над природой»²⁷.

П. Струве выделяет два противоположных явления в процессе социально-экономического развития — одно может быть детерминировано согласно воле субъекта, другое же протекает стихийно²⁸. Этот выделенный им дуализм есть основа всей его экономической концепции. Например, говоря о структуре хозяйственного механизма, он выделяет две его составные части — плановую и рыночную.

---

²⁴ Кауфман И. И. Теория колебания цен. Харьков, 1867. С. 4.

²⁵ Кауфман И. И. Кредит, деньги и денежное обращение. СПб., 1878. С. 204, 223, 281.

²⁶ Кареев Н. Философия культурной и социальной истории нового времени: 1300–1800. Введение в историю XIX века. СПб., 1893. С. 21.

²⁷ Там же.

²⁸ «В едином общественно-экономическом процессе есть два рода явлений, в каждом изучаемом отрезке времени существенно отличающиеся один от другого. Один ряд, могущий быть рационализированным, т. е. направленным согласно воле того или иного субъекта, другой ряд, не могущий быть рационализированным, протекающий стихийно вне соответствия с волей какого-либо субъекта» (Струве П. Б. Хозяйство и цена: Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. В 2-х ч. Ч. 1: Хозяйство и общество — Цена-ценность. СПб., 1913. С. 60–61).

Первая управляется волей субъекта, вторая — «свободная игра хозяйственных сил»²⁹.

М. Туган-Барановский вводит в научный оборот политической экономии два противоположных, но тождественных понятия: «стоимость» и «ценность»,³⁰ которые не исключают, а взаимодополняют друг друга, представляя тем самым целостную картину оценки экономического блага³¹. Ценность и стоимость, с его точки зрения, являются логическими категориями, присущими всем формам хозяйства.³² Ценность определяется им как «человеческий интерес», как «субъективная оценка», причем она многозначна — зависит от числа лиц.³³ Величина стоимости формируется затратами труда на создание продукта, т. е. объективными факторами. Ученый пишет: «Продукт — есть произведение только труда человека, но ценность продукта создается не только трудом, а субъективным отношением к нему потребителя»³⁴.

Позже этот подход — противопоставление стоимости и ценности — разрабатывался Б. Бруцкусом, который писал, что «существуют какие-то явления ценности, которых марксизм не знает или не желает знать. Эта ценность не находится в какой-либо прямой зависимости от трудовой стоимости, она является функцией обще-

---

²⁹ «Общественно-экономический процесс не может ни сам до конца рационализироваться на основе свободной игры хозяйственных сил, ни быть до конца рационализирован велением какого-нибудь субъекта власти. <... > Единственно возможное научное убеждение в основном и имманентном дуализме этого процесса» (*Струве П. Б.* Указ. соч. С. 60).

³⁰ Использование этих категорий является столь продуктивным, что до сих пор не прекращаются научные дискуссии об их соотношении. См., например, *Гибалло Н. П.* М. И. Туган-Барановский и его синтетическая маргинально-стоимостная концепция в экономической теории // *Вестн. Костром. ун-та им. Некрасова.* 2000. № 3. С. 22–31. *Плакин В. П.* Объективные закономерности и субъективный фактор в экономике: (Концепция М. И. Туган-Барановского и ее актуальность): Автореф. дис. канд. экон. наук / Рос. акад. управления, Центр пробл. рыночн. экономики. М., 1992.

³¹ Подробный разбор взглядов М. И. Туган-Барановского см.: *Базулин Ю. В.* 1) Основные теории денег в работах российских экономистов // *Деньги. Кредит. Банки: Учебник.* 2-е изд. / Под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М., 2006. С. 244–260; 2) *Двойственная природа денег: русская экономическая мысль на рубеже XIX и XX веков: Монография.* СПб.: Русская симфония, 2005. С. 236–251.

³² *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. 4-е изд. Пг., 1917. С. 39.

³³ Указ. соч. С. 54, 223.

³⁴ Указ. соч. С. 63.

ственных потребностей <...> Она может изменяться независимо от трудовой стоимости. <...> Вот этот феномен, и только этот, современная политическая экономия, стоящая на почве великих достижений Менгера, Джевонса, Вальраса, и подводит под термин ценность (Wert, Value, Valeur); то же что Маркс назвал трудовой ценностью, современная политическая экономия признает одной из форм стоимости (Kosten, Cost, Frais de Production). Оба эти понятия в современной политической экономии, в противоположность политической экономии марксизма, очень определенно разграничены — и не без пользы для науки. В основе явлений ценности лежат субъективные оценки, они суммируются и объективируются в рыночной цене, которая и выявляет напряженность социальной потребности в товаре»³⁵.

Введение в научный оборот этих двух понятий способствовало формированию двух течений в политэкономии: «трудовое» и «предельной полезности». И как писал З. Атлас, «история теории ценности есть история борьбы двух основных принципов: полезности и труда»³⁶. Через семь десятилетий Э. Дунаев уже пишет не о борьбе этих двух направлений, а о взаимном сосуществовании. «Две теории — теория стоимости и теория предельной полезности — базируются на разных основаниях и объясняют разный круг экономических явлений. <...> В реальной жизни для объяснения всего многообразия экономических процессов должны привлекаться как теория трудовой стоимости, так и теория предельной полезности, но не должно быть смешения этих теорий. Они должны дополнять друг друга для объяснения всего круга экономических отношений»³⁷.

В советской экономической науке также использовался дихотомический прием исследования. Но надо отметить, что некоторые авторы 1920–1950 гг. отрицали присутствие субъективного начала в социалистическом хозяйстве³⁸. Их экономические и денежные

---

³⁵ *Бруцкус Б. Д.* Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. М., 1999. С. 30–31.

³⁶ *Атлас З.* Новейший психологизм в политической экономии (теория Роберта Лифмана) // Под знаменем марксизма. Ежемесячный философский и общественно-экономический журнал. 1927. № 6. С. 120–159.

³⁷ *Дунаев Э. Л.* К вопросу о синтезе трудовой теории стоимости и теории предельной полезности // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2002. № 4. С. 8, 11.

³⁸ См. *Айзенберг А. А.* Об одной неудачной теории (по поводу теории рациона-

концепции растолковывали и навязывали «свой марксизм». После 1960-х гг. советские экономисты признавали наличие и определенное значение субъективных факторов, но традиционно эта проблема преломлялась через разграничение «базисных и надстроечных отношений»³⁹. Экономический базис связывался с объективными, а надстройка — с субъективными факторами развития. Так, Ю. Чуньков говорит о диалектическом единстве субъективного и объективного, и любое экономическое явление рассматривается им как взаимодействие этих двух факторов развития. Причем под субъективными факторами понималось общество, а под объективными — производство⁴⁰. М. Пессель не обошел стороной эту проблему, указывая, что «традиционно в советской экономической теории проблема объективного и субъективного основывалась на разграничении базисных и надстроечных отношений». С его точки зрения, субъективный фактор развития в основном необходимо рассматривать как постоянно усиливающуюся роль государства в сознательной планомерной деятельности общества по использованию объективных экономических законов⁴¹.

Но, несмотря на такой длительный период «использования» диалектического метода, он не получил «права гражданства» в экономической науке и до сих пор используется интуитивно, хотя

лизации О. А. Ерманского) // Плановое хозяйство. 1929. № 11. С. 152; *Атлас Э. Новейший психологизм в политической экономии*. С. 120–159; *Берковский Б. И. Против идеалистического извращения марксовой теории денег* // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 7-8. С. 115–123; *Вайнштейн И. Эклектическая экономия и диалектика*. (К критике А. Богданова) // Под знаменем марксизма. 1925. № 4. С. 166–183; *Меклер А. М. Механистические и идеалистические извращения марксистско-ленинского учения о двойственном характере труда* // Труды Саратовского планового ин-та Госплана РСФСР. 1934. № 1; 1935. № 5. С. 211–231; *Меклер А. М. Франц Петри и Рудольф Гильфердинг*. (К вопросу об идеалистических извращениях методологии и теории стоимости К. Маркса) // Труды Саратовского планового ин-та. 1936. Т. VII. С. 134–160.

³⁹См. например: *Бялый И. А. Баланс, кризисы: роль субъективных и объективных факторов* // Плановое хозяйство. 1929. № 9. С. 111–130; *Рогачев С. В. Диалектика объективного и субъективного в экономическом развитии социализма*. М.: Мысль, 1979. С. 279; *Чуньков Ю. Взаимодействие объективного и субъективного в экономике* // Экономические науки. 1979. № 12. С. 14–23; *Пессель М. А. Об объективном и субъективном в кредитных отношениях* // Деньги и кредит. 1984. № 10. С. 21–25.

⁴⁰*Чуньков Ю. Взаимодействие объективного и субъективного в экономике* // Экономические науки. 1979. № 12. С. 14–22.

⁴¹*Пессель М. А. Указ. соч.* С. 21–25.

и наступило время его осознанного применения в экономическом анализе. С точки зрения В. Афанасьева, такое спорадическое употребление метода «экономической двойственности» привело к тому, что «двойственная структура большей части экономических явлений современного хозяйства либо не исследована, либо игнорируется»⁴². Мы присоединяемся к данному мнению и хотим добавить, что и сами понятия «экономическая двойственность» и «дихотомический метод» редко употреблялись в отечественных экономических трудах XIX и XX вв.⁴³.

Предлагаемый подход дает уникальную возможность проследить наличие и развитие внешних и внутренних связей денег и тем самым раскрыть их происхождение и природу. Покажем, как в данной работе свойства двойственности и тождественности используются при раскрытии проблемы природы и происхождения денег. На схеме № 4 представлен принцип дихотомического деления понятия денег. Напомним, что деньги рассматриваются нами как деньги-символ, как деньги-система и как минимальная социальная единица.

1) Деньги-символы, являясь элементом социальной системы, генетически приобретают ее двойственность. Они как минимальная социальная единица содержат в себе два противоположных и тождественных элемента: первичные и вторичные символы. Противоположность этих элементов проявляется в том, что первичные символы есть итог *бессознательной психической* деятельности нижнего ранга общества, а вторичные символы — результат *сознательной*

---

⁴² Афанасьев В. С. Метод экономической двойственности // Вопросы экономики. 2005. № 8. С. 4–18.

В. С. Афанасьев в своей статье и других трудах употребляет термин «метод экономической двойственности». Мы же в своей работе используем понятие «дихотомический метод», который по смыслу совпадает с термином, используемым В. Афанасьевым. С нашей точки зрения, категория «дихотомический метод» шире, чем категория «экономическая двойственность», поскольку любое явление, в том числе и экономическое, обладает **свойством** двойственности. Да и сам автор, описывая метод экономической двойственности, фактически говорит о дихотомии. «Даже поверхностный взгляд на экономические явления <...> обнаруживает их двойственную структуру. <...> В свою очередь, каждая из сторон экономических явлений <...> также обладает двойственной структурой» (Афанасьев В. С. Метод экономической двойственности // Вопросы экономики. 2005. № 8. С. 5, 6).

⁴³ Впервые работа, посвященная методу экономической двойственности, вышла в 2005 г. Афанасьев В. С. Первые системы политической экономии (метод экономической двойственности). М.: Инфра, 2005.

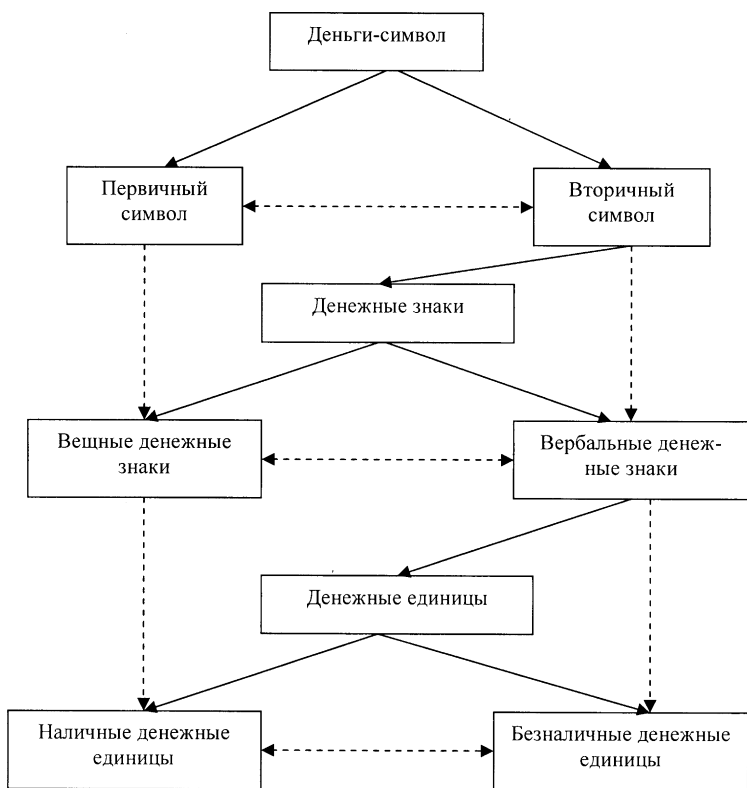

Схема 4. Двойственность денег, денежных знаков и денежных единиц

социальной активности верхнего ранга. А их тождественность — в том, что оба элемента представляют собой символы, т. е. элементы, имеющие однопорядковую природу — социальную ценность.

2) Деньги как иерархическая система передают свойства двойственности-тождественности своим подсистемам — денежным знакам и денежным единицам. Денежный знак состоит из двух элементов: вещного денежного знака и вербального денежного знака. Тождественность денежных знаков проявляется в том, что и тот, и другой выступают носителями представительной стоимости. Двойственность денежного знака заключается в различной оболочке представительной стоимости: вещной и невещественной. В пер-

вом случае представительная стоимость имеет предметную форму воплощения, а во втором — вербальный денежный знак — является собой некое действие, слово, цифру, представление.

3) Денежные единицы находятся в денежном обращении в двух видах: наличном и безналичном. Первые, воплощенные в виде какого-либо физически осязаемого предмета (вещь, монета, бумажный знак), находятся «на руках» у их владельца, и расчеты могут осуществляться им лично, без посредников. Безналичные денежные единицы физически неосязаемы. Они хранят информацию на специально созданном носителе (запись в бухгалтерской книге, файл в электронном техническом устройстве), который — носитель — находится в кредитных или иных уполномоченных властью организациях. А их собственник может произвести расчеты опосредованно, только через эти кредитные организации. Тождественность денежных единиц заключается в том, что они являются носителями информации, а двойственность — в форме этого носителя.

Проведенный дихотомический анализ демонстрирует две группы категорий: «парные» и «групповые».

А) Парные категории:

«первичные символы» — «вторичные символы»,
«вещные денежные знаки» — «вербальные денежные знаки»,
«наличные денежные единицы» — «безналичные денежные единицы».

Взаимосвязи между парными категориями на схеме 4 обозначены горизонтальными пунктирными линиями. Эти категории обладают следующими инвариантными свойствами: а) они всегда существуют одновременно, б) каждая единица пары может переходить из одной в другую.

Б) Групповые категории

Б-1) Категории первой группы:

«первичные символы»,
«вещные денежные знаки»,
«наличные денежные единицы»

Б-2) Категории второй группы:

«вторичные символы»,
«вербальные денежные знаки»,
«безналичные денежные единицы»

Между категориями первой и второй группы существует определенная генетическая связь, которая на схеме 4 обозначена вер-

тикальными пунктирными линиями. Для категорий первой группы характерны следующие инвариантные свойства: а) они всегда множественны, б) функционально разнообразны, в) представлены знаками, г) дискретны. В то время как категории второй группы обладают совершенно противоположными свойствами: они всегда а) единичны, б) функционально универсальны, в) обладают социальной семантикой, которая для всех уровней денег-системы одинакова, г) континуальны. Из вышеизложенных статических принципов денег вытекают следующие динамические закономерности их развития.

Эволюция денег проявляется в движении денежных единиц от их множественности к единичности; от разнообразия к универсальности; от уменьшения знаковости к увеличению их семантики; качественно усиливается роль континуальности — при снижении роли дискретности. Происходящие вышеуказанные изменения денег мы называем «законом унификации (абстракции)». Процесс унификации происходит как на уровне парных категорий (горизонтально), так и на уровне категориальных групп (вертикально). Этот процесс связан с увеличением абстракции денежной единицы, которая по своей сути всегда была счетной, условной единицей.

Единая семантика денег делает ненужным разнообразие знаковых форм денег, и последние стремятся к однообразию, переходу от вещных к вербальным знакам; а в комбинации наличных и безналичных денежных единиц — к безналичным. Такой подход предполагает и новое прочтение истории денег. Здесь, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать протекающий в течение веков процесс абстракции денежной счетной единицы с выделением: а) этапов, для которых характерно доминирование денежных знаков с однородными признаками, и б) определенного вида инструментов в социально-экономической политике, призванных сохранить у денежной единицы символическую нагрузку, т. е. доверие членов общества к ней.

Интуитивно ученые чувствовали действие закона унификации, правда, указывая на различную природу происхождения множественности и причины унификации денег. Для К. Поланьи, например, множественность денег возникает из их функциональной фрагментации. Он выделяет «универсальные» и «специальные» деньги, подразумевая под первыми те, которые выполняют все функции денег, а под вторыми — с ограниченным числом функ-

ций. «Один предмет используют как средство платежа, другой — как меру стоимости, третий — как средство накопления богатства, четвертый — как средство обмена»⁴⁴.

Для С. Московичи «деньги — это произвольный знак, который изобретается и замещает другие знаки в самых разнообразных формах», причем не важно то, из чего они сделаны, важна лишь указанная на них цифра. Как пишет французский ученый, «первое качество денег — это их количество». Закон унификации, который он называет законом «кортикализации денег», заключается в том, что происходит «переход осязаемых денег в деньги символические, а затем в деньги семиотические, каковыми и являются наши деньги. <...> Они обеспечивают, особенно в современном мире, преобладание системы представлений, т. е. условностей и символов, над совокупностью предметов и действительных отношений»⁴⁵.

В. Зелизер пишет о «множественных» и «унифицированных» деньгах, имея в виду, в нашей терминологии, первичные и вторичные символы соответственно. Она предлагает «альтернативную, дифференцированную модель денег, показывающую, как они постоянно формируются и переформируются посредством множества сетей социальных отношений и разнообразных смысловых систем»⁴⁶.

Вопрос о соотношении универсальности и множественности денег как средства социальной коммуникации имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку его решение раскрывает проблему денежной коммуникации между различными типами обществ и социальными группами внутри социума.

Этот подход позволяет по-новому взглянуть на денежную политику. Традиционно роль денежной политики сводится к определению номинальных величин и борьбе с инфляцией. Тем не менее было бы ошибкой видеть значение денежной политики только в этом. Можно утверждать, что ее цель — поддержание доверия, с

---

⁴⁴ *Поланьи К.* Семантика использования денег // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004. С. 423.

⁴⁵ *Московичи С.* Деньги как страсть и как представление // Машина, творящая богов. М, 1998. С. 376, 403–406.

⁴⁶ *Зелизер В.* Социальное значение денег: Деньги на булавки, чеки, пособия по бедности, и другие денежные единицы / Пер. с англ. Под науч. ред. В. В. Радаева. М., 2004. С. 53, 271, 416–417.

помощью **обещания** будущего процветания и выдвижения **требований** справедливости.

Эти факторы должны также приниматься во внимание, чтобы деньги сохраняли и увеличивали свою социальную ценность и, соответственно, покупательную способность. Опираясь на эту расширенную концепцию денежно-кредитной политики, мы даем ей свое толкование как социально-экономической политики, опирающейся в основном на социально-психологические рычаги управления внутренней и внешней покупательной способностью денежной единицы.

3. ДВОЙСТВЕННОСТЬ И ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ КАК ИСТОЧНИК САМОРАЗВИТИЯ ДЕНЕГ

Двойственность есть источник саморазвития системы любого вида (в том числе социальной системы и системы-денег). Саморазвитие, как известно, — это — а) самопроизвольное возникновение определенных элементов и структур, их само-структурирование и само-согласованное, кооперативное поведение; б) трансформация простой системы в сложную, гомогенной структуры — в гетерогенную; в) само-поддержание структуры, ее регенерация, самодостраивание.

В Системе-среде взаимодействие двух ее элементов (Природа и Культура) создает социально-экономические системы, которые обладают различными социально-географическими характеристиками. Социально-пространственная неоднородность выводит системы из равновесия, вызывая тем самым их саморазвитие, самоструктурирование. Предположим, что у системы имеются предельные точки саморазвития: «Начало» и «Конец»,⁴⁷ в которых она пребывает в равновесии. В своем движении между ними система последовательно находится в следующих трех состояниях: а) гомогенное, б) открытое и в) гетерогенное. В точке «Начало» система обладает свойством *абсолютной* гомогенности, а в точке «Конец» — *абсолютной* гетерогенности. В данной нам реальности социально-

---

⁴⁷Наличие начала и конца развития систем является таким же допущением, как и их отсутствие. Можно и, пожалуй, нужно говорить о возможности трансцендентного начала и трансцендентного конца в развитии систем, которые в тексте мы будем обозначать как «Начало» и «Конец».

экономическая система всегда находится в открытом состоянии, т. е. между двумя крайними точками — «Начало» и «Конец». Открытая система обладает только *относительными* параметрами: относительной гомогенностью и относительной гетерогенностью⁴⁸. В социально-экономической системе ее относительные параметры представляют собой некоторую целостную совокупность свойств гомогенности и гетерогенности⁴⁹. Формализовано это можно выразить следующим образом:

$$\text{ОПС} = k_1\text{гмг.} + k_2\text{гтр.},$$

где: ОПС — относительные параметры системы, $k_1\text{гмг.}$ — относительная гомогенность системы, $k_2\text{гтр.}$ — относительная гетерогенность системы, причем сумма коэффициентов $k_1 + k_2 = 1$.

Эволюцию социально-экономической системы мы рассматриваем как процесс роста степени ее открытости,⁵⁰ т. е. увеличение гетерогенности за счет уменьшения ее гомогенных свойств. Социальные системы, находящиеся в начале пути развития ($k_1 > k_2$), являются простыми системами и характеризуются социально-экономической неразвитостью и доминированием свойств гомогенности. И, наоборот, социальные системы, приближающиеся к противоположной предельной точке ($k_1 < k_2$), можно рассматривать как системы сложные, т. е. многоуровневые, социально развитые с превалированием свойств относительной гетерогенности. Социальная система на середине пути развития ($k_1 = k_2$) обладает свойствами относительной гомогенности и относительной гетерогенности в равной мере. Таким образом, саморазвитие социальной системы — это движение от: а) простой системы к сложной, б) системы с прева-

---

⁴⁸ «Исходную точку эволюции и результат ее следует считать относительными. Абсолютная однородность невозможна — ни в начале развития, ни в конце его, ни в общей эволюции, ни в социальном трансформизме. Движение всегда предполагает неустойчивое равновесие» (*Грееф Г., де. Указ. соч. С. 374*).

⁴⁹ Поскольку относительная гомогенность и относительная гетерогенность являются инвариантными свойствами социальной системы, то далее в тексте мы будем использовать заменяющие их понятия — гомогенность и гетерогенность.

⁵⁰ Впервые закон движения социально-экономической системы к открытости был сформулирован автором данной работы в статье «Торговый баланс как показатель открытости рыночного хозяйства» (*Вестник СПбГУ. 1993. № 4. С. 61-67*). Здесь же были даны некоторые показатели, характеризующие степень открытости хозяйства. Дальнейшая углубленная разработка данной проблемы вышла в издание учебного пособия «Платежный баланс РФ» (СПб., 2006. 48 с.).

лированием гомогенных свойств к системе с доминированием гетерогенных свойств, в) социально неразвитой системы к социально развитой.

А. Как говорилось выше, простая социальная система характеризуется наличием двух элементарных элементов. Такую систему мы называем минимальной социальной единицей. К ней, например, можно отнести социум, имеющий двухуровневую структуру (верхний и нижний ранг), деньги, представляющие собой совокупность первичного и вторичного символа, денежный знак как комбинацию представительной и реальной стоимости, денежную единицу как сумму реальной и номинальной стоимости. В социальном разделении труда мы выделяем символическое и реальное производство. Минимальная социальная единица есть отправной пункт развития социального мира. Данный принцип может быть положен в основании социальной модели развития, и на основании уже этой модели можно объяснить появление и становление более развитых социальных институтов, в том числе и денег. П. Бурдьё по этому поводу пишет: «Социальная классификация дихотомического типа, как это было, например, в древних обществах (мужской — женский, сильный — слабый), помогает упорядочить представления о социальном мире и при определенных условиях способствовать организации самой социальной реальности»⁵¹.

Б. В простой системе доминируют свойства относительной гомогенности — элементы обладают большей однородностью, тождественностью, чем противоположностью. Любая гомогенная система является простой, любая простая система — гомогенной. Превалирование гомогенности присуще всем социальным единицам, находящимся: а) в начале развития и б) на нижнем уровне социальной иерархии. Причем свойства однородности группы усиливаются со снижением ее ранга. Социальная структура такого общества имеет едва намечившиеся стратификационные границы, которые весьма подвижны. Г. Зиммель, например, отмечая этот социально-психологический факт, указывает, что традиционным обществам свойственна неявная «индивидуальная дифференцированность», «однобразность и сходность [индивидуумов. — Ю. Б.] между собой, насколько это возможно»⁵².

---

⁵¹ Бурдьё П. Мир как взаимопроникновение форм капитала // Эксперт «Сообщение». 2004. № 11. С. 57.

⁵² «В менее культурные эпохи индивидуумы, принадлежащие к одному ро-

Любые простые социальные системы подобны друг другу за счет своей неразвитости. Материальная и символическая культура традиционных обществ, располагающихся в различных частях света и не допускающих возможности заимствования, поражает не только своей аналогичностью, но и сходством в тончайших деталях⁵³. Для большинства ранних социумов характерны однотипные орудия труда, украшения, жилище, ритуальные церемонии, термины родства⁵⁴. Например, культовые сооружения, к какой бы конфессии они не относились, развернуты (построены) по одному принципу — «встреча» первого луча восходящего солнца после дня солнцестояния. На Соломоновых островах найдены погребальные сооружения в виде пирамид с мумиями наподобие египетских. В верованиях большинства примитивных народов в той или иной форме

ду, настолько однообразны и сходны между собой, насколько это возможно. <...> Мы узнаем от путешественников и до известной степени можем легко наблюдать это сами, что при первом знакомстве с каким-нибудь чужим племенем, кажется, что все индивидуумы, принадлежащие к нему, похожи друг на друга настолько, что их нельзя различить, и при том тем более, чем более они отличаются от нас. <...> Первоначальное состояние отличалось очень низким социальным уровнем, причем индивидуальная дифференцированность была в то же время весьма незначительна» (*Зиммель Г.* Социальная дифференциация. Социологическое и психологическое исследование. М., 1909. С. 67, 97, 113).

⁵³ «В мировоззрении примитивного человека в самых различных культурных кругах, где недопустимо заимствование, проявляются поразительные параллелизмы, объяснить которые не представляется возможным. <...> и в антропологии, и в археологии раскрывающие связи между отдаленными областями земли и подтверждающее единство человечества и его культуры» (*Штернберг Л. Я.* Современная этнология: Новейшие успехи, научные течения и методы // Этнография. 1923. № 5. С. 25–26).

«Между причерноморскими скифами и татарами морфологическое сходство почти абсолютное, но они жили на громадном расстоянии друг от друга, что не дает возможности предполагать их общий генезис». (*Алексеев В. П.* Несколько слов о «Скифском Евразийском мире» // Краткие сообщения. Вып. 207: Античная археология и памятники железного века на территории СССР / Ин-т Археологии РАН. М., 1996. С. 41).

⁵⁴ «Нельзя не обратить внимание на то, что некоторые культурные приобретения человечества уже в неолитическую эпоху распространяются с такой быстротой, что археология не может установить даже приблизительно, где и когда было сделано данное изобретение. <...> Едва ли также удастся установить, в каких местах впервые возникло ткачество и где находился очаг, в котором возникало искусство металлургии. <...> Особенно известно и показательно в конце неолитической эпохи и в эпоху бронзы широкое распространение украшений из прибалтийского янтаря». (*Брюсов А. Я.* К вопросу о теории диффузии // Советская археология. 1957. № 1. С. 7).

существовала безличная сверхъестественная сила — маппа. К. Болсуновский уверен, что «тождественная вера и культура неизбежно должны были проявиться в тождественных формах творческого духа античного человека». Ученый утверждает, что существовала общая «античная забытая письменность», которая была заимствована жителями эпохи неолита, населявшими «наше Приднестровье»⁵⁵. Список примеров может быть продолжен до бесконечности, и он охватывает собой не только широко известные факты материальной культуры, но и артефакты символического производства.

В. Социальная неразвитость, с нашей точки зрения, связана с неразвитостью структуры потребления. Под последней мы понимаем пятиуровневую пирамиду потребностей А. Маслоу. Структура потребностей разворачивается вместе со становлением социально-экономической системы и во многом определяет структуру последней⁵⁶. Так, для простой социальной системы характерно доминирование в этой пирамиде первого уровня — физиологические потребности. Как верно отмечает А. Яроцкий, структура потребления на первых этапах развития была проста и примитивна. Так как первобытное общество представляло собой малочисленную группу, то оно было однородно психически. Поскольку психически мир прост, то желания крайне однообразны и практически совпадают⁵⁷. В развитой, сложно организованной системе превалируют потребности пятого уровня, определяемые мотивами самореализации. «На высших ступенях экономического развития ценность приобретает не только то, что осязательно и вещественно, но и вообще все то, на

---

⁵⁵ «Мы уверены, что это те же иероглифы, прототипы какой-то античной забытой письменности, заимствованные жителями эпохи неолита, из общего с китайским источника, источника которого мы не знаем, но следы его прекрасно сохранились у китайцев в их орнаментальных шрифтах, благодаря чему мы можем теперь делать настоящее заключение. <...> Везде, где только сохранились условия культов предков, — сохранились и приемы того же культа» (Болсуновский К. Символика эпохи неолита. Киев, 1908. С. 12).

⁵⁶ «Социальный строй наименее развитых народов представляет рассеянную организацию, образовавшуюся из групп, которые в отношении территории, числа и соотношении составных единиц отличаются неустойчивостью. Группы очень легко создаются и разрушаются, главным образом, в зависимости от условий питания» (Грефф-де Г. Указ. соч. С. 19).

⁵⁷ Яроцкий А. Объективная необходимость прогресса // Вопросы психологии и философии / Московское психологическое общество. М., 1901. Кн. 59 (4). С. 354–356.

что человек может распространить свою власть, что он может при-тянуть на службу к себе, что он может приноровить к какой-либо своей потребности для удовлетворения этой потребности»⁵⁸.

Целью развития социальной системы является достижение раз-вернутой структуры человеческих потребностей, которая носит априорный, заранее данный характер. Платон говорил, что «са-мое удовлетворение потребностей должно быть рассматриваемо как нечто подчиненное высшим этическим соображениям, высшим за-дачам человеческого существования»⁵⁹. Оригинальную точку зре-ния на причину возникновения потребностей выдвигает П. Ткачев. Он пишет, что «счастье состоит в удовлетворении человеческих по-требностей; человек трудится потому только, что это необходимо для удовлетворения его потребностей, для его счастья»⁶⁰.

В вопросе о происхождении и структуре потребностей мы при-держиваемся телеологической концепции о наличии конечной или глобальной цели, к которой стремится в своем развитии человече-ство. Телеологичность и трансцендентальность научного познания не является широко распространенным явлением, но тем не менее в ряде концепций имеет место. Так, например, О. Конт в своей модели развития придерживался телеологической, целевой предопределен-ности социальной эволюции. В научном наследии С. Булгакова мы находим признаки трансцендентности, на что справедливо указы-вает Ю. Осипов⁶¹. Бельгийский ученый Г. де-Греэф занимает про-межуточную позицию, утверждая, что «существование непознава-емого мы не можем ни отрицать, ни утверждать»⁶². А. Стронин однозначно пишет: «и сколько бы ни исчерпывала она [наука. —

---

⁵⁸ *Кауфман И. И.* Кредит. Банки. Денежное обращение. СПб., 1873. С. 45.

⁵⁹ *Святловский В. В.* Очерки ... С. 42.

⁶⁰ *Ткачев П. Н.* Сочинения: В 2-х т. Т. 1 / Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова. Вступит. статья В. Ф. Устарнакова и Б. М. Шахматова. М.: Мысль, 1975. С. 323.

⁶¹ «Булгаков исходит из трансцендентности мироздания, бытия, жизни, их организации. Но, признавая трансцендентность, Булгаков не впадает в плоский агностицизм, отрицающий возможность познания мира. Булгаков как раз утверждает возможность такого познания, но познания трансцен-дентного, т. е. признающего и учитывающего тайну мира как его необходи-мую принадлежность» (*Осипов Ю. М.* Вступительный доклад: Международ-ная научная конференция «Творческое наследие С. Н. Булгакова и современ-ное социально-экономическое знание», Москва 18–19 июня 1996 г. / МГУ им. М. И. Ломоносова, СПбГУ. М., 1996. С. 5–6).

⁶² *Греэф-де Г.* Указ. соч. С. 329.

Ю. Б.] всю свою область познаваемого, а непознаваемое все-таки остается и будет оставаться навсегда»⁶³.

Большинство ученых указывают на наличие взаимосвязи между прогрессом общества и изменениями в структуре потребления, которая играет ведущую роль в этой взаимосвязи⁶⁴. Различными являются только взгляды на сами потребности. Одни верно отмечают, что человеку свойственны неограниченные потребности. Другие говорят об ограничении потребностей самим человеком, его привычками, обычаями, предрассудками⁶⁵. Третьи подчеркивают роль власти в формировании потребностей индивидуума. Причем для восточных обществ этот процесс носит принудительно-лимитирующий характер⁶⁶. Четвертые указывают на наличие взаимосвязей между изменениями структуры потребления «субъектов хозяйствования» и развитием экономической системы, ее стремлением к открытости.

Фундаментальный принцип самоорганизации социально-экономических систем состоит в том, что их структуры дифференцируются в соответствии с требованиями, предъявляемыми им со стороны Системы-среды.

Раскроем этот принцип.

А. Социально-пространственная неоднородность, возникающая из двойственности Системы-среды, есть первопричина неравных возможностей для удовлетворения потребностей у различных социальных единиц (индивидуумов, простой группы, обществ).

---

⁶³ Стронин А. И. История общественности. СПб., 1885. С. II.

⁶⁴ «Желания и создаваемые ими потребности суть истинная движущая сила, которая проявляется через человеческие действия» (Софронов Ф. Механика общественных идеалов // Вопросы психологии и философии. / Московское психологическое общество. М., 1901. Кн. 59 (4). С. 315).

⁶⁵ «Во всякое данное время круг потребностей, для удовлетворения коих служит экономическая сфера, замкнут в определенных границах. Знания, обычаи, иногда предрассудки и законы, чаще всего нравы и так называемая бытовая сторона жизни повсюду обуславливают такой замкнутый круг потребностей» (Кауфман И. И. Указ. соч. С. 312).

⁶⁶ «Восточные общества отличаются от западного еще и тем, что потребности очень ограничены. В силу чего большинство людей вынуждены производить для самих себя, и, соответственно, потребности неизбежно должны оставаться скромными и по качеству и по количеству. Другое следствие из этого — то, что экономические мотивы не действуют непрерывно. Поэтому <...> экономическая деятельность также дискретна. Западная экономика имеет диаметрально противоположные тенденции...» (Boeke J. H. Economics and Economic Policy of Dual Societies. New York, 1953. P. 39).

Б. В свою очередь, разная структура потребления социальных единиц есть основа для их индивидуализации, дифференциации.

В. Далее, любая социальная единица, самоидентифицировавшись, стремится слиться с себе подобными, образуя тем самым социальную группу, происходит их социализация.

Г. Но, войдя в ту или иную группу, социальная единица теряет свою индивидуальность, поскольку находится в кругу себе подобных, что вызывает очередной процесс ее самоидентификации и дифференциации, но уже по более уточненным параметрам потребления. Таким образом, последовательная смена процессов дифференциации и социализации, дезагрегации и агрегации, разъединения и объединения приводят к возникновению структуры социальных единиц. Развитая социальная система характеризуется большим количеством групп⁶⁷. Самоорганизация, т. е. построение сложных структур, как раз и заключается в кооперации и согласовании этих двух процессов, вызванных социально-пространственной неоднородностью Системы-среды.

В эволюции социальной системы нас в первую очередь будут интересовать изменения в ее структуре — движение от простой системы к сложной, от дуальной организации общества к многоуровневой структуре. Следует отметить, что пока не существует устоявшегося и единого мнения о количестве социальных групп в развитом социуме. П. Сорокин, например, считает, что «дать конкретную классификацию группировок, приложимую ко всем временам и народам, задача безнадежная и по природе своей невыполнимая»⁶⁸.

Российский социолог Т. Заславская полагает, что современное «российское общество состоит из четырех социальных слоев: верхнего, среднего, базового и нижнего, а также десоциализированного «социального дна»⁶⁹. Однако, отметим, автор не совсем последователен в изложении своей концепции. Сперва «социальное дно» исключается им из структуры общества по причине его «десоциализации». Но в дальнейшем оказывается, что размеры и актив-

---

⁶⁷П. Сорокин особо отмечает, что «чем дифференцированнее и сложнее та человеческая среда, в которой данный индивид живет, и чем более индивиды отличаются друг от друга, тем система социальных координат будет сложнее и подробнее» (Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2: Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. С. 35).

⁶⁸Сорокин П. А. Указ. соч. С. 59.

⁶⁹Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 9.

ность андеркласса серьезно влияют на функционирование и развитие «большого» общества. «Таким образом, андеркласс представляет собой важный элемент российского общества и требует не менее серьезного изучения, нежели остальные слои»⁷⁰.

Не вдаваясь в дальнейший разбор взглядов на количество социальных страт, укажем, что в нашей концепции происхождения и природы денег будет использоваться пятиуровневая модель общества. Мы выделяем следующие группы: «элитарную», «высшую», «стандартную», «низшую» и «маргинальную». Далее, поскольку развитие социально-экономических явлений носит вероятностный характер, то структура общества с количественной точки зрения может быть описана нормальным распределением Гаусса. Теоретические параметры структуры приведены в таблице № 1. Следует отметить, что структуру общества, представленную в таблице, необходимо рассматривать как своего рода идеальную, а отношения, складывающиеся между социальными стратами, воспринимаются индивидами нижних рангов как справедливые. Слово «справедливость» в данном контексте мы отождествляем с понятием «равенство», но равенство именно в том смысле, в котором его употреблял Платон. Для философа справедливость или «истинное равенство» это не равное количество потребляемых благ, а определенная соразмерность разных категорий граждан и их богатства.

Таблица 1

**Теоретические параметры
социальной структуры общества**

Социальный уровень	Доля уровня в структуре общества (%)
I – Элитарный	5
II – Высший	12,5
III – Стандартный	65
IV – Низший	12,5
V – Маргинальный	5

Если двойственность системы является источником ее саморазвития, то тождественность – источником ее фрактальности. «Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые

⁷⁰ Заславская Т. И. Указ. соч. С. 11.

в каком-то смысле подобны целому»⁷¹. Иными словами, считается, что система обладает свойством фрактальности, если каждый ее элемент подобен самой системе. Любая часть фрактала содержит в себе информацию обо всем фрактале. Фрактал воспроизводит среднестатистические свойства целого. Фрактальность — это самоподобие.

Дадим примеры свойства фрактальности. Наиболее простой — каждая часть прямой подобна целой, каждая отдельная прямая подобна любой другой прямой. Прямая во всех своих частях устроена одинаково, подобна самой себе. Другой пример — капля морской воды по своим химико-физическим свойствам подобна воде всего моря. М. Руткевич приводит интересные примеры свойства фрактальности в системе «индивидуум — общество»: в процессе онтогенеза происходит ускоренное повторение процесса филогенеза. Исходя из всеобщности свойства фрактальности, можно утверждать, что любая социально-экономическая система обладает этим свойством. Фрактальность социальной системы бывает двух видов: гомогенная (горизонтальная) и гетерогенная (вертикальная). Гомогенная фрактальность характерна для простых социальных систем, которые подобны друг другу за счет своей неразвитости. Гетерогенная фрактальность свойственна сложно организованным системам.

Гетерогенная фрактальность предполагает, что каждый из уровней социума неоднороден и, в свою очередь, сам состоит из такого же числа уровней. Структура целого повторяется в структуре ее части, структура части есть подобие структуры целого. Так, например, представители «элитарной группы» делятся на пять уровней, и среди них можно найти элитарно-маргинальный элемент. В свою очередь, «маргинальная» группа также состоит из пяти уровней, среди которых отыщется индивидуум, относящийся к маргинально-элитарной группе. Такая социальная стратификация может продолжаться до бесконечности. Возникает так называемый «эф-

---

⁷¹Понятие фрактала было разработано в 1973 г. Бенуа Мандельбротом. Оно звучит так: «Математическое понятие фрактала выделяет объекты, обладающие структурами различных масштабов, как больших, так и малых, и, таким образом, отражает иерархический принцип организации. В основе этого понятия содержится одна важная идеализация действительности: фрактальные объекты самоподобны» (*Пайтген Х. О., Рихтер П. Х.* Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем / Перев. с англ. П. В. Малышева, А. Г. Сивака; под. ред. А. Н. Шарковского. М., 1993. С. 10).

факт матрешки», когда одна структура «вкладывается» в другую. «Любая система, в том числе социальная, обладает иерархичностью строения. Это означает, что система расчленена объективно, т. е. «независимо от нашего сознания», на подсистемы, которые выступают по отношению к ней в качестве основных элементов; те, в свою очередь, образованы из «своих» подсистем как элементов и т. д. <...> Подсчитывать число промежуточных ступеней в иерархической лестнице в социуме — на наш взгляд, дело бесперспективное в силу сверхсложности социальной системы, бесконечного многообразия связей между людьми и их изменчивости, наличия переходных и промежуточных форм»⁷².

Что касается гомогенной фрактальности, то выше, когда приводились примеры тождественности, подобности простых систем, мы как раз и имели в виду это свойство, не называя его, правда, фрактальностью. Здесь же нам важно отметить, что это свойство присуще социальным системам на ранних этапах человеческой жизни. (Гомогенность = простая система = ранний этап развития общества.) Опираясь на принцип гомогенной фрактальности, мы можем утверждать, что в начале развития общества всем народам были свойственны однотипные законы развития социума. Эти законы являются *базовыми, универсальными, системообразующими*. Они во многом определяют содержание современных социальных институтов.

Что касается денег, то именно на начальном этапе развития общества наиболее четко видны методы их создания и управления *социальной ценностью*. Отметим, что о необходимости использования именно такого подхода к исследованию социально-экономических явлений писал П. Сорокин. «По существу, и по методологическим требованиям всякий исследователь того, что называют «явлениями общественной жизни», должен взять эти явления в их простейшем виде. Он должен найти простейший случай их проявления, упрощенную и маленькую модель их, изучая которую он получил бы возможность смотреть на все более сложные факты как на комбинацию этих простейших случаев»⁷³.

Ф. Бродель — этот яркий представитель системного метода ис-

---

⁷² Руткевич М. Н. Указ. соч. С. 196.

⁷³ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1: Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993. С. 138.

следования особо подчеркивал, что «любая «современность» включает в себя различные движения, различные ритмы: «сегодня» началось одновременно вчера, позавчера, «некогда». <... > Исследователь настоящего может проникнуть в глубинные элементы существующих социальных структур только с помощью процесса [исторической] *реконструкции*, выдвигая гипотезы и объяснения и отказываясь принимать реальность такой, какой она представляется. Он проникает в глубины, либо упрощая, либо добавляя к существующему нечто свое»⁷⁴.

Мы присоединяемся к этим научным авторитетам и считаем, что изучение природы и происхождения денег может быть наиболее плодотворным, если его осуществлять на примере простейших, архаических обществ. В развитии культуры можно выделить две четко различающиеся ступени: а) дикость (первобытная культура) и б) цивилизация. Архаическое, так называемое примитивное, первобытное, традиционное общество социальной антропологией датируется с эпохи неолита (40 тыс. лет до н. э.) и до появления первых цивилизаций, первых государственных образований (не более 5–6 тыс. лет до н. э.). Однако в данном случае следует избегать поверхностных ассоциативных представлений о том, что «дикость» — это что-то грубое и неразвитое, а «цивилизация» — нечто прогрессивное. Архаика — это не примитивизм, а цивилизация — не обязательно приближение к совершенству.

Отличие первобытного человека от цивилизованного заключается в первую очередь в способе мышления. Для первого окружающий мир представляется наполненным всевозможными невидимыми сущностями, духами, которые выступают причинами явлений. Такой способ мышления, объясняющий различные проявления жизни через наличие взаимосвязей душ людей, животных, растений и т. д., одушевляет все предметы. Для человека цивилизованного характерно критическое мышление, которое раскрепощает его, приводит к росту производительности труда. Оно определяется социальной структурой общества и, в свою очередь, определяет развертывание экономических отношений и экономической культуры⁷⁵.

---

⁷⁴ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона. Благовещенск: БГК, 2000. С. 130.

⁷⁵ «В более развитых обществах диапазон различий между личностями мо-

Для большинства традиционных обществ характерна общая психология, которая зиждется на анемическом мышлении. Эта тождественность мысли и представлений проявляется в гомогенности денег, денежных знаков и денежных единиц.

Гомогенность денег — это их сущностная однородность, символическая однопорядковость, которая вытекала из анимического способа мышления, когда некоторым предметам или явлениям приписывались магические, сакральные свойства, когда они становились символами богатства, власти и силы.

Гомогенность денежных знаков проявляется в том, что на ранних этапах развития общества те знаки, которые принимают вещную форму, для большинства народов имеют однотипную геометрию и одинаковый вес. Данные факты мы находим в работе В. Святловского «Примитивно-торговые государства как форма быта». Древние скандинавские, ирландские, персидские и славяно-русские гривны ничем не отличаются ни между собой, ни от тех, что в ходу на островах Полинезии. Спиральные кольца, используемые в качестве денег, в большом количестве находят в разнообразных местах: гробницах Палестины, Египта, Микены, в кельтских, скандинавских, тевтонских могилах. Причем микенские золотые кольца, найденные и описанные Шлиманом, идентичны по весу (8,42 гр.) скандинавским и гомеровскому таланту. «Взвешивание золотых монет, колец и иных золотых предметов, служивших в качестве денег, убедили нас, что все они основываются на одной общей единице. Так, этрусские, германские, египетские (спирали), карфагенские деньги — все весят 7,5 гр., микенские времен Гомера («таланты»), аттические («статеры») несколько не уклоняются от общего веса; индийские (в VII в. до н. э.) — весят 8,12–8,44 гр., около того же (8,75 гр.) весят финикийские монеты»⁷⁶. Одна денежная единица в Древнем Египте весила 7,5 гр.⁷⁷ В Египте времен Среднего и Нового царства в обра-

---

жет даже расширяться, в то время как структуры общества и происходящие в нем процессы становятся все менее зависимыми от особенностей индивидов». (Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 2: Весна. С. 99).

⁷⁶ Святловский В. В. Примитивно-торговые государства как форма быта. СПб, 1914. С. 42.

⁷⁷ Берлев О. Д. Древнеегипетская денежная единица // Палестинский сборник / АН СССР. Вып. 15 (78). М.; Л., 1966. С. 26.

нии находились золотые и серебряные «деньги» весом примерно в 7,5 гр.⁷⁸

Для большинства народов в архаические времена одинаковым был и масштаб цен, который имел следующие пропорции 1 : 60 : 360. Гомогенность масштаба цен проявлялась, в частности, и в том, что он использовался не только в денежном обращении, но и при измерении времени, углов, расстояния и т. д. Самой крупной денежной единицей был талант, который весил 30 кг. Он содержал в себе 60 мин и 360 шекелей. Каждая мина весом 0,5 кг включала в себя 60 шекелей. Вес шекеля определялся как вес 180 зерен пшеницы, который равнялся 8,41 гр. Талант и мина были счетными, условными денежными единицами, а «ходячей» монетой был шекель.

Гомогенность денежных единиц заключалась в тождественности их веса и масштаба цен, что привело к одинаковым пропорциям обмена во всем древнем мире от Испании до Урала и от Ирландии до Индии. «Вес всех известных древнему миру монет так или иначе приближался к греческому таланту. <...> Ценность ее [монеты. — Ю. Б.] и вес во многих странах, по мнению Риджвея, первоначально одинаковы. <...> Проф. Риджвей дает такую остроумную гипотезу, что стоимость быка и таланта в Греции (VII в. до н. э.) была одна та же и что все ценности измерялись одной и той же величиной — быком (талантом). <...> Все эти **сходные единицы веса** золота [выделено нами. — Ю. Б.] равнялись ценности одного быка, по всему древнему миру от Ирландии до Индии, от Урала до Испании уровень цен для скота был одинаков; отсюда тождество в единице ценности, т. е. в значении быка, равного повсеместно цене золотого таланта в 8,4 грамма»⁷⁹.

Свойство гомогенности денежных знаков и единиц предоставляет нам уникальную эвристическую возможность выявления «утраченных» социально-экономических фактов. Опираясь на этнографические наблюдения за современными традиционными обществами, мы методом экстраполяции можем определить те формы денег, которые использовались на ранних этапах развития общества. Так, согласно многочисленным этнографическим сообщениям, в некоторых районах Африки женщины до сих пор используются в ка-

---

⁷⁸ *Перепелкин Ю. Я.* Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 303–304.

⁷⁹ *Святловский В. В.* Указ. соч. С. 16, 43. 49.

честве денежного знака⁸⁰. Действительно, в архаические времена женщина рассматривалась как источник «плодородия», богатства и дохода, а потому была одним из первых «предметов» экономического оборота. В дальнейшем этот «вид» богатства был заменен символом — миниатюрной статуэткой женщины, которая отражала основные характеристики замещаемого богатства (плодовитость) и передавалась в обмен на реального человека. Первые статуэтки, найденные археологами, относятся ко времени 25000–22000 лет тому назад. До сих пор эти вещные денежные знаки многими ошибочно трактуются как: а) примитивные произведения искусства и б) культовые предметы поклонения. Такие трактовки данного артефакта совершенно не выдерживают критики. Если это «произведения искусства», то почему в этот круг не вошли подобные изображения мужчин. Если же это объект поклонения, то он не соответствовал социальному статусу женщины того периода.

Дальнейшая эволюция денег — движение от гомогенности к гетерогенности — связана с развитием социально-экономической системы, критического мышления и соответствующими политическими, идеологическими, религиозными, экономическими и иными наслоениями, характерными для цивилизации.

Двойственность характерна и для социально-экономической системы, в которой взаимодействие двух составляющих происходит двояким образом при помощи социальной дифференциации и экономической интеграции⁸¹. Как говорилось выше, под воздействием

---

⁸⁰ «В горных районах Папуа-Новой Гвинеи некоторые племена <...> во взаимных расчетах используют в качестве валюты женщин» (*Корочанцев В.* Морские раковины, собачьи зубы, каменные диски // *Азия и Африка сегодня.* 2002. № 10. С. 77–78).

⁸¹ «Слияние всего человеческого рода в единый мировой тип тоже сделалось возможным лишь вследствие увеличения числа обществ и их границ, возрастающая дифференциация социальных границ — таков механизм слияний всех обществ путем проникновения одного в другое; отсюда — рост солидарности всех выделявшихся частей и образование общей структуры и общей жизни в увеличенном объеме». (*Грефф-де Г.* Указ. соч. С. 369).

«Всякая система находится в процессе непрерывного функционирования, а это значит, что ее структура должна рассматриваться одновременно как образование устойчивое и изменчивое. Именно в этой связи следует различать два аспекта в содержании категорий, отображающих противоположные (и находящиеся в единстве) стороны процессов функционирования и развития, каковы *дифференциация и интеграция*. (*Руткевич М. Н.* Указ. соч. С. 198).

социально-пространственной неоднородности в социальной системе происходит постоянная дифференциация общества, т. е. усложнение структуры: движение от двухуровневого к пятиуровневому строению. Усложнение социальной структуры вызывает в экономической системе противоположный процесс — процесс агрегации экономик⁸².

*Социально-экономическая система в своем развитии стремится расширить свои валютные, таможенные, экономические, географические, культурные и национальные границы. В отечественной научной литературе данная закономерность получила трактовку как открытость социально-экономической системы*⁸³.

Такой процесс агрегации проявляется в поглощении одних экономических систем (социально слабых) другими экономическими

---

⁸² А. Коротаев и А. Назаретян отмечают наличие тесной взаимосвязи между социальной дифференциацией общества и «ростом размеров социальных систем». Коренное отличие в их подходах — это определение направления этой связи. Так, А. Назаретян считает, что рост социальной системы «является во многом производной от тенденции к демографическому росту и росту организационной сложности». (Коротаев А. В. Тенденции социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. №4. С. 113).

В свою очередь, А. Коротаев говорит об обратной связи, утверждая что «рост размеров социума зачастую выступает в большей степени фактором, чем результатом роста организационной сложности». (Там же).

С нашей точки зрения, будет правильно выделять связь между *социальной* дифференциацией и *экономической* интеграцией, причем *дифференциация* вызывает *интеграцию*.

⁸³ В нашей теоретической модели этот закон получил название «Движение экономической системы к открытости». См. подробнее формулировку и реализацию данного закона в: *Бабулин Ю. В.* Торговый баланс как показатель открытости рыночного хозяйства // Вестн. СПбГУ. Сер. 5: Экономика. 1999. Вып. 4; См. также: *Юданов А. Ю.* Теория открытой экономики: доктрины и действительность. М., 1983.; *Соколов В., Шшиков Ю.* Как измерить открытость национальных хозяйств // Мировая экономика и международные отношения. 1990. №12. С. 78–85; *Владимиров С. А.* Идеальная экономика: принципиально новый подход к анализу и оценке эффективности макроэкономических состояний. СПб., 2006.; *Белокрылова О. С.* Рациональная открытость трансформационной экономики. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004.; *Охлопкова Н. В.* Глобализация рынка труда и открытая экономика / Н. В. Охлопкова; МГУ им. М. В. Ломоносова. Экон. фак. М.: ТЕИС, 1999; *Международная макроэкономика: открытая экономика и макроэкономическое программирование.* М., 2003; *Селищев А. С.* Макроэкономика: Открытая экономика. Причины экономического роста. Динамика рынков / А. С. Селищев. 3-е изд. М.; СПб., 2005.

системами (социально могущественными), что приводит к уменьшению числа социально-экономических систем, которое в пределе должно равняться единице — мировой социально-экономической системе.

В XIX в. тенденцию к глобализации подметил И. Кауфман. «Экономическая жизнь народов на низших ступенях развития отличается разделенностью населения на обособленные однородные хозяйственные единицы, стоящие без экономической связи одна с другой. На высших ступенях развития, напротив, эти единицы начинают организовываться в одно сложное целое, состоящее из разнородных единиц, взаимно и друг для друга действующих, постоянно находящихся в бессознательной связи или в сознательных сношениях»⁸⁴. Через сто лет, в середине XX в., о том же процессе напишет французский ученый Ф. Бродель: «Если специфическую черту экономики составляет выход за пределы своего пространства, то разве не это же самое можно сказать о других общественных множествах? [имеются в виду политика, культура, общество. — Ю. Б.] Все пожирают пространство, пытаются расширяться, обрисовывают одну за другой свои последовательные зоны»⁸⁵.

Изучение процесса глобализации стало общим местом в экономической теории. Сходные идеи развивали многие экономисты от представителей школы космополитизма (Ж. Руссо и А. Смит) до социалистов, в планы которых входило «замкнуть в одну безусловную общинную форму все современные народы»⁸⁶. С начала XX в. феномен агрегации экономических систем стал исследовать с использованием системной методологии А. Богданов. Он выделя-

---

⁸⁴ Кауфман И. И. Кредит, банки и денежное обращение. СПб, 1873. С. 112.

⁸⁵ Бродель Ф. Время мира: В 3 т. Т. 3: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М., 1992. С. 39.

⁸⁶ Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860. С. 217.

Немецкий экономист Г. Шмоллер отмечал постоянное стремление «отдельных хозяйств к единому рынку, единому денежному обращению» (*Шмоллер Г. Указ. соч. С. 12*).

Русский экономист А. А. Исаев пишет: «[Наблюдается] стремление образовывать посредством договоров обширные экономические тела из мелких или, по крайней мере, не самых обширных государств. <...> Эти течения обнаруживаются в Европе и Америке. Они сводятся к тому, чтобы расширить площадь, которую охватывают таможенные границы» (*Исаев А. А. Мировые царства // Образование. СПб, 1909. № 1. С. 57–58.*)

ет два действия в их развитии — «соединение» и «разъединение», но основным считает процесс «соединения»⁸⁷. Сегодня, в начале XXI в., закон стремления к открытости трактуется с синергетических позиций. Так, Е. Князева и С. Курдюмов пишут, что эволюционные процессы в открытых нелинейных системах «ведут к созданию все более сложных организаций и структур путем интеграции различных, развивающихся в разном темпе структур в эволюционные целостности»⁸⁸.

Мировая экономическая система — это целостная иерархическая совокупность экономических подсистем, образующих пять уровней. Существуют разные взгляды на количество «этажей» в мировой системе. Так, Аристотель выделяет три формы общежития людей: семья, селение и государство. С его точки зрения, семья является минимальной социальной единицей. Затем они объединяются и образуют селения, а из нескольких селений возникает высшая форма — государство⁸⁹. Выдающийся экономист П. Маслов, давая периодизацию хозяйственного развития, пишет о следующей последовательности: изолированное хозяйство, общинное, районное, национальное и мировое⁹⁰. Эволюция социально-экономической системы — это развертывания всех пяти уровней мировой экономической системы. В процессе становления социально-экономической системы мы выделяем пять стадий ее развития, определяемых по доминированию вида хозяйства, способа производства и фактора производства. На наш взгляд, в разные исторические периоды развития социально-экономической системы доминантными свойствами обладали разные виды хозяйств, факторы и способы производства.

Мировую экономическую систему необходимо рассматривать как совокупность всех видов хозяйств, способов и факторов про-

---

⁸⁷ «Всякое событие, всякое изменение комплексов и их форм возможно представить себе как цепь актов соединения того, что было разделено и разделения того, что было связано. <...> Первичный момент, порождающий изменения, возникновение, разрушение, развитие организационных форм <...> есть соединение комплексов» (Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1989. С. 143, 144).

⁸⁸ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный вопрос в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 69.

⁸⁹ Аристотель Соч.: В 4-х т. Т. 4. Ч. 1: Политика. М., 1983.

⁹⁰ Маслов П. П. Теория развития народного хозяйства: Введение в социологию и политическую экономию. СПб, 1910.

изводства, включая те, которые потеряли свое господствующее положение и влияние, и доминирующие в настоящее время, и те, которые будут превалировать в мировой системе. Иными словами, она представляет собой иерархическую совокупность «разнородных» хозяйств: хозяйств с разным уровнем развития, разными социальными системами, разным культурным потенциалом. Это система, которая имеет лидера, центр, полу-периферию и периферию. Исходя из свойства фрактальности, можно утверждать, что каждый ее уровень имеет такую же многоярусную структуру: своего лидера, свой центр, свою периферию и так далее до «бесконечности». Ф. Бродель называл такую структуру «этажами» центра и периферии,⁹¹ а Ю. Осипов — «экономическим полицентризмом»⁹². Фрактальность, с социально-экономической точки зрения, — это сохранение иерархической структуры на любом уровне. Французский экономист Морис Алле приводит пример фрактальности относительного уровня жизни жителей США и Руанды. Он пишет, что уровень дохода (абсолютная величина) для США и жителей сельской местности в африканской стране Руанда, конечно же, различны, но относительное «неравенство доходов в США полностью сопоставимо с неравенством доходов в Руанде»⁹³.

Мировая экономическая система — это система, в которой сосуществуют все способы производства, все стадии развития, которые необходимо рассматривать не «последовательно», а «параллельно». Этой концепции придерживались И. Валлерстайн и Ф. Бродель, которые считали, что все способы производства могут сосуществовать только одновременно, они «сцеплены друг с другом»⁹⁴.

---

⁹¹ «Центр имел несколько этажей, он был разделен внутри себя. Такими же были и периферийные районы» (*Бродель Ф.* *Время мира...* С. 38).

⁹² «Зачатки экономического полицентризма стали формироваться, когда внутри национальных экономик стихийно складывались крупные города, в которых уровень развития средств транспорта и связи создавали наиболее благоприятные условия для ускорения оборота капитала и его накопления.

Своего наивысшего развития экономический полицентризм достигает в период становления финансового капитала, когда роль его крупнейших экономических центров начинают выполнять уже национальные хозяйства отдельных стран, а затем уже их группировки». (Переходы и катастрофы: Опыт социально-экономического развития / Под ред. Ю. М. Осипова, И. Н. Шургалиной. М., 1994. С. 62).

⁹³ *Алле М.* *Экономика как наука.* М., 1995. С. 30.

⁹⁴ «По мнению Иммануэля Валлерстайна, матрица мира-экономики в ее социальном выражении показывает, что наличествовало сосуществование

Поскольку денежные знаки являются атрибутом экономических отношений, результатом и показателем их развития, то они имеют такую же фрактальную структуру, которая сопрягается со структурой экономических систем⁹⁵. Так, на первом этапе доминирующей формой денег являлись вещные денежные знаки, на втором — монеты, на третьем — бумажные деньги, на четвертом — виртуальные и на пятом — неявная форма денег. Свойство фрактальности является их инвариантным свойством, т. е. на каждом из пяти этапов развития социально-экономической системы присутствуют все пять форм денег.

Опираясь на принцип фрактальности, мы можем определить деньги как совокупность всех своих пяти форм, а развитие денег — разветвление этих форм.

Становление, усложнение и самоструктурирование социальной системы на поверхности социально-экономической действительности проявляется в последовательном доминировании той или иной формы денег. Движение экономической системы к открытости и связанный с этим процесс глобализации вызывает унификацию денежных единиц — движение от «множественности» к «единичности». Причем изменения, происходящие в деньгах, призваны сохранить единое информационное пространство социально-экономической системы в целом и для каждого уровня в отдельности.

В первом приближении глобализация есть стремление человечества к стандартизации культуры — глобальному единству по всем основным элементам социальной жизни: унификация различных социальных институтов (денежных единиц), форм деятельности, знаний, идеалов, норм поведения и ценностей.

нескольких «способов производства» от рабовладельческого до капитализма, что последний не мог жить иначе как в окружении других, им в ущерб. Роза Люксембург была права. <...> История мира — это картеж, процесс, сосуществование способов производства, которых мы слишком склонны рассматривать последовательно, в связи с разными эпохами истории. На самом деле эти способы производства сцеплены друг с другом; самые передовые зависят от самых отсталых, и наоборот: развитие — это другая сторона слаборазвитости» (*Бродель Ф.* *Время мира*. . . С. 59, 65).

⁹⁵ «Деньги являются одновременно и двигателем, и показателем развития; они вызывают изменения и указывают на них, но при этом они также являются их следствием» (*Бродель Ф.* *Динамика капитализма*. Смоленск, 1993. С. 23).

Множественность денежной единицы означает, что единице конкретного вида богатства или социальных отношений соответствует свой определенный знак⁹⁶. Множественность денег — это закрепление за определенными предметами способности передавать информацию конкретной социальной группе. Наибольшей «множественностью» отличались вещные денежные знаки. Архаичные деньги как средство коммуникации характеризуются «высокой определенностью» передаваемой информации, они насыщены очевидной информацией, допускающей минимум свободы в истолковании смысла⁹⁷. Деньги архаических обществ «по свидетельствам этнографов и социологов, имеют множественные формы, каждая из которых служит для установления и поддержания коммуникаций в узко ограниченных функциональных сферах, и их взаимная конвертация возможна в ограниченных пределах»⁹⁸. В традиционных обществах деньгам зачастую приписывались особые качества и особая ценность, не зависящая от их количества. На одни деньги можно было купить еду, на другие — жену, третьи — можно было подарить на свадьбу, четвертыми — откупиться за нанесенное оскорбление⁹⁹.

Фрактальность денег предполагает, что вещные денежные знаки, с присущей им множественностью, присутствуют и на более высоких социальных уровнях. Каждая социальная группа создает свой «собственный язык» денег, понятный лишь на ее уровне, устанавливает временные и ситуативные связи между деньгами. Например, введение в СССР карточной системы, инвалютных чеков, бон периода нэпа и т. д. отражает специфические права и возможности разных групп населения в условиях товарного дефицита. Люди и сегодня стихийно вовлекают в обращение разные вещи, заставляя их играть роль «денежного эквивалента». У взрослых эти функции выполняют сигареты или алкогольные напитки, у детей в качестве «денег» используются фантики от конфет или жевательной резинки. Движение от множественности к унифицирован-

---

⁹⁶ «Бессмысленно накапливать богатство в физической форме тех предметов, которые не являются носителями смыслов богатства в данном конкретном обществе» (Зарубина Н. Н. Деньги в социальной коммуникации // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 4).

⁹⁷ Маклюен М. Понимание медиа. М., 2003. С. 27, 29.

⁹⁸ Зарубина Н. Н. Указ. соч. С. 4.

⁹⁹ Радаев В. В. Предисловие научного редактора // Зелизер В. А. Социальное значение денег. М., 2004. С. 15.

ности денег связано с развитием социальной системы, увеличением открытости народного хозяйства, экономической глобализации, формированием иерархической мировой социально-экономической системы. Н. Зарубина следующим образом описывает означенную тенденцию: «становление единой валютной системы — символических денег — сопряжено с разрушением архаичного трайбализма и всех его социокультурных атрибутов. Процессы становления единых рынков, формальных юридических отношений гражданского общества и единой национальной валюты на место множественных денежных единиц, служащих локальным целям, шли параллельно, и каждый из них был болезненной ломкой сложившихся принципов социальной коммуникации. Окончательное оформление денег в качестве единой символической системы было сопряжено не только с развитием рыночной экономики и превращением товарно-денежных отношений в доминирующие, но и базировалось на развитии других универсальных коммуникационных систем»¹⁰⁰.

Если архаичные денежные единицы качественной множественностью своих форм соответствовали качественно специфическим особенностям социальной жизни, то в процессе их унификации единственным знаком, позволяющим определить качественное своеобразие, становится *количество денег*. Механизм выражения качества через количество как свойство унифицированных денежных единиц описал К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: «Количество денег становится все в большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к количественной сущности»¹⁰¹. Знаками денежной коммуникации становятся размеры суммы, которые означают реальную качественную дифференциацию всего сущего.

Универсальные денежные единицы содержат сообщение о своем количестве, становятся сами по себе сообщением и обмениваются сами на себя. Финансовые потоки становятся самодостаточной реальностью, *виртуальной экономикой*, за которой не стоят процессы, происходящие в реальных секторах. Чем выше социальный ранг

---

¹⁰⁰ Зарубина Н. Н. Указ. соч. С. 4.

¹⁰¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Социология. М., 2000. С. 272–273.

общества или группы, тем более универсальны деньги. По степени унифицированности денежных единиц можно судить о развитости социально-экономической системы, ее месте в мировом экономическом сообществе¹⁰².

---

¹⁰²Автором был разработан ряд показателей, характеризующих состояние денежного обращения и торгового баланса и отражающих таким образом и состояние социально-экономической системы. *Базулин Ю. В.* 1) Торговый баланс как показатель открытости рыночного хозяйства // Вестник СПбГУ. Сер. 5: Экономика. 1993. Вып. 4. С. 61–67; 2) Нарушение денежного обращения и экономический кризис в России // Вестник СПбГУ. Сер. 5: Экономика. 1996. Вып. 4. С. 25–30; 3) Платежный баланс РФ: Учеб. пособие. СПб., 2006.

Глава третья

Развитие научных идей о происхождении и природе денег

1. СИСТЕМА ТЕОРИЙ ДЕНЕГ

К настоящему времени создано множество оригинальных концепций происхождения денег, их сущности, функций и роли в экономике. По подсчетам К. Менгера, к 1908 г. этим вопросам было посвящено около 5–6 тыс. научных работ, а З. Каценеленбаум в конце 1920-х гг. рекомендовал прибавить к этой цифре не менее 1 тыс. новых публикаций¹. В 90-е годы XX столетия объем значимых отечественных публикаций по экономической тематике постоянно увеличивался, достигая, по оценке российских ученых, более 40 тыс. единиц в год, в том числе 2000 книжных изданий². В начале XXI в. поток научной информации характеризуется уже экспоненциальным ростом.

Знания, накопленные о деньгах к настоящему времени, требуют не только традиционной систематизации и анализа, но и выявления закономерностей, которые существуют в самом процессе создания теорий денег. Установить эти закономерности возможно только при изучении *коллективного* знания как целого.

Следует отметить, что в научном сообществе проблеме «коллективного знания» уделяется достаточно большое внимание. К этой тематике обращались К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, М. Полани,

---

¹История экономических учений. Ч. II: Учебник / Под ред. А. Г. Худокормова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 30.

²Гордукалова Г. Ф. Информационные ресурсы гуманитарных наук: Экономика. Вып. 1: Учеб. пособие. СПб., 2000. С. 73.

П. Фейерабенд и др.³ Однако работы этих авторов носят общефилософский характер и связаны с изучением вопросов истории, методологии и социологии научного знания. Что же касается выявления закономерностей в *последовательности* смены теорий денег, в *обусловленности* их появления, а также *времени* возникновения и *истинности* полученных результатов, то такие работы нам не известны. В настоящей работе сделана попытка определить некоторые из вышеуказанных закономерностей.

Решение этих вопросов становится возможным, если рассматривать теории денег как целостную совокупность, а не дискретно. Такой подход предполагает применение системного метода. Так, например, Ю. Яковец считает, что взгляд на науку как многомерное и иерархичное явление поможет создать научную картину мира⁴. Поэтому использование системного метода предполагает, что **все** теории денег (существующие, создающиеся и будущие) мы будем рассматривать как элементы некоторой системы — «*система теорий денег*»⁵. В своих исследованиях Ф. Бродель придерживался аналогичного подхода. Для него, например, «история — это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения — прошлых, настоящих и будущих»⁶.

Система теорий денег представляет собой *иерархичную* совокупность теорий, располагающихся по принципу увеличения степени

---

³Например, см.: *Поппер К. Социология знания // Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В. И. Садовского. М., 1992. С. 245–259; Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983; Кун Т. Структура научных революций. М., 1977; Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1967; Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985; Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.*

⁴Как говорит Ю. В. Яковец, «... сама по себе наука многомерна и иерархична — как многомерен и иерархичен изучаемый ею мир». (Яковец Ю. В. Циклическая динамика научных парадигм и экономических школ // Российские экономические школы / Международный фонд Н. Д. Кондратьева, Отделение общественных наук Российской академии наук, Санкт-Петербургский Государственный университет. М.: МФК, 2003. С. 13).

⁵Следует отметить, что подобный метод — объединение всех идей в одну совокупность — не нов. Но наиболее близок по смыслу к нашей концепции «третий мир» К. Поппера, в который включаются научные идеи, поэтические мысли и произведения искусства.

⁶Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Под ред. И. С. Кона, РИО БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000 (переиздание 1963). С. 115–142.

абстрактности — теории с меньшей абстракцией «встраиваются» в теории с большей абстракцией.

Это «встраивание» происходит следующим образом. Как только появляются факты, которые не могут быть объяснены той или иной теорией, возникают парадоксы и внутренние противоречия. Для разрешения последних требуется создание новой, более абстрактной теории, в которую «старая» будет входить составной частью и, находясь в ее рамках, являться верной⁷.

В конечном счете в процессе формирования такой структуры системы складывается теория высшей степени абстракции, которую мы назовем «*общей теорией денег*». Как и любая теория, общая теория денег обладает своим собственным предметом и методом исследования. Предметом общей теории денег является совокупность отдельных теорий, а методом — совокупность всех методов. Иерархическое строение науки как раз и объясняется тем, что всякий метод исследования вообще есть не что иное, как использование уже полученных теоретических результатов, в том числе и закономерностей, для изучения еще не познанного⁸.

Развитие системы теорий денег можно рассматривать как последовательное развертывание предмета и метода общей теории денег. В этом процессе мы выделяем пять уровней системы, пять этапов ее развития: **ранний, классический, неклассический, постнеклассический** и **антропо-космологический**. Периодизация каждого из них определяется доминированием в теориях денег однотипного предмета и метода исследований.

2. РАННИЙ ЭТАП

Ранний этап охватывает собой промежуток от VI–IV вв. до н. э. до начала XVIII в. н. э. Этот период характеризуется гомогенностью научных знаний. Они находились в «свернутом» виде. В это время ни экономика, ни теория денег (как ее составная часть) не

---

⁷Как сказал Марсель Пруст, «теории и школы — те же микробы или кровяные шарики: пожирают одна другую — и от этого зависит непрерывность бытия». (Цит по: *Бурдьё П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49).

⁸М. Блауг отмечает: «Методология — это <...> изучение связи между теоретическими концепциями и обоснованными выводами о реальном мире» (*Блауг М.* Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М., 2004. С. 18).

являлись самостоятельными науками. Поэтому вопрос о сущности и происхождении денег решался в контексте общего мировоззрения того времени.

Объектом изучения науки того периода был мир в целом. Такому предмету исследования соответствовал и метод, основной чертой которого являлась его «всеобщность». Античные ученые были убеждены в безусловной зависимости всего сущего от универсального закона — «закона мирового целого», который в их понимании являлся и законом природного бытия, и законом разума, и законом нравственности.

В социально-экономических воззрениях принцип «всеобщности» проявлялся в тождественности понятия морали и экономики. Все, что выходило за рамки экономической этики, считалось «грязным» и «искусственным». И, наоборот, все, находящееся в ее рамках, воспринималось как «естественное». Такая классификация опиралась на допущение, что в основе мироздания лежит естественный порядок, который соответствовал нормам морали. (Древние греки были убеждены в действительном *существовании* добродетели, силы, красоты).

«Экономическая наука» оперировала терминами этики, которые в той или иной степени являлись отражением экономической целесообразности. Этический принцип в изучении денег прослеживается, например, у Платона и Аристотеля. Они делят экономическую деятельность на «естественную» и «искусственную», а богатство — на «правильное» и «порицаемое».

Для Платона, например, земледелие относилось к «естественному» виду деятельности, а обмен — к «искусственному». В нем он видел источник наживы, неравенства и несправедливости. Самое великое зло для Платона — беспредельное и ненасытное стяжательство. «Естественным» считалось соразмерность бедности и богатства, поскольку полное равенство граждан нежелательно, но и крайние формы неравенства рассматривались как неестественные⁹.

---

⁹ «Законодателям, — говорит Платон, — предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством: последнее извратило роскошью душу людей, первая скорбью вскормила душу на бесстыдство. <... > Задачи законодателя не в том, чтобы уничтожить бедность и богатство, а в том, чтобы установить пределы бедности и богатства». (Волгин В. П. Очерки по истории социализма. М.; Л., 1935. С. 32–34).

Аристотель вслед за Платоном под «естественными» богатствами понимает блага, получаемые охотой, рыбной ловлей, земледелием, скотоводством, разбойничеством и войной. К «искусственным» он относит состояние в денежной форме, наживаемое с помощью обмена и торговли¹⁰.

Для Аристотеля деньги не должны иметь реальной стоимости, являться богатством сами по себе, они есть некоторая условность, используемая в качестве инструмента для обмена¹¹. Золото и серебро, при помощи которых и накапливается богатство, способствуют формированию непропорционального социального неравенства.

По мысли Платона, золото и серебро должны быть совершенно изгнаны из общества, поскольку они подталкивают людей к их накоплению, стяжательству и ростовщичеству. Последнее является крайне противоестественным явлением, поскольку продавать «возможность» покупки считается верхом аморального¹². Для античных авторов был характерен денежный нигилизм, поскольку они сводили сущность монет к их символической ценности. Аристотель солидаризировался с Платоном, говоря, что «деньги суть совершенные пустяки и имеют лишь значение условное». В «Политике» и «Этике» он подчеркивает «условный» характер денег, их рождение из договора, наличие у них исключительно представительной стоимости¹³.

---

¹⁰ «Это искусство, как мы сказали, бывает двояким: с одной стороны, оно относится к области торговли, с другой — к области домохозяйства, причем последнее обусловлено необходимостью и заслуживает похвалы, обменная же деятельность по справедливости вызывает порицание, как деятельность, обусловленная не естественными причинами» (*Аристотель*. Политика. Афинская полития / Предисл. Е. И. Темнова. М, 1997. С. 51).

¹¹ «Каким же образом граждане будут делиться продуктами своего труда? Ясно, что посредством купли и продажи. Следовательно, нам нужны еще рынок и монета». (*Святловский В. В.* Очерки. . . С. 43).

¹² «Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег. <...> Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе» (*Аристотель*. Политика. Афинская полития / Предисл. Е. И. Темнова. М., 1997. С. 51).

¹³ «Иногда, впрочем, деньги кажутся людям пустым звуком и вещью вполне условной, по существу ничем, так как стоит лишь тем, кто пользуется деньгами переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе». (*Аристотель* Указ. соч. С. 48).

Таким образом, античные ученые в денежном обращении выделяли два вида денежных знаков: золотые, серебряные монеты и вещные денежные знаки (естественные богатства), которым они отдавали предпочтение.

Дуалистическое толкование природы денег перешло от греков к римским юристам,¹⁴ которые находили двойственность в их стоимости. С одной стороны, она зависит от их металлического содержания. С другой — возникает в процессе их передачи.

Позиция римских философов (Плиний, Цицерон, Сенека), так же, как и греческих ученых, основывалась на доминировании этических норм. Первые считали, что люди были счастливы, когда довольствовались предметами первой необходимости, находя их вблизи себя, на поверхности земли, когда не существовало денег, а меновые сделки совершались в натуральной форме.

Деньги рассматривались римлянами как средство эксплуатации слабых сильными, победителями — побежденных. С их точки зрения, тот, кто начал чеканить монету из золота, совершил не меньшее зло, чем тот, кто стал употреблять золото в виде украшений. Да и вообще употреблять монету из какого то ни было материала — аморально, потому что благодаря монетному обращению стало возможно ростовщичество.

Феодальная теория денег, унаследовав взгляды древних, развивала их, доведя до логического конца. В рамках этой концепции, которую сегодня называют символической, деньги отождествлялись с единицами измерения. В документах и законодательных актах Средних веков и Возрождения деньги и меры стоят рядом, подчиняясь одним и тем же общим принципам.

Такой подход к деньгам особенно ярко проявился в учении Беркли. Он считал золото и серебро знаками для исчисления, обозначения и наблюдения за отношениями ценности. Поскольку денежные знаки лишь только инструмент для «перевода», то материал, из которого они изготовлены, не имеет значения. Такой же точки зре-

---

«Словно замена потребностей, по общему уговору появилась монета. Поэтому-то монета (*nomisma*) и имеет такое название, что она (является в своей роли) не по природе, а по закону и в нашей власти заменить ее (другой монетой) и тем самым сделать ее бесполезной». (*Аристотель*. Никомахова этика. М., 1981 С. 210).

¹⁴Под этим «коллективным» именем традиционно понимаются римские юристы, писавшие в II–III в. до н. э., например — Гай, Павел, Ульпиан.

ния придерживался и Локк, который рассматривал деньги не как богатство, а как свидетельство о праве на него, имеющее «воображаемую ценность»¹⁵.

Средневековая теология во многом продолжила выработанную античностью космологическую концепцию единства всего сущего. Так, например, Блаженный Августин исходил из христианско-мифологического представления о том, что Бог распространяет свою абсолютную власть не только на природу и индивидуальную человеческую жизнь, но и на все без исключения события коллективной жизни.

В воззрениях на природу денег представители средневековой теологии были номиналистами. Так, Фома Аквинский давал следующее объяснение сущности денег: «Сами по себе деньги не имеют никакой цены, идею денег никоим образом нельзя отделить от идеи пользования деньгами. Тот, кто занимает деньги, занимает, собственно, только известную возможность приобрести известные ценности»¹⁶.

Русская экономическая мысль находилась в рамках данной концепции. Так, И. Вавилов отмечал, что «деньги суть воображаемая ценность», стоимость которой определяется «по видимой численности и <...> по предполагаемому качеству»¹⁷. И. Посошков писал, что стоимость медной монеты в России определяется отнюдь не весом металла, а доверием к верховной власти¹⁸.

Итак, на первом этапе развития системы теорий денег доминирующий метод исследования характеризовался «всеобщностью». Такой подход провозглашал единство мира и универсальность закона, изучавшего этот мир. Вопрос о появлении и сущности денег решался исходя из этических принципов.

Параллельное хождение двух форм денег предопределило и предмет изучения — вещные денежные знаки (естественные блага)

---

¹⁵Локк пишет, что «деньги не представляют собой ничего иного, как представителей труда и благ, и служат только как способ подсчета и оценки этих последних. <...> Когда мы выбранной нами единице ценности даем название и называем ее маркой, франком, фунтом стерлингов, то единица ценности превращается в денежную единицу. <...> Деньги — абстрактная единица счета, служащая для измерения ценности благ» (Цит. по: *Каценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите*. Ч. 1. 2-е изд. Ярославль, 1932. С. 54).

¹⁶Цит. по *Ткачев П. Н. Соч.*: В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 136.

¹⁷*Вавилов Ив.* Указ. соч. С. 12.

¹⁸*Посошков И. Т.* Указ. соч. С. 238–239.

и монеты (искусственные блага) как их символы. Причем монета рассматривалась исключительно как счетная единица, условный знак, инструмент обмена.

3. КЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП

Классический этап в развитии системы теорий денег длится с XVIII до середины XIX в. Это время, когда коренным образом трансформируются общие мировоззренческие принципы. В познании меняется вектор интересов: от изучения великого разума космоса — к «малому» разуму человека; от бессознательного становления — к сознательному действию.

Но и предлагаемая «новая» модель мира сохранила свою двойственность. Природа делилась на «живую» и «неживую», причем последней отказывали в наличии «духа» (понятие, которое активно использовалось человечеством на ранних этапах своего развития). Эпоха Просвещения, освобождая личность от церковных догматов, навязывала свои, деля людей на разумных и неразумных, иначе — цивилизованных (европейцев) и «естественных» (примитивных). Сложилось особое научное мышление, которое должно было указать, что именно приносит индивиду наибольшую хозяйственную выгоду. Образ цивилизованного европейца связывался с его способностью рационального использования окружающего мира.

Предметная дифференциация наук сформировала блоки естественных и гуманитарных дисциплин, которые сохранили, в той или иной мере, методологическое единство. Принципы биолого-эволюционного развития были механистически перенесены на изучение общества. Механистический перенос биологических принципов развития проявляется в использовании физиологических метафор. Например, богатство уподоблялось жизненным силам, потраченным и накопленным. Эти метафоры распространялись также на деньги, считавшиеся кровью общественного организма или его жировыми отложениями (у Пети). Впоследствии они стали касаться труда, представляющего как источник жизненных сил общества и вместе с тем как седоточие физических страданий человека.

Классическое естествознание опиралось на закономерности жесткой детерминации, и специфические черты такой детермина-

ции приписывались социально-экономическим системам. В итоге оформился метод экономического детерминизма, получивший название «экономизм»¹⁹.

Детерминизм, и экономический в частности, исходил из того принципа, что любое развитие объектов и систем в целом определяется *внешними воздействиями, внешними импульсами* и совершенно исключает внутренние источники движения, носящие вероятностный характер. Считалось, что социально-экономические изменения строго однозначны во времени и осуществляются единственно возможным путем. А знание основных законов движения системы и наличие информации о начальных условиях этого движения позволяют полностью описать все трансформации этой системы, включая ее прошлое и будущее²⁰.

На основе этой концепции сформировалось убеждение, что знание прошлого даст возможность прогнозировать будущее социально-экономического развития. Ученые XVII–XVIII вв. были уверены в продуктивности такого подхода, и многие великие умы использовали его в своих исследованиях²¹. Например, в теоретиче-

---

¹⁹ Яркий пример такого метода исследования, опирающегося на концепцию экономического детерминизма, дает нам работа К. Маркса «Капитал», в предисловии к которой он пишет: «Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью» (*Маркс К. Капитал: Критика политической экономии*. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М., 1973. С. 5).

Правда, впоследствии у этого метода появились и ярые критики. Например, С. Н. Булгаков писал: «Между политической экономией и экономизмом как мировоззрением существует тесная, неразрывная связь. Фактически экономический материализм есть господствующая философия политической экономии. Практически экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм.

Ограниченность горизонтов экономической мысли, обнаруживающаяся при этом, выражается не столько в преобладании философии экономизма (хотя и это довольно симптоматично), сколько в ее наивном догматизме» (*Булгаков С. Н. Философия хозяйства*. М., 1990. С. 9).

²⁰ «Традиционная теория (диалектическая концепция Г. Гегеля и К. Маркса) рассматривала развитие как переход от одного порядка к другому. Хаос при этом или вообще не учитывался, или рассматривался как некий побочный и потому несущественный продукт закономерного перехода от порядка одного типа к порядку другого (обычно более сложного) типа». (*Бранский В. П., Пожарский С. Д. Синергетический историзм как новая философская история // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности*. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 37).

²¹ Метод экономического материализма сохранил свою популярность и в по-

ской конструкции развития общества К. Маркс исходит именно из этого принципа, и здесь коммунизм появляется как необходимое завершение эволюции, «способов производства». Ф. Лист перечисляет пять форм хозяйственного быта и даже старается установить между ними некоторую последовательность. К. Сен-Симон уверяет, что «будущее составляется из последних членов известного ряда, первые члены которого составляют прошедшее. Хорошо изучив первые члены, легко установить последующие; таким образом, из хорошо наблюдаемого прошлого легко вывести будущее»²².

В действительности же принцип «жесткой детерминации» исключал какую-либо автономность, самостоятельность действий элементов в рамках системы, лишал их активного начала в самих себе, игнорировал *внутренние* причины поведения. Абсолютизация такого метода привела к тому, что в теории не рассматривались параметры, относящиеся к случайным процессам. В этом состоит сила и слабость такого подхода, который обеспечил прогресс классическому естествознанию и выросшей на ее основе технике, но абсолютно непригоден для отображения структуры сложноорганизованных систем, какими являются, например, социально-экономические.

Объектом исследования политической экономии классического периода стало богатство, точнее — хрематистика (способы стяжения). Человек «рациональный» в данном контексте рассматривался как инструмент в этом процессе, а его поведение выводилось из разумного расчета и соображений полезности.

В теории и практике управления хозяйством господствовал принцип **экономического либерализма**, который опирался на учение о естественном ходе развития, индивидуальной свободе и творчестве всякого субъекта и не допускал возможности нарушений этого органического процесса. «Отцом» политического и социального индивидуализма, создателем учения о слабости государства, функции которого сводятся лишь к правовой охране собственно-

---

следующие годы. Вот, что писал российский экономист В. В. Святловский о данном методе в начале XX в.: «Глубоко прозорливая идея экономического материализма является на Западе не только горячо защищаемой формулой, но и началом, действительно одухотворяющим научное исследование в туманной сфере прошлого, в сложной жизни настоящего» (*Святловский В. В.* Прimitивно-торговое государство как форма быта. СПб., 1914. С. 3).

²²См.: *Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений / Пер. с фр. Предисл. Я. И. Кузьмина. М.: Экономика, 1995. С. 181.

сти и свободы, считается Дж. Локк. В вопросах денежного обращения экономический либерализм выражался в обсуждении вопроса о правомочности частных лиц эмитировать золотую, серебряную монету и банкноты.

Методологический принцип экономического детерминизма использовался при разработке «классической» теории денег, которая постулировала, что деньги возникли в силу «естественного» стремления людей к соблюдению своих интересов, эволюционным путем и безусловно из товарного обращения. Сторонники «классической» концепции утверждали, что деньги — это всеобщая форма эквивалента, которая попеременно и мимолетно выпадала на долю то одного, то другого товара, пока форма эта прочно не закрепилась за определенными его видами. При этом последние рассматривались как инструмент, облегчающий оборот материальных благ. Основатель классической английской политической экономии А. Смит писал, что человек «обменивает излишек продукта своего труда <...> обмен часто встречал очень большие затруднения и сложности <...> различные товары выбирались и употреблялись для этой цели [для обмена. — Ю. Б.] <...> Таким образом, у всех цивилизованных народов деньги стали всеобщим орудием торговли, при посредстве которого всякого рода товары продаются и покупаются, то есть обмениваются один на другой»²³.

В. Риджейвей повторил, что деньги возникают из товарного обмена; они, как и измерители веса, являются не результатом творчества и изобретения, а продуктом долгой естественноисторической и культурной эволюции²⁴. Логическое происхождение денег сопоставляется с их исторической эволюцией. Классическая школа рассматривала две формы денег: монеты и банкноты²⁵.

---

²³ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I–III): Научное издание / РАН, Ин-т экономики; отв. ред Л. И. Абалкин. М. 1993. С. 136–142.

²⁴ *Ridgway W.* The origin of metallic currency and weight standards. L., 1892.

²⁵ «Употребление бумаги вместо золотых и серебряных денег заменяет дорогое орудие обмена гораздо более дешевым и нередко столь же удобным. <...> Существует несколько видов бумажных денег, но наиболее известный их вид, который, по-видимому, лучше всего пригоден для данной цели, представляет собой обращающиеся билеты банков и банкиров (банкноты). Когда население какой-либо страны питает такое доверие к состоянию, честности и благоразумию какого-нибудь банкира, <...> они [банкноты. — Ю. Б.] приобретают такое же хождение, как золотая и серебряная монеты, поскольку имеется уве-

«Классики», по аналогии с древними, выделяли два вида денег: «естественные» и «испорченные». Однако к «естественным» уже относятся полноценные золотые и серебряные монеты, считающиеся реальным богатством, поскольку обладают субстанциональной стоимостью. А к «испорченным» — банкноты и неполноценные монеты²⁶.

Таким образом, к середине XIX в. в денежной теории существовало противопоставление понятий «деньги» и «банковские билеты». Под последними понимались билеты, уплачиваемые на предъявителя и по предъявлению²⁷. Это противопоставление определялось различной природой их стоимости. Банкноты имеют представительную стоимость, величина которой определяется доверием к ним. Этот факт и дал основание называть банковские билеты «доверительной монетой»²⁸. Доверие определялось рядом факторов. Во-первых, известностью банкира, выпустившего их, во-вторых, поддержанием постоянного обмена билетов на деньги, в-третьих, размером территории, где обращались эти билеты, близостью контор, поддерживавшей их размен.

Господство детерминизма в методологии способствовало формированию мнения о возможности, а отсюда и необходимости управления экономической динамикой, в частности, посредством денежно-

---

ренность, что в обмен на эти билеты в любой момент можно получить такие деньги» (*Смит А.* Указ. соч. С. 422).

²⁶Так, В. Пегги, говоря о деньгах, понимает под ними исключительно монеты и видит в них только реальную стоимость. «Обращение медных денег по стоимости работы и материала не означает их порчи. <...> Не являются испорченными и те знаки, которые выпускаются частными лицами и служат для размена в розничной торговле (если эти лица состоятельны и имеют возможность взять их обратно и дать взамен их серебро). <...> Однако я считаю то золото испорченным, которое имеет больше примеси в виде меди или серебра, чем это необходимо. <...> Я считаю также испорченным то серебро, к которому подмешено больше меди, чем необходимо. <...> Поэтому испорченными деньгами являются такие деньги, которые по большей своей части представляют собой большие монеты, хотя и имеющие небольшую стоимость». (*Пемму В.* Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики. В 2 т. Т. 1 / Пред. И. А. Столярова. М., 1993. С. 68–69).

²⁷«Лицам, предъявившим к учету векселя, он [банкир. — Ю. Б.] вместо денег предлагает эти билеты. <...> Такие билеты принимаются охотно ... как деньги» (*Курсель-Сенель* Введение // *Коклен О* кредите и банках / Введение — *Курсель-Сенель*; Биографическая справка — М. Ж. Молилари; Пер. и ред. К. Висковатов. СПб., 1861. С. 2.)

²⁸*Курсель-Сенель* Введение // *Коклен* Указ. соч. С. 5.

кредитной политики, что теоретически было подкреплено созданием количественной теории денег. Эта теория солидаризировалась с классической в вопросе о происхождении денег как простого товара, но отступила от ее канонов в том, что касалось природы стоимости денег, определяя ее не издержками производства, а количеством денег в обращении²⁹.

Такое положение подводило к такому выводу, будто при правильном регулировании количества денег в обращении их покупательная способность будет стабильна, при этом не важно, из какого материала они сделаны — металла или бумаги. Причем бумажным деньгам отдавалось большее предпочтение, поскольку они, как считалось, смогут заменить золотые и серебряные монеты и использоваться для расширения капиталистического производства и увеличения общественного продукта.

Экономический либерализм XIX в. с «железной» необходимостью привел к теории непропорционального неравенства. Учение «социалистов» связывало наличие социального неравенства с неэквивалентным обменом, осуществляемым при помощи денег. Их борьба с пауперизмом вылилась, в частности, в борьбу с металлическими деньгами, которые воспринимались как атрибут капиталистического общества.

Социалисты полагали, и справедливо, что гармонизация общественно-экономического процесса может быть достигнута

---

²⁹Одним из крупнейших представителей данного направления является Д. Рикардо (1772–1823). Но он занимал промежуточную позицию относительно природы стоимости денег. Им признавалось, с одной стороны, что их стоимость определяется затратами труда, с другой — их количеством в обращении. «Количество регулирует стоимость всех вещей. Это верно по отношению к хлебу, к деньгам и ко всякому другому товару и, быть может, более верно по отношению к деньгам, чем к какому-либо другому предмету». (*Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики: В 2 т. Т. 2 / Под ред. И. А. Столярова. М., 1993. С. 36).

Такую же позицию занимал и А. Смит, но самому Д. Рикардо она, почему-то, казалась непоследовательной и подвергалась им критике. Он писал: «Адам Смит, который так правильно определил коренной источник меновой стоимости, оказался непоследовательным. Вместо того, чтобы строго держаться принципа, в силу которого стоимости предметов увеличиваются и уменьшаются в зависимости от увеличения или уменьшения затраченного на них труда, он выдвинул еще другую стандартную меру стоимости и говорит о предметах, стоящих больше или меньше, смотря по тому, на большее или меньшее количество таких стандартных мер они обмениваются» (*Рикардо Д.* Указ. Соч. Т. 1. М., 1993. С. 404).

лишь его рационализацией, т. е. общественным планированием. Сисмонди был первым проповедником принципов государственного вмешательства в экономику.

Либералы, в свою очередь, также говорили о гармонии в обществе, но предлагали достичь ее на основе свободной игры хозяйственных сил. Социалисты же понимали гармонию как путь между «злоупотреблениями» свободы и ее необходимостью. Такое расхождение в способах достижения одной и той же цели было не столько тактическим, сколько стратегическим.

Классики противопоставляли интересу потребителей, который есть интерес всех, интерес производителей, являющийся частным интересом. Социалисты же считали, что необходимо приравнивать производство к потреблению не за счет конкуренции, а «искусственными» методами — централизацией промышленности и банков. Причем последним отводилась роль регуляторов промышленности. Ученые-социалисты видели корень зла в несправедливом обмене и считали, что средством устранения социальных бедствий может быть рациональная организация денежного обращения, усовершенствование денежной системы.

Теоретические построения социалистов покоились на этических нормах и в меньшей степени учитывали экономические законы. Они, как и античные авторы, считали, что причиной возникновения социального неравенства являются деньги, и изменением денежного обращения можно устранить несправедливость в обществе. Это теоретическое заблуждение приводило к тому, что все их практические мероприятия по организации «справедливого» обмена с помощью условных денег были неудачны. Тем не менее, они являются родоначальниками социальной экономии.

Социалисты противопоставляли естественному возникновению металлических денег с их реальной стоимостью искусственное создание бумажных денег с их конституированной стоимостью. Так, например, П. Ж. Прудон выдвигал идею мирного переустройства общества путем реформы денег и кредита, создания «Народного банка» с целью предоставления безвозмездного кредита для организации эквивалентного обмена. Дж. Грей предлагал обобществление обмена. Р. Оуэн учредил в 1832 г. в Лондоне и других городах Англии «базары справедливого обмена» для покупки и продажи товаров на «рабочие деньги», которые имели номинал, выраженный в затраченном рабочем времени. Сен-Симон предполагал достиже-

ние социальной гармонии с помощью нового устройства системы денег и кредита.

Практически все «коммунистические» проекты покоятся на критике прибыли, орудием извлечения которой являются деньги. Следовательно, согласно такому подходу, необходимо покончить с деньгами, обладающими реальной стоимостью, и ввести «идеальные деньги», «рабочие деньги», «нормативно-трудоу деньги», «боны труда», «боны обмена» — т. е. деньги с конституированной ценностью.

Такие деньги должны лишь содержать информацию о количестве часов труда, затраченного работником. Их основная функция — быть орудием обмена³⁰. Предполагалось, что такие деньги заменят собой в будущем нынешние «плохие» металлические деньги, превратившись таким образом из орудия угнетения в орудие высшей справедливости.

Стоимость таких «расчетных» денег зависела от их постоянного нахождения в обращении, от подтверждения их необходимости, уверенности держателя в том, что он всегда сможет обменять их на товар. Интересно, что фактически данная концепция является развитием тезиса Фомы Аквинского о том, что идея денег заключается в идее их пользования.

В российской экономической мысли мы также найдем сторонников как «естественных», металлических, денег, так и «искусственных», бумажных. Представителем классической школы является видный российский либерал М. М. Сперанский, который под деньгами понимал монету³¹. Обращавшиеся в то время в России ассигнации Сперанский называл «мнимой», или «бумажной», монетой, хотя он и не отказывал этим банкнотам в наличии у них представительной стоимости, величина которой определяется рациональным управлением денежным оборотом³².

---

³⁰ Например, П. Ж. Прудон говорит: «Деньги сами по себе для меня бесполезны. Я их беру только для того, чтобы расхотать, а не потребляю и не развожу их» (Цит. по: *Жид Ш.*, *Рист Ш.* Указ. соч. С. 241).

³¹ «Мы [народ] уделаем тебе [государству] для [сего] часть наших сил физических, нашего богатства и нашего уважения. Из соединения первых составишь ты войско, из второго произойдут деньги, из третьего почести» (*Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 30).

³² «Каждое государство имеет в известную данную эпоху точное и определенное количество сил, познать сии количества и по мере их располагать их употреблением в сим состоит политика. <...> Если вздумает оно больше пустить

Аналогичной позиции придерживался министр финансов Е. Ф. Канкрин,³³ который отдавал предпочтение металлическим деньгам, признавая их настоящим богатством, капиталом. Банкноты, с его точки зрения, обслуживают более высокоразвитый по сравнению с металлическими деньгами хозяйственный строй. Он допускал их хождение в кредитно-денежной системе, но с рядом ограничений: наличие обеспечения в виде разменного фонда и производительные цели эмиссии.

Другой министр финансов России, Н. Х. Бунге выражал большую нетерпимость к бумажным деньгам. Для него деньги — это богатство, и отсюда «правильными» деньгами являются только те, которые могут его создавать — золотые и серебряные монеты. Банкноты, с его точки зрения, это «ничего не стоящие лоскутки бумаги», эмиссия которых «всегда будет находить сторонников не только между людьми, заинтересованными возможностью легкой наживы на чужой счет», но и у государства³⁴.

С точки зрения И. И. Кауфмана, имеются два вида денег: «настоящие» деньги и «кредитные знаки»³⁵. Под первыми он подразумевал только золотые и серебряные монеты, которые относил к деньгам высшей экономической культуры³⁶. С их помощью собираются сокровища и обеспечивается гражданская и политическая свобода человека. Под вторыми — платежные средства, которые не имеют внутренней ценности и потому являются не деньгами в строгом смысле, а орудием обращения (циркуляционный механизм).

Другое направление в российской экономической мысли, представленное номиналистической и количественной теориями денег, отрицало в деньгах наличие внутренней стоимости. Так, Н. М. Карамзин утверждал, что вне зависимости от того, из какого

денег, нежели что труд народный отделить ему может, оно введет мнимую монету и расстроит связь промыслов с доходами. <...> Таким образом, все силы государственные имеют свою бумажную монету, которая покружась некоторое время, теряет свой кредит и обращается в ничтожество» (*Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 35).

³³См. подробнее о взглядах Е. Ф. Канкрин и Н. Х. Бунге в статье: *Базулин Ю. В.* Министры финансов России и особенности проведения финансово-кредитной политики в 1802–1917 гг. // *Финансовый мир.* Вып. 1 / Эконом. ф-т, СПбГУ; под ред. В. В. Иванова и В. В. Ковалева. М., 2002. С. 33–54.

³⁴*Горн Э.* Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов / Пер. с нем. И. Шипова, пред. Н. Х. Бунге. СПб., 1895. С. V–VI.

³⁵*Кауфман И. И.* Кредит, банки и денежное обращение. СПб, 1873. С. 111.

³⁶*Кауфман И. И.* Указ. соч. С. 54.

материала сделаны денежные знаки: золото, серебро или бумага, — они в своей «цене» зависят от их количества. Поддержание стабильной покупательной способности денег, по его мнению, определяется умелым управлением их обращения³⁷.

Таким образом, классический этап развития системы теорий денег характеризуется: а) доминированием метода экономического детерминизма, б) предметом исследования, которым являлись монеты и банкноты, в) дальнейшим развитием теорий, опирающихся на этический принцип, г) разработкой концепции создания «искусственных» денег. Ценность последних ставилась в зависимость от надлежащей организации процесса денежного обращения, от доверия держателей к этим денежным знакам.

4. НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП

Неоклассический этап в развитии системы теорий денег длится с середины XIX в. до середины XX в. Это время перехода к новой методологии научного исследования — «релятивистской», возникновение которой было ответом на доминирование в политэкономической теории жесткого экономического детерминизма. Релятивизм во многом опирался на достижения теорий статистики, вероятности и психологии.

С середины XIX в. ясно проявился методологический кризис экономизма. Он был вызван, с одной стороны, дифференциацией и специализацией общественных наук, с другой — осуществившимся научным прорывом в дисциплинах, которые являлись пограничными между естественными и общественными, например, в психологии. Все это заставило ученых обратиться к вопросам методологии научного мышления.

Интенсивно осуществлявшиеся психологические исследования дали основание предполагать наличие внутренних причин, внутренней активности развития объектов и систем. А выделение в научной методологии двух видов связи (внутренней и внешней) подчеркивало отличие гуманитарных дисциплин от естественных, что, в свою очередь, сделало возможным их обособление.

---

³⁷ «Вдруг уменьшить количество бумажек так же вредно, как вдруг умножить оное» (*Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 97).

Огромная заслуга в этом принадлежит немецкому философу В. Дильтею (1833–1911), который развил учение о понимании «Другого» как специфическом методе наук о духе (общественных). Это исследование стало мощным стимулом развития общественных наук, поскольку освобождало ученых от диктата механистических, упрощенных подходов к социальным явлениям, позволило уменьшить значение метода жесткой детерминации и перенести акцент на исследование внутреннего мира человека. Со второй половины XIX в. набирает силу «иррационализм» — тенденция объяснять человеческое поведение преимущественно бессознательными импульсами, будь то «эгоизм» (М. Штирнер) или «воля к власти» (Ф. Ницше).

Идея «классиков» о рационально существе сменяется указанием на неразумность, нелогичность поведения человека. Принцип рациональности, на котором строились теоретические конструкции классической школы, сменился иррационализмом биопсихологического толка. Усиление тенденции психологизма в научных исследованиях, и в экономических в частности, проявилось в сведении экономического поведения к психическому.

К началу XX в. психологизм стал модой в научном сообществе. В эволюционную схему, изначально детерминированную, стали включаться психологические мотивы *саморазвития*, которые противопоставлялись экономическим причинам развития. При этом стало рассматриваться поведение не отдельного человека, а разных народов. Появляется термин «дух народа»³⁸. Например, Уорд в своей работе «Психические факторы цивилизации» писал: «Социальные силы представляют собой не что иное, как психические силы, действующие в коллективном собрании людей»³⁹.

В политической экономии и в теориях денег определяющими стали социопсихические факторы развития. Например, Г. Шмоллер, опираясь на психологию и социологию, доказывал,

---

³⁸ «Личное начало есть начало духовное, духовная же сторона истории народа или группы народов выражается в их идейной культуре, в их представлениях, понятиях, знаниях, принципах и идеалах, составляющих то, что немцы называют «объективным» духом народа и что можно назвать также его философией». (Кареев Н. Философия культурной и социальной истории нового времени: 1300–1800. Введение в историю XIX в. СПб., 1893. С. 17–18).

³⁹ Цит. по: Софронов Ф. Механика общественных идеалов // Вопросы философии и психологии / Московское психологическое об-во. М., 1901. Кн. 59. С. 315.

что «чувство справедливости “уплотняется” и все более и более влияет на народно-хозяйственные учреждения, видоизменяя их в своем смысле»⁴⁰. Американские ученые Т. Веблен (1857–1929) и Дж. Дьюи (1859–1952) концентрировали внимание на поведении людей в обществе и своими исследованиями нанесли сильнейший удар по классической теории. Они использовали этнологию, антропологию и психологию как вспомогательные науки по отношению к политической экономии.

Так, например, Т. Веблен считал, что традиции и обычаи представляют собой истинное поле экономического исследования. Дж. Дьюи, в свою очередь, утверждал, что подлинное знание природы человека предполагает скорее исследование всей сложной системы общественных институтов. Он отвергал понятие инстинкта и предпочитал говорить о человеческих потенциях, или импульсах, которые осуществляются, будучи активизированы общественной средой.

В это же время (сер. XIX в.) наблюдается расцвет теории вероятности, которая вооружила общественные науки статистическими способами раскрытия социальных и психологических законов.

С развитием теории вероятностей случайность стала анализироваться в плане общего учения о взаимосвязях и взаимоотношениях в обществе. Она раскрывает устойчивость структуры этих взаимоотношений в рамках массового явления, которое делается таким образом прогнозируемым. Появляется возможность анализа поведения *элементов системы*, с использованием метода жесткой детерминации, и возможность анализа *связей* между ними, с помощью теории вероятности.

На рубеже XIX и XX вв. научная методология представляла собой эклектическое соединение экономизма и психологизма, рационализма и иррационализма. Причем если экономический детерминизм применялся для выявления экономических закономерностей, то вероятностный подход — для анализа социальных законов. К этому же времени возникает гипотеза, и, с нашей точки зрения,

---

⁴⁰ «Воздвигнутый внутри мира физической природы, мир хозяйственной культуры возникновением своим прежде всего обязан все же духовным силам людей ... в виде действий и привычных направлений воли. В целом силы эти исследуются и изображаются психологией и этикой». (*Шмоллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 72–73).

достаточно продуктивная, что социальное поведение более «объективное» и прогнозируемое, чем экономическое.

Справедливости ради следует отметить, что это явление уже было известно ученым, работавшим в XIX в. Так, русский экономист А. Заблоцкий-Десятовский писал, что «нравственное существование, духовная сторона человека поддается анализу при помощи теории вероятности. Впервые законы теории были сформулированы бельгийским ученым Л. А. Ж. Кетле. Его сочинение носит название «Physique Sociale», и одно уже это название дает понятие о том, к какой сфере применяются рассматриваемые в нем факты»⁴¹.

Позже такую же идею высказал немецкий ученый Г. Шмоллер. «Субъективная сторона жизни более подчинена законам, чем объективная сторона, изменения в которой могут быть проанализированы со стохастической точки зрения. Так, например, Кетле, Вагнер и другие вывели такие заключения, будто бы в социальных явлениях, вполне зависящих от проявления свободной воли индивидуумов, замечается больше постоянства, нежели в мире физических явлений»⁴².

Наличие такого методологического дуализма (экономизм и психологизм) привело к тому, что в теориях о происхождении и сущности денег использовались оба приема, а это с неизбежностью вызывало и двойственность их предмета. В русской экономической мысли в качестве примера такого подхода можно привести работу С. Шарапова «Бумажный рубль. Его теория и практика» (СПб, 1895). Из двух методов (экономический детерминизм и психологизм) автор явно отдавал предпочтение последнему, подчеркивая, что значение субъективно-психологических факторов и нравственных начал в экономике постоянно увеличивается.

Шарапов отмечал, что экономическая наука, «начинающаяся с Адама Смита», изучала только внешние факторы развития, совершенно оставив в стороне от рассмотрения «внутреннюю психологическую сущность экономических процессов». Наконец, продолжает автор, Ф. Лист впервые «признает великую роль нравственных

---

⁴¹ *Заблоцкий-Десятовский А. П.* О законе причин случайных, как основание нравственной статистики (Цит. по: Хрестоматия по истории русской статистики (история теоретических взглядов) / Сост. проф. Н. К. Дружинин. М.: Госстатиздат, 1963. С. 240).

⁴² *Шмоллер Г. Ф.* О новейших результатах статистики народонаселения и нравственности. М., 1873. С. 12.

начал в экономическом мире» и «разоблачает материалистическое учение Адама Смита»⁴³.

С. Шарапов выделяет два вида денег — собственно «деньги» и «деньги России». Их отличие друг от друга состоит в способе определения их стоимости. Для «денег России» она определяется субъективно-психологическими причинами и зависит от двух факторов: «нравственного начала и доверия»⁴⁴ и способности верховной власти управлять денежным обращением. В то время как стоимость «золотых денег», присущих западной экономической культуре, определяется причинами объективного порядка — издержками производства на их создание.

Говоря о наличии второго фактора (управление денежным обращением), делающего внутреннюю стоимость абсолютных денег стабильной, С. Шарапов в понимании законов денежного обращения явно опережает своих современников. Он неоднократно подчеркивал, что «внутренняя стоимость денег определяется не их абсолютным количеством, а их *движением*» (курсив автора. — Ю. Б.)⁴⁵.

Пожалуй, С. Шарапов — один из первых русских экономистов, который совместил две идеи: римских юристов — о создании стоимости денег в их движении, и «социалистов» — о возможности и необходимости конструирования денег. Остается только удивляться финансовому чутью Сергея Федоровича Шарапова, который уже в конце XIX в. сумел найти механизм «создания» стабильных денег в неограниченном количестве, которые он называл «простое расчетное средство», «учетная квитанция», «абсолютные знаки»⁴⁶. Следует отметить, что данная концепция получила дальнейшее развитие в работах советских экономистов 1920-х годов⁴⁷.

---

⁴³ *Талицкий* [Шарапов С. Ф.]. Бумажный рубль. Его теория и практика. СПб., 1895. С. II.

⁴⁴ Ценность абсолютного рубля определяется «нравственным началом всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением» (*Талицкий* [Шарапов С. Ф.] Указ. соч. С. 28).

⁴⁵ *Талицкий* [Шарапов С. Ф.]. Указ. соч. С. 62.

⁴⁶ Справедливости ради следует отметить, что до Шарапова о принципе создания искусственных денег из их обращения говорил Н. Я. Данилевский. См.: *Данилевский Н. Я.* Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности // Торговый сборник. СПб, 1867.

⁴⁷ Более подробный разбор взглядов С. Ф. Шарапова на двойственную природу денег см.: *Базулин Ю. В.* Основные теории денег в работах российских эконо-

В русле психологического подхода находится и работа Г. Кнаппа «Государственная теория денег». Концепция автора сродни до некоторой степени концепции феодальной теории денег, поскольку обе говорят о власти государства над установлением стоимости денег, обе теории утверждают, что деньги — это условный знак, возникающий по велению государства. Но на этом, впрочем, сходство и заканчивается.

С точки зрения представителей феодального направления, стоимость денег создается авторитетом правителя, это его мера измерения стоимости товаров. Позиция Кнаппа несколько отличается от вышеизложенной. Он также уверяет, что стоимость создается государством, но — за счет управления денежным оборотом. Это для него первейший источник создания стоимости. Отсюда и ведущая функция денег — средство платежа, в то время как у ранних представителей номиналистов таковой функцией было средство обращения⁴⁸. Но, продолжает Кнапп, государство не всеильно в создании стоимости денег, оно зависит от «данных отношений могущества», которые сильнее всяких намерений государства⁴⁹.

Кроме того, феодальная теория денег изучала монету, в то время как Г. Кнапп доказывал, что бумажные деньги в действительности лучше металлических.

К началу XX в. стали предприниматься попытки примирить эти два методологических направления, но казавшееся возможным их сближение так и не состоялось. Яркий пример попытки такого «объединения» методов в исследовании происхождения и сущности денег можно найти в работе М. Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл» (Пг, 1917)⁵⁰.

номистов // Деньги. Кредит. Банки: Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / Под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М.: Изд-во «Проспект», 2006. С. 244–260; *Базулин Ю. В.* Двойственная природа денег. Русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков: Монография. СПб.: «Русская симфония», 2005. С. 10–46.

⁴⁸ «Прочная цена золота не возникает сама собой. И как она делается для золота, так же она могла бы быть сделана для каждого другого металла, и для серебра — если бы это представлялось целесообразным» (*Кнапп Г.* Государственная теория денег. М., 1895. С. 83).

⁴⁹ *Кнапп Г.* Государственная теория денег. С. 96, 101.

⁵⁰ Более подробный разбор взглядов М. И. Туган-Барановского на природу и происхождение денег см.: *Базулин Ю. В.* Основные теории денег в работах российских экономистов // Деньги. Кредит. Банки: Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / Под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М.: Изд-во «Проспект», 2006.

С одной стороны, объяснение происхождения вещных денежных знаков и монет из стихийного экономического обмена опирается на метод экономического детерминизма. С другой стороны, бумажные деньги для Туган-Барановского — это искусственное социальное изобретение,⁵¹ появление которого трактуется с субъективно-психологических позиций. «Примирение» этих двух трактовок осуществляется им через функциональное определение денег⁵².

Два метода используются М. Туган-Барановским и в части объяснения природы стоимости денег. Экономический детерминизм применяется им при пояснении стоимости вещных денежных знаков и монет, обладающих внутренней, реальной стоимостью, величина которой определяется издержками труда. И психологический подход — для бумажных денег, ценность которых всецело зависит от социально-психологических факторов⁵³. Но из двух подходов, используемых в исследовании денег, М. Туган-Барановский явно отдает предпочтение последнему.

Основной вывод его концепции денег — возможность перехода к регулируемым деньгам — делается именно с использованием этого метода⁵⁴. С его точки зрения, планомерное регулирование стоимо-

---

С. 244–260; *Базулин Ю. В.* Двойственная природа денег: Русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков: Монография. СПб.: «Русская симфония», 2005. С. 151–170.

⁵¹Они «представляют собой лишь просто *условные знаки*... [в этом] и заключается идея бумажных денег, простых бумажных знаков — *символических* изображений денег, которые должны заменять металлические деньги в обращении и исполнять все их функции (курсив наш. — Ю. Б.)». (*Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. 5 изд. Пг., 1918. С. 263).

⁵²«Деньги — это предмет, исполняющий функции денег, и таким предметом может быть или товар, наиболее для этого пригодный (как драгоценные металлы), или условный знак, созданный специально для этой цели обществом» (*Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. Пг., 1909. С. 379).

⁵³«Ценность денег есть всецело социальное явление, продукт стихийных бессознательных народно-хозяйственных процессов. ... Если у населения возникает сомнение в том, что данный бумажный знак будет всеми гражданами данной страны охотно приниматься в уплату, то этот бумажный знак теряет устойчивость своей ценности и перестает быть мерилом ценности» (*Туган-Барановский М. И.* Бумажные деньги и металл. Одесса, 1919. С. 40) «Ценность денег есть бессознательный стихийный продукт социального взаимодействия, вполне допускающего государственное регулирование» (*Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. Пг., 1909. С. 31, 64).

⁵⁴«До сих пор государственная власть почти не ставила себе задачей планомерно влиять на ценность денег... Задача планомерной политики денежного

сти бумажных денег государством с использованием психологических приемов является новой эпохой в истории денежного обращения⁵⁵.

Бурное развитие статистики также оказало значительное влияние на развитие теорий денег. С середины XIX в. происходит трансформация статистики из описательной в цифровую. Это позволило на основе количественного анализа динамических рядов определять регулярно повторяющиеся явления, что естественным образом привело экономистов к разработке теорий равновесия и экономических циклов. В 20–30 гг. XX в. изучение экономических циклов стало такой же модой, как в свое время психологизм.

Увлеченность «циклическими концепциями» привела к тому, что в разрабатываемых теориях денег сместились акценты. Исследование природы и сущности денег стало подменяться рассмотрением исключительно вопросов денежного обращения, причем с точки зрения их регулирующего значения.

В качестве примера приведем работу У. Митчелла «Экономические циклы: проблема и ее постановка». С его точки зрения, экономические циклы являются атрибутом хозяйства, основанного на деньгах⁵⁶. Общества различаются исключительно количеством денег, находящихся в употреблении, и это различие «только количественного, а не качественного порядка»⁵⁷.

Митчелл подчеркивает, что именно денежное хозяйство вызывает экономические циклы, а на высшей его стадии эволюции происходят наиболее острые кризисы⁵⁸. Денежное обращение для уче-

---

обращения, ставящей себе целью регулирование ценности денег, не заключает в себе ничего невозможного. А так как денежное обращение всех важнейших европейских государств в настоящее время глубоко расстроено войной, то для экономической науки выдвигается на первый план новая задача огромной практической важности — выработать основы рациональной денежной политики» (*Туган-Барановский М. И.* Бумажные деньги. . . С. 40).

⁵⁵ *Туган-Барановский М. И.* Указ. соч. С. 69.

⁵⁶ «С этой точки зрения очевидно, что причина экономических циклов лежит в совокупности тех обстоятельств, которыми порождено современное денежное хозяйство или капитализм. < . . . > Какие бы циклы ни происходили в метеорологических условиях, они вызовут циклы в хозяйственной деятельности только в том случае, если она организована на основах денежного хозяйства» (*Митчелл У. К.* Экономические циклы. М.; Л., 1930. С. 56, 61).

⁵⁷ *Митчелл У. К.* Указ. соч. С. 62.

⁵⁸ «Необходимым условием возникновения экономических циклов является практика построения хозяйственной деятельности на началах денежного рас-

ного является первичным относительно экономических кризисов и занимает в их развитии определяющее место⁵⁹.

Повышенная значимость денежного обращения сказывается и на предлагаемом Митчеллом решении основных вопросов денежной теории. Следует сказать, что автор не уделяет должного внимания определению денег, их природе и сущности. Если он и касается этих проблем, то рассматривает их исключительно через призму денежного обращения, подчиняя теоретическую значимость практической потребности.

Так, Митчелл фактически не дает своего определения денег, чтобы «вообще не создавать почвы для недоразумений»⁶⁰. Он оперирует уже имеющимися определениями, но и из них он выбирает лишь то, которое обозначает деньги как «средство обращения». Деньги для него это то, что вообще принимается в обмен на товары.

Продолжая традицию существующих школ, автор также говорит о двух видах денег. Но они выводятся им не из природы денег, а из структуры денежного обращения. Первый вид — «металлические и бумажные деньги», которые являются наличными и эмитируются казначейством, а второй — «депозитные средства обращения» — суть безналичные средства, выпускаемые банками.

Вопрос о сущности, т. е. природе стоимости денег, решается ученым также через призму денежного обращения. Необходимо отметить, что автор нигде не говорит о стоимости денег, заменяя ее категорией «поток покупательной силы». Митчелл определяет силу этого «потока» денежной ценностью противоположного потока товаров.

Особое место в неоклассическом периоде занимает советская денежная школа 20–30-х годов XX века. Ее представители сформировали концепцию «создания искусственных денег», которая представляет собой сплав ранее существовавших идей, во многом заимствованных у С. Шарарова. И в то же самое время эта концепция явилась теоретической базой для создания впоследствии коллективных денежных единиц — переводной рубль, СДР, экю и евро.

чета, распространенная среди всего населения, а не только среди ограниченного класса деловых людей» (*Митчелл У. К. Указ. соч. С. 63*).

⁵⁹ «Рассмотрение колебаний экономической конъюнктуры в условиях денежного хозяйства необходимо начать с рассмотрения денежной стороны хозяйственной деятельности» (*Митчелл У. К. Указ. соч. С. 109*).

⁶⁰ *Митчелл У. К. Указ. соч. С. 120*.

Над разработчиками теорий денег 1920–1930 гг. тяготела идеологическая концепция о полной ликвидации денег при коммунизме и упразднении денежной системы в целом. Представления о социализме как нетоварной системе производства господствовали еще в начале века и в первые годы после Октябрьской революции⁶¹.

В СССР экономисты разделились на два лагеря. Представители первого исходили из того, что деньги при социализме отмирают, а второго — что функционируют. Сторонники денежного обращения тем или иным образом доказывали его необходимость.

Так, например, Е. Преображенский в своей работе «Закат капитализма» говорит о «двух регуляторах», существующих в экономике: рыночном и плановом. А поскольку советское хозяйство имеет двойственный характер (частично плановый, частично рыночный), то деньги пока остаются необходимы.

Теория денег Е. Преображенского изложена им в работе «Экономическая природа советских денег и перспективы червонца»⁶². Основной смысл его концепции — это преодоление товарного хозяйства посредством огосударствления экономики. Пока происходит этот процесс, в денежном обращении должны находиться советские деньги, т. е. бумажные деньги, неразмениваемые на золото⁶³.

А. Леонтьев, подобно Е. Преображенскому, в своих работах⁶⁴ разрабатывал концепцию дуалистичности советской экономики, поскольку в ее хозяйственном механизме присутствуют два инструмента: плановый регулятор экономики и рыночный, т. е. товарно-денежный. Причем главную роль в последнем отводили деньгам, которые объявили «техническим инструментом».

Концепция «товарно-социалистического хозяйства», которую развивал Л. Юровский, содержала положения о симбиозе рыноч-

---

⁶¹ Наиболее полное представление об этом можно получить из следующих работ: Ленин В. И. 1) Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 216; 2) Государство и революция // Там же. Т. 33. С. 92, 97, 101.

⁶² Преображенский Е. Экономическая природа советских денег и перспективы червонца // Под знаменем марксизма. 1930. № 21. С. 57.

⁶³ Советские деньги — это отказ «от беспочвенного обезьяничания буржуазного денежного обращения» (Преображенский Е. Указ. соч. С. 63).

⁶⁴ Леонтьев А. 1) От падающих денег (цен) к твердым. М., 1924; 2) Государственная теория денег // Проблемы теоретической экономики. М., 1925; Леонтьев А. Марксова теория денег и так называемые «новейшие явления» денежного обращения // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. II. С. 62–89.

ных и плановых механизмов регулирования социалистического хозяйства. Товарная природа советской экономики определялась прежде всего рыночными механизмами распределения, которые функционировали в сфере производства предметов потребления⁶⁵. Плановое регулирование, с точки зрения ученого, должно применяться исключительно в сфере производства средств производства, для которой характерны небывалая концентрация и государственная собственность⁶⁶.

Позиции противников денег наиболее полно представлены в работах З. Каценеленбаума, Н. Бухарина и Л. Троцкого. Они видели в процессе обесценения денег их «самоотрицание» и «постепенное уничтожение товарного производства». Теоретические разработки по переходу к безденежному хозяйству велись под руководством экономистов С. Струмилина и Е. Варги.

З. Каценеленбаум писал: «Для России встает предварительно принципиальный вопрос, следует ли вообще идти в сторону восстановления исправления денежного обращения, или же задача заключается в полной ликвидации денег, как таковых, упразднение денежной системы в целом»⁶⁷.

Но в жизни практики, в отличие от теоретиков, смотрели на вопрос отмирания денег исключительно как на некоторую идеалистическую перспективу, причем достаточно далекую. Это ясно и однозначно было понятно из официальных материалов руководящих органов страны, в которых говорилось, что «уничтожение денег представляется невозможным»⁶⁸.

---

⁶⁵ «Стоит предоставить потребителям свободу выбора предметов потребления путем распоряжения какой-либо суммой, и рынок — хотя бы даже суженный рынок одних только предметов потребления — будет налично» (*Юровский Л. Н.* Финансовое оздоровление экономики: опыт НЭПа. М., 1990. С. 221).

⁶⁶ «Вследствие значительности сосредоточенных в руках государства материальных ресурсов и крупных размеров советских хозяйственных организаций многие действия, которые протекают в системах менее централизованных ... становятся делом административного распоряжения, а не рыночной сделки. Но административные распоряжения становятся бесхозяйственными, если они проводятся без учета тех ценностных соотношений, которые складываются на рынке» (*Юровский Л. Н.* Указ. соч. С. 223).

⁶⁷ *Каценеленбаум З. С.* Очерки по теории и практике денежного обращения. М., 1922. С. 69.

⁶⁸ «В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении

Компромисс между «сторонниками» и «противниками» денег был найден. Он заключался в том, что стали выделять два вида денег: капиталистические и советские. Соответственно, капиталистическое хозяйство обслуживается денежным обращением, т. е. золотом и банкнотами, разменными на него. Социалистическое хозяйство — безденежное, в котором функционируют номинальная счетная единица, неразменные бумажные деньги.

Ряд экономистов, например, Б. Раскин, Г. Козлов, Б. Берковский⁶⁹, стали разрабатывать теории «расчетного знака», «условной

буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке, введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов» (Программа Российской коммунистической партии (большевиков), принятая Восьмым съездом РКП (б), Москва 18–23 марта 1919 // ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1: 1898–1925. 5 изд. испр. и доп. М., 1936. С. 302).

⁶⁹ *Берковский Б. И.* 1) К вопросу о характеристике денежной системы СССР // Проблемы Экономики. 1929. № VII–VIII. С. 85–111; 2) К вопросу о природе денег в СССР // Вестник финансов. 1930. № 2. С. 31–36; 3) Каутский, как теоретик денег // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 10–11. С. 98–107; 4) Очерки по марксистской теории денег / Пред. Ф. И. Михалева // Труды финансового фак-та Моск. промышленно-экономического ин-та. Вып. 1. М.: Госфиниздат, 1930; 5) Против идеалистического извращения марксовой теории денег // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 7–8. С. 115–123; *Козлов Г. А.* Действие закона стоимости в условиях современного капитализма. М.: «Мысль», 1964; *Атлас Э. В., Козлов Г. А.* Деньги и кредит. Ч. 1: Деньги при капитализме / Под ред. Г. Козлова. М.: Партиздат, 1933; *Козлов Г. А.* 1) Сущность и функции денег. М., 1956. 163 с.; 2) Преимущества советской денежной системы и денежная реформа // Партийная жизнь. 1947. № 24. С. 27–36; 3) Происхождение кредита // Проблемы Экономики. 1930. № 2. С. 66–94; 4) К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР // Плановое хозяйство. 1929. № 8. С. 114–138; 5) О количестве денег, необходимых для обращения в социалистическом хозяйстве // Вопросы экономики. 1957. № 2. С. 34–38; 6) О методах регулирования нашего денежного обращения // Кредит и хозяйство. 1929. № 11. С. 35–37; 7) Развитие теории советских денег в работах товарища Сталина // В помощь финансисту. 1940. № 1. С. 120; *Козлов Г. А.* Советские деньги. М.; Л.: Госфиниздат, 1939. 282 с.; *Козлов Г. А.* Сущность и функции денег. (Лекция). М.: Изд. ВПШ при ЦК КПСС, 1956. 36 с.; *Козлов Г. А.* Теория денег и денежного обращения. (Капитализм). М.: Госфиниздат, 1946. 296 с.; *Козлов Г. А.* О количестве денег, необходимых для обращения в социалистическом хозяйстве // Вопросы экономики. 1957. № 2. С. 34; О природе денег в советском хозяйстве. (Обсуждение докладов тт. Б. Раскина и Г. Козлова в Комакадемии) // Кредит

денежной единицы», «трудовых талонов», «знаков планового продуктообмена». Такой подход, с одной стороны, удовлетворял научные амбиции «безденежных» теоретиков, с другой — отражал экономические реалии и позволял развивать теорию денег дальше.

Наиболее яркий пример «идеологизированной» теории денег дают работы В. Батырева. Он писал, что «капиталистические» деньги есть форма разрешения противоречия между частным и общественным характерами труда, заключенного в товаре. Поскольку при социализме такого противоречия нет, то нет и денег, а имеются «технические средства распределения общественного продукта»⁷⁰.

В таком же ключе решается вопрос и о покупательной силе «советских денег», которая определяется не общим уровнем цен, как при капитализме, а «результатом классовой борьбы за предусмотренные планом пропорции перераспределения народного дохода»⁷¹.

С точки зрения использования методологических приемов в исследовании денежных вопросов интересны ранние работы Л. Юровского⁷².

В своем научном творчестве ученый применял как принципы экономического детерминизма, так и законы, выведенные теорией

и хозяйство. 1930. № 4–5. С. 84–86; *Раскин Б.* Количественная теория денег Ирвинга Фишера // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. III. С. 33–58; *Раскин Б.* О природе денег в переходный период // Проблемы экономики. 1929. № 2. С. 118–133; *Раскин Б.* Проблема эмиссии денег в переходном хозяйстве // Проблемы Экономики. 1930. № 1. С. 85–111.

⁷⁰ «Если претендовать на точность экономической терминологии, то наши деньги — не деньги, в том смысле, что они не являются той формой, в которой находит свое разрешение основное противоречие товара, как продукта частного труда, являющегося в то же время трудом общественным, потому что в хозяйстве, которое построено не на основе частной собственности и в основном руководимым организованной волей пролетарской диктатуры, нет самого этого противоречия» (*Батырев В. М.* К основным вопросам нашего денежного обращения // Кредит и плановое хозяйство. 1930. № 6–7. С. 42).

⁷¹ «Общий уровень цен и, следовательно, покупательная сила денежной единицы в основном устанавливается планом» (*Батырев В. М.* Указ. соч. С. 45).

⁷² *Юровский Л. Н.* 1) Бумажный рубль. М., 1917; 2) Денежная политика Советской власти. 1917–1927. М., 1928; 3) К истории и к теории наших государственных займов // Вестник финансов. 1929. № 1. С. 3; 4) На путях к денежной реформе // НЭП и хозрасчёт. М.: Экономика, 1991 (Экономическое наследие). С. 198–225; 5) На путях к денежной реформе. 2 изд. М.: Изд-во «Финансовая газета», 1924; 6) Очерки по теории цены. Саратов, 1919; 7) Современные проблемы денежной политики. М., 1926; 8) Финансовое оздоровление экономики: опыт НЭПа. М., 1990; 9) К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12.

вероятностей. Так, автор определяет равновесие как уравновешенное взаимодействие внешних и внутренних сил. Влияние первых рассматривается им как детерминированное явление, т. е. с позиций классической механики, а воздействие вторых — как случайное явление, т. е. с позиций теории вероятности. Так, полемизируя с Й. Шумпетером, «избегавшим определений, напоминающих механику», Л. Юровский подчеркивал, что «едва ли следует чрезмерно поддаваться той боязни механических аналогий, которая сменила увлечение ими»⁷³. А говоря о равновесной цене, он использует статистически-вероятностные методы рассуждения, подразумевая под равновесной ценой статистическую среднюю, располагающуюся вокруг кривой Гаусса⁷⁴.

Л. Юровский написал ряд работ, раскрывающих проблемы создания представительной стоимости денег и поддержания их покупательной способности на стабильном уровне. Но его, как впрочем и большинство экономистов того периода, интересовал не столько предмет сущности денег, сколько проблемы регулирования денежного обращения, которые рассматривались им через призму хозяйственного равновесия. Он связывал эмиссию денег, выходящую за определенные пределы, с нарушением равновесия в системе общественного производства, что ведет к расстройству хозяйственных связей, увеличению непроизводительных расходов и обесценению доходов самого государства.

Исходя из необходимости поддержания устойчивого равновесия в народном хозяйстве, он предложил основные принципы создания денежной единицы со стабильной покупательной способностью, которые изложены в работе «На путях к денежной реформе».

Показанные Л. Юровским методы реформирования денежного обращения являются не только оригинальными, но и пионерскими. Пожалуй, впервые в истории теории и практики денежного обращения ученый разрабатывает концепцию по «созданию искусственной денежной единицы». Юровский вводит эту категорию (искусственная денежная единица), обобщив, таким образом, существовавшие до него индивидуальные понятия этого явления —

---

⁷³ Юровский Л. Н. Очерки по теории цены. Саратов, 1919. С. 126 (примечание).

⁷⁴ «Цену равновесия статистически можно рассматривать как среднюю из действительно уплаченных цен, располагающихся вокруг нее приблизительно по кривой Гаусса» (Юровский Л. Н. Указ. соч. С. 141).

«технические средства распределения общественного продукта» В. Батырева, «знак планового продуктообмена» Г. Козлова, «технический инструмент» А. Леонтьева, «талоны» Е. Преображенского и т. д.

Укажем на разработанные им принципы денежного реформирования. Во-первых, с его точки зрения, процесс создания денег должен начинаться с создания их функции — функции «ценностного измерения». Традиционно практика денежного реформирования предполагала использование уже существующей формы денег, обладавшей устойчивой стоимостью, которая и вводилась в оборот. Юровский предлагает сначала создать стоимость, а потом воплотить ее в форму⁷⁵. Во-вторых, при формировании стоимости используется ряд психологических приемов. Так, способность «ценностного измерения», по мнению автора, должна опираться на «традиции» и «воспоминания о довоенной системе денежного обращения»⁷⁶.

Решение вопросов о сущности и необходимости товарно-денежных отношений при социализме оставалось актуальным и в последующие годы⁷⁷. Но большинство предлагаемых концепций находи-

---

⁷⁵ «Но золотого рубля не существовало больше в натуре. <...> До начала выпуска банковских билетов тот золотой рубль <...> был лишь идеальной ценностной единицей» (Юровский Л. Н. На путях к денежной реформе // НЭП и хозрасчет. М., 1991. С. 200).

⁷⁶ «Однако в деле ценностного измерения нельзя взять новую единицу совершенно произвольно: она не могла бы привиться в народном обращении. Можно порвать с одной традицией, но в таком случае необходимо примкнуть к какой-либо другой. Другая традиция в потенциальном виде была налицо. Это была традиция довоенного времени. <...> Воспоминание о довоенной системе денежного обращения было еще живо. <...> Начался длившийся два с лишним года интереснейший процесс перехода от ценностного измерения в советских денежных знаках к ценностным измерениям в золотых рублях» (Юровский Л. Н. Указ. соч. С. 199–200)

⁷⁷ См., например, работы: *Алимова Т. Д.* Дискуссионные вопросы теории товарного обращения при социализме // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Сер.: Политическая экономия. 1976. Вып. 17: Обмен при социализме. С. 185–193; *Богомазов Г. Г.* 1) Марксизм-ленинизм и проблемы товарно-денежных отношений в период строительства социализма в СССР. Л., 1974; 2) Процесс развития советской экономической мысли по вопросу товарного производства при социализме и его буржуазные критики // Вестник Ленинградского университета. 1971. № 23. С. 37–44; *Богомазов Г. Г., Заостровцев П. Г.* В. И. Ленин и проблема товарного производства при социализме // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Сер.: Политическая экономия. 1970. Вып. 11: В. И. Ленин и вопросы политической экономии

лось в рамках устоявшегося подхода и во многом повторяло положения марксистской теории денег.

Под действительными деньгами понималось исключительно золото, обладающее реальной стоимостью. Причем само собой подразумевалось, что металлические деньги являются полноценными. Длительное время большинство экономистов придерживалось мнения, что золото в экономике СССР по-прежнему функционирует как денежный товар⁷⁸.

В денежном обращении выделялись казначейские билеты и банкноты. В теории утвердилось мнение, что первые эмитировались с целью пополнения бюджета, а вторые — под кредитование народного хозяйства. Причем банкноты (разменные бумажные деньги) функционируют по законам металлического денежного обращения, то есть для них действует стихийный механизм регулирования количества денег⁷⁹. Практика организации денежного обращения не желала находиться в русле денежных теорий. Денежные единицы любого вида (казначейский билет или банкнота) выпускались исключительно Государственным банком СССР и в таком количестве, в каком это было необходимо экономической системе.

С целью избежать терминологической путаницы вводится понятие «денежные знаки стоимости», под которыми понимались кредитные и бумажные деньги. Эти знаки стоимости, традиционно называемые «деньги», не обладают реальной стоимостью, поскольку затраты на их производство незначительны. Считалось, что для них характерна представительная стоимость, которая отражает реальную стоимость золота или товара (товарной массы). Они «становятся» деньгами исключительно в процессе своего обращения,

---

социализма. С. 28–38; *Валовой Д. В., Лапшина Г. Е.* Социализм и товарные отношения. М., 1973; *Заостровцев П. Г.* Некоторые вопросы товарно-денежных отношений в период развернутого коммунистического строительства // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Сер.: Политическая экономия. 1962. Вып. 5. С. 199–218; *Малофеев А. Н.* Прошлое и настоящее теории товарного производства при социализме. М., 1975.

⁷⁸См.: *Кронрод А. Я.* Деньги в социалистическом обществе. М., 1960. С. 194–218; *Конник И. И.* Деньги в период строительства коммунистического общества. М., 1968. С. 36–49; *Федеренко А. И.* Денежное обращение в социалистическом хозяйстве. М., 1973. С. 7–20.

⁷⁹«Знак стоимости, с каким бы золотым титулом не выступал в обращении, в сфере последнего сжимается в знак того количества золота, которое могло бы обращаться вместо него» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 104).

поскольку через установление государством принудительного курса приобретают общественную значимость.

Отличие между бумажными и кредитными деньгами заключалось в том, что первые выпускались для наличного обращения, а вторые — под кредитование народного хозяйства, т. е. находились в безналичном обороте. Вопрос «происхождения» бумажных и кредитных денег со временем перерос в дискуссию о первичности денежных и кредитных отношений.

Одни рассматривали кредитные деньги как самостоятельную форму «действительных» денег, которые не обладали представительной стоимостью⁸⁰. Другие — противопоставляя их бумажным деньгам, говорили о некотором гибриде — кредитно-бумажном оружии — вобравшем в себя отдельные свойства как тех, так и других, и сохранившем их представительную основу⁸¹. Несущественное различие заключалась лишь в том, что для одних представительная стоимость определялась количеством замещаемого золота, а для других — количеством товаров в обращении.

Имелся третий подход, пытавшийся объединить два предыдущих. Так, утверждалось, что современные кредитные деньги — это знаки стоимости, но в отличие от бумажных денег они с момента своего возникновения выступают как знак не только представительной стоимости совокупной товарной массы и отдельного товара, но и финансов и кредита.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что для неоклассического этапа развития системы теорий денег характерно доминирование релятивистского метода исследования с опорой на субъективно-психологические и вероятностные законы развития.

Предметом пристального внимания ученых стали бумажные деньги, сама концепция создания которых явилась продолжением ранее существовавших теорий денег. Деньги из пассивного инструмента обмена существующих товаров превратились в активное оружие создания материальных благ.

Деньги делились на два вида: «реальные», к которым относились золото или разменные на него банкноты, и «счетные», т. е. неразменные на золото бумажные деньги.

---

⁸⁰ *Казакевич В. П.* Проблемы международных денег при капитализме. М., 1987. С. 59 и др.

⁸¹ *Савчук И. М.* О природе кредитных денег // Деньги и кредит. 1982. № 3. С. 38.

5. ПОСТНЕОКЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП

Постнеоклассический этап начался с середины XX в. и длится до настоящего времени. В данный период научное мировоззрение переходит от понимания «мира, нас окружающего» к пониманию «нас самих в мире». Такой сдвиг в мироощущении был вызван, по крайней мере, двумя взаимосвязанными явлениями: а) унификацией наук и б) повышенным интересом со стороны различных наук к социальным вопросам, в частности, к денежному.

Что до первого, то на постнеоклассическом этапе наука начала переходить от экстенсивного способа развития к интенсивному, т. е. объединению различных наук в целостную систему при сохранении их самостоятельности. Что же касается вопроса междисциплинарных исследований, то во многом внимание различных гуманитарных наук к социальным, в том числе к проблемам денег, возникло из-за небывало высокой социальной и экономической нестабильности. Середина XX века считается началом периода хаотичности, неприкрытого переустройства мира с целью формирования новой модели его управления. Предельная социальная неустойчивость не могла быть проанализирована традиционными методами — линейным (экономический детерминизм) и вероятностным (релятивизм). Вышеозначенные структурные изменения как в социальной, так и научной жизни потребовали разработки новых принципов исследования, характеризующихся единством методологических приемов работы.

В ответ на этот вызов появляются новые научные течения: постмодернизм и постконструктивизм, направленные на изучение неустойчивых процессов. Но эти направления абсолютизировали понятие хаоса и отрицали саму возможность линейного движения. Необходимо было разработать такой научный подход, который объединил бы в себе ранее существовавшие методы: линейный детерминизм, релятивизм и теорию хаоса. И такой методологией стал системный метод, разрабатывавшийся в 20–30 годах XX в. и достигший пика развития в 60-е годы. Системная методология исходит из всеобщности законов саморазвития и самоорганизации — законов, свойственных живой и неживой материи, феноменам социальным, техническим и духовным.

В 1950-х годах системный подход стал наиболее плодотворно использоваться в исследовании социальных процессов и, в частности,

денег. Это проявилось в разработке «миросистемного» направления — одного из влиятельнейших в современном западном обществоведении. Его основатели — крупнейший представитель французской исторической школы «Анналов» Ф. Бродель и американский историк экономики И. Валлерстайн.

Ф. Бродель использует системную методологию познания со свойственными ей методами: а) двойственности, б) фрактальности и в) иерархичности. Отдельно вопрос о природе и происхождении денег французским ученым не ставился, но исследование социальных и экономических отношений осуществляется им через призму денежных отношений. Для него социум и деньги — тесно связанные явления, и из закономерностей развития первого выводятся закономерности развития последнего. Так, например, из иерархичности общества следует иерархичность денежного обращения, из фрактальности социального пространства — фрактальность денег, из двойственности социальных отношений — двойственный характер денег, из движения к открытости социально-экономической системы — коллективная расчетная денежная единица.

Бродель вводит два понятия: «мировая экономика» и «мир-экономика». Под первым он подразумевает экономику, простирающуюся на всю землю, «образующую всего лишь единый рынок». Под вторым — «экономически самостоятельный кусок планеты, способный быть в основном самодостаточным, определенное организационное единство. <...> В общем, некий мир в себе, некая целостность»⁸². Причем в своих дальнейших рассуждениях автор опирается на важный экономический закон, согласно которому мир-экономика стремится слиться с мировой экономикой. В этом движении к открытости формируются «этажи», социальные уровни, социально-экономической системы. Мир-экономика рассматривается Броделем как иерархическая конструкция, в построении которой положен принцип социального неравенства, и потому она состоит из центра, полупериферии, периферии⁸³. И эта изначально заданная структура создает некоторую «разность потенциалов», которая обеспечивает в ней движение денег, людей,

---

⁸² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 14.

⁸³ Мир-экономика была «суммой частных экономик; из которых одни бывали бедными, другие — скромными, и одна-единственная в центре мира-экономики оказывалась относительно богатой» (Бродель Ф. Указ. соч. С. 18).

капиталов, богатства от периферии к полупериферии и далее к центру⁸⁴. В своих работах французский ученый приводит огромное количество интереснейших исторических фактов, показывающих, как наличие высокого социального статуса позволяет накапливать богатство. Например, статус парламентария — «избранника судьбы» — позволяет становиться владельцем огромного состояния, чиновникам — воровать, превращая государственные доходы в доходы частные, финансовой элите — спекулировать, играя на разнице курсов⁸⁵. Социальная структура мира-экономики определяет структуру денежного обращения, структуру внешнеторгового оборота. Давая характеристику денежному обращению, Бродель показывает, что его иерархическая структура (золото, серебро, медь) определяется рангом страны или социально-экономической системы. Например, золотая монета — это привилегия элитной группы, с ее помощью она накапливает богатства. Серебряная монета — ат-

---

⁸⁴ «Париж — особый, привилегированный город; сюда стекались деньги, здесь они накапливались, теми или иными путями заново пускались в оборот, во множестве тратились на роскошь. Как успехи Парижа, так и его паразитические тенденции питались деньгами всего королевства <...> Но ведь в конечном счете все города живут тем, что в них больше денег, и жизнь в них всегда дороже, чем вокруг» (*Бродель Ф.* Что такое Франция. Кн. 1: Пространство и история. М., 1994. С. 220).

⁸⁵ «В Бордо могущественный, надменный парламент состоит из владельцев огромных богатств. Еще в 1608 году Генрих IV с присущей ему милой неприужденностью высказал этим избранникам судьбы все, что он о них думает: «Вы толкуете, что народ мой притесняют. Кто же притесняет его, как не вся ваша компания?.. Кто выигрывает в Бордо любой процесс, как не тот, у кого самая толстая мошна?.. Кто стал советником, гребет деньги лопатой!» В Монпелье элита добивается еще большего успеха, ибо лангедокские купцы и финансисты при Людовике XV переселяются в Париж и прибирают к рукам едва ли не все откупа (*Бродель Ф.* Указ. соч. С. 64).

«Как бы там ни было, превращением государственных доходов в доходы частные люди занимались во все времена. Ничего, кроме улыбки, не могут вызвать откровения некоего журналиста, обнаружившего, что марокканские колонии представляли собою один из способов превращения государственных денег в частные, или неких серьезных экономистов, обличающих современный стовор капиталистов с государством. Разве дела не обстояли таким образом всегда? Можете ли вы вообразить себе государство — не важно, какое именно — не прибегающее к услугам торговцев, финансистов и банкиров?»

Не буду спорить, игры [спекуляция на разнице курса золота и серебра] эти достаточно элементарны, но ведь для того, чтобы играть в них, следует занять соответствующее положение, оказаться наверху, получить возможность действовать с позиции силы» (*Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX века. М., 1997. С. 87).

рибут среднего класса, и она используется для внешней торговли, торговли на большие расстояния. Медная («черная») монета находится в обращении у крестьян и пролетариата. Между этими денежными единицами устанавливается совершенно произвольный обменный курс вне связи с их стоимостью. «В их [капиталистов] распоряжении тысяча способов обратить игру в свою пользу — манипуляциями с кредитом, ставкой хорошей монеты против плохой, при этом хорошая — золотая и серебряная — монета участвовала в крупных сделках и шла капиталисту, в то время как плохая использовалась для выплаты заработной платы работникам и мелких ежедневных расходов, т. е. уходила к труду»⁸⁶. В сфере внешне-экономических связей — центр экспортирует товары с высокой добавленной стоимостью, а периферия — сырьевые товары⁸⁷. «Золото обозначает хозяев, белый металл есть признак окраинных, зависимых стран. Каролингская Галлия около 700 года экспортирует пищевые продукты, леса, рабов. Это особенность слаборазвитой страны, которая в глазах Византии или исламского мира, безусловно, не является цивилизованной»⁸⁸.

Будучи прекрасным знатоком общества и экономики, педантичным ученым, Бродель собрал многочисленные исторические факты, свидетельствующие о том, как экономика развивается под воздействием социальных трансформаций. Деньги в его концепции играют двоякую роль — пассивную и активную⁸⁹. С одной стороны, они — явление активное, поскольку под их воздействием формируется определенный тип экономических отношений. С другой — они

---

⁸⁶ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 61–62.

⁸⁷ Более подробно о взаимосвязи между структурами внешнего оборота и статусом социальной системе см.: Базулин Ю. В. Торговый баланс как показатель открытости рыночного хозяйства // Вестн. СПбГУ. Сер.5: Экон. 1999. Вып. 4. С. 61–67; Базулин Ю. В. Анализ платежного баланса на основе коэффициентов // Деньги. Кредит. Банки.: Учеб. пособ. / Под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М.: Проспект, 2006. С. 308–319; Базулин Ю. В. Платежный баланс Российской Федерации: Учеб. пособ. СПб.: Изд-во «ИНТАН», 2006.

⁸⁸ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 1. М., 1995. С. 113–114.

⁸⁹ «Звонкая монета, участвуя в экономической жизни, создавала ее и в то же самое время была в определенной мере ее созданием. Монета накладывала на эту жизнь определенные ограничения и, с другой стороны, открывала ей возможность маневра. Не подлежит сомнению, что активный капитализм умело использует монету и даже стремится отождествлять себя с этим незаменимым инструментом» (Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX века. М., 1997. С. 350–351).

феномен пассивный, т. к. отражают суть социальных отношений, а их вид и форма определяются социальным статусом «этажей» экономики. Яркий пример такой активной роли денег в экономике — это процесс «монетаризация», т. е. распространение монетной экономики⁹⁰.

Уже сам этот процесс — создание рыночной экономики — носит социальный характер. Поначалу монетаризацией охватываются верхние «этажи», а потом уже и низшие. В 1789 г. во Франции остаются районы, где монета практически неизвестна, на Корсике подобная ситуация продлилась до 1914 г. До низших социальных групп монета доходит медленно. Таким образом, история монеты — во Франции, как и в Европе целом, — история «многоэтажная»: то, что происходит на верхних этажах, далеко не всегда совпадает с тем, что творится внизу⁹¹.

Иерархической структурой обладает и валютный курс, который Бродель называет «вертикальным» курсом⁹². Причем опять-таки сам валютный курс определяется сутью социальных отношений, а не экономических,⁹³ откуда и возникает его «вертикальная» структура. Низший социальный уровень, оперируя в своей экономической деятельности медными денежными знаками, должен был уплачивать налоги в золотой или серебряной монете. «Черная монета», монета для бедных, монета чисто кредитная, официальный курс которой устанавливается произвольно, вне всякого соотношения с реальной стоимостью металла. Она предназначена ремеслен-

---

⁹⁰ «Следует выражаться более точно, ведь распространить монеты, это, по сути дела, значит распространить <...> золотой или серебряный стандарт, создать то, что называется в самом общем виде рыночной экономикой <...> сделать возможными кредитные сделки, которые, в широком смысле слова, являются еще одним типом монеты» (*Бродель Ф.* Указ. соч. С. 360).

⁹¹ *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 353.

⁹² «Вертикальный курс, — пишет Ф. Бродель, — переменный курс обмена между высшими и низшими монетами, выгодный всегда только владельцам первых. механизм автоматического получения прибыли. Механизм этот связан с иерархической организацией европейских рынков вокруг центральной ярмарки, которая и задает тон. Каждому рынку отводилась определенная роль (котировка монеты с фиксированным курсом в монете с курсом нефиксированным или наоборот), так что наиболее выгодные маршруты вырисовывались сами собой. В результате торговцы-банкиры [XVI века] не сомневались, что движение денег туда и обратно между двумя точками принесет им [минимальную] прибыль в любых экономических условиях» (*Бродель Ф.* Указ. соч. С. 365).

⁹³ *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 381.

никам, низкооплачиваемым работникам для удовлетворения их повседневных нужд»⁹⁴.

Бродель отводит деньгам значительную роль в процессе движения экономической системы к открытости, создания национальных европейских хозяйств, а впоследствии и «интер-европейского», международного хозяйства. Он выдвигает исключительно разумную идею, что предпосылкой экономической экспансии является социальный «захват» территории, который не в последнюю очередь осуществляется с помощью денег. Покорить территорию — означает покорить монету. «Металлические деньги являются ударной силой современного государства в борьбе против других государств, больше того, они — необходимое основание этой борьбы. <...> Всякий государь должен был покорять монету так же, как он покорял провинции, за счет которых расширял свое королевство; он надзирал за чеканкой монет, устанавливал их цену, контролировал распространение. Королевская монета делала короля»⁹⁵.

Другая важная мысль ученого раскрывает природу интеграции обществ. Она, по мысли Броделя, осуществляется на верхних «этажах» социума, причем не без помощи денег. Значительную роль в объединении Европы сыграл вексель, созданный элитной группой, «негоциантами и банкирами»⁹⁶. Эта так называемая «псевдомонета без труда преодолевает разделяющие Европу политические и монетные границы и создает, пренебрегая различиями между металлическими монетами, единое торговое пространство, где негоцианты и банкиры действуют по своему усмотрению. <...> Вексель действует на верхнем этаже, на уровне необходимой централизации» взаиморасчетов⁹⁷.

Бродель, по-видимому, был одним из первых, кто отметил не только системный, но и фрактальный характер строения общества, когда на каждом уровне повторялась структура всего общества. Он писал: «Центр имел несколько этажей, он был разделен внутри се-

---

⁹⁴ Бродель Ф. Указ. соч. С. 356.

⁹⁵ Бродель Ф. Указ. соч. С. 350, 354.

⁹⁶ «Создал ли вексель интер-Европу? Историки всегда исследовали прежде всего эту “внутреннюю” историю векселя. Но нас и здесь в первую очередь интересуют процессы экзогенные, роль векселя в становлении формирующегося капитализма и европейской экономики, также еще только формирующейся, но уже на этой ранней стадии достигшей некоего единства» (Бродель Ф. Указ. соч. С. 353–376).

⁹⁷ Бродель Ф. Указ. соч. С. 380.

бя. Такими же были и периферийные районы». Верхние «этажи» эксплуатировали нижние, причем это верно «как для центра по отношению к периферийным областям, так и для центра по отношению к самому себе»⁹⁸.

Использование фрактальных свойств системного способа исследования социально-экономических явлений дает возможность Броделю подойти к необычным для того времени выводам. Так, ученый утверждает, что различные социальные системы сосуществуют совместно, а не последовательно, как, например, считал К. Маркс. «История мира, — пишет ученый, — это кортеж, процессия, сосуществование способов производства, которые мы слишком склонны рассматривать последовательно, в связи с разными эпохами истории. На самом деле эти способы производства сцеплены друг с другом. Самые передовые зависят от самых отсталых, и наоборот: развитие — это другая сторона слаборазвитости»⁹⁹.

Дальнейшая разработка в научном сообществе теории систем привела к появлению: а) теории неустойчивости (синергетика) и б) теории устойчивости (система аттракторов).

В конце XX в. использование принципов синергетики привело к созданию теории динамического хаоса, а к началу XXI в. появилась концепция синергетического историзма (социальная синергетика)¹⁰⁰. Социальная синергетика исследует общие закономерности социальной организации, т. е. взаимоотношение социального порядка и социального хаоса. Сам термин «синергетика» связан с описанием изучаемого эффекта когерентности, взаимосогласованности поведения элементов системы в процессе ее самоорганизации, что, безусловно, связано в гуманитарном контексте с самой сутью (и тайной) социального¹⁰¹. Если теории классического этапа рассмат-

---

⁹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 38.

⁹⁹ Бродель Ф. Указ. соч. С. 65.

¹⁰⁰ «К началу XXI века наметилась явная тенденция к формированию единой концепции, сводящей все главные категории теории социальной самоорганизации в стройную систему. Эта концепция получила название синергетического историзма» (Бранский В. П., Пожарский С. Д. Синергетический историзм как новая философия истории // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 36).

¹⁰¹ «Синергетика исследует законы образования упорядоченных структур из хаоса или образования хаоса из упорядоченных структур. Синергетика — идейная конструкция, стремящаяся к построению целостной концепции самоорганизации в сложных системах. Кибернетику, как науку о связях любых дина-

ривали «будущее» социального развития как результат взаимодействия прошлого и настоящего, то синергетический принцип приписывает будущему активное начало, способное детерминировать эволюционные процессы «настоящего». Синергетика исследует неравновесные системы, изучая проблему выбора дальнейшего направления развития в точках бифуркации и роли случайности в этих процессах. В научном обороте к категории «организация» добавляется и «самоорганизация». Под организацией понимается жестко детерминированные системы, т. е. подверженные большому влиянию внешних причин, а под самоорганизацией — саморазвивающиеся системы, источниками развития которых в основном выступают внутренние импульсы.

Разработка новых методологических приемов научного исследования вызывает революционные изменения и в теории денег. В настоящее время меняются не только предмет и методы, но и сама стратегия исследования. Теории денег начинают рассматриваться как целостная система научных взглядов. Такая трансформация взглядов приводит, по крайней мере, к двум последствиям.

Во-первых, нелинейность движения стала рассматриваться не как «экзотический частный случай», а как нормальное состояние развития Системы-среды, социальных систем и денег. И, наоборот, линейное описание этих явлений стало трактоваться как частный случай нелинейного, возникающего просто «от бедности, от упрощения». В анализе процесса самоорганизации таких сложных, многофакторных, иерархических систем, как общество, деньги, экономика, эта методология позволяет выделять *инвариантные* процессы, так называемые параметры порядка. Процесс возникновения таких показателей в ходе самоорганизации, методы их выявления играют принципиальную роль в исследовании происхождения и природы денег. Это ключ к пониманию их поведения и, соответственно, регулирования социальной ценности денег, представительной стоимости денежных знаков и покупательной способности денежных единиц.

Во-вторых, изменения, происходящие в методологии науки XXI в., можно охарактеризовать как попытки соединения эконо-

---

мических систем со своими подсистемами, можно считать идейной предтечей синергетики» (Делокаров К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 23, 21).

мических и психологических приемов в исследовании социально-экономических процессов. Вместо противопоставления внешних причин развития внутренним или их эклектического суммирования создается целостная методология, опирающаяся и на те, и на другие причины. На этой базе возникают новые и развиваются традиционные научные направления: экономическая психология, социальная психология, экономическая социология, социология денег, экономика денег, основная задача которых — учет особенностей реального поведения людей в реальных обстоятельствах и исследования когнитивных способностей человека.

Внедрение достижений психологии в экономическую науку позволило определить особенности человеческих суждений при принятии решений в условиях неопределенности. Успехи нового направления экономической науки были замечены, и его представителям, американским ученым. Г. Саймону и А. Сену (1998), Д. Канеману (2002) были присуждены Нобелевские премии по экономике. В своих исследованиях Д. Канеман и его соавтор Э. Тверски пришли к выводам, которые опровергают экономический постулат о том, что люди в своей хозяйственной деятельности руководствуются исключительно рациональными суждениями и совершают при этом исключительно рациональные поступки. Благодаря их работам экономисты поверили в то, в чем большинство психологов и так не сомневалось: люди ведут себя не столько в соответствии с расчетом собственной выгоды, сколько под влиянием эмоций, страхов, воспоминаний, стереотипов и предрассудков. Ученые показали, почему решения, принимаемые индивидуумами, отклоняются от «образчиков», предписываемых традиционной экономической теорией. В их теории человек рассматривается уже как система, некая мыслящая система, которая принимает, кодирует, декодирует и передает информацию. На базе такой синергетической методологии уже разрабатывается поведенческая теория финансов.

Исследователи обнаружили, что во многих ситуациях люди не способны в должной мере проводить анализ альтернатив и вынуждены опираться в своих решениях на эвристические методы, или «метод тыка». Такой способ принятия решений Канеман и Тверски назвали «эвристикой репрезентативности» — мгновенное, интуитивное принятие решения, игнорирующее всякую логику. Такого рода «близорукость» объясняет до некоторой степени поведение

фондовых рынков в целом и «немотивированные» колебания индексов, в частности»¹⁰².

Эвристический метод мышления существует по двум причинам: а) люди оценивают благо, сравнивая его с неким «образчиком» в соответствии с собственными стереотипами и пренебрегают другой важной информацией; б) люди склонны судить о единичных событиях так, как будто имеют дело с большими выборками. Канеман и Тверски назвали эту особенность «психологическим законом малых чисел».

Психологические исследования осветили с новых позиций ранее незыблемые постулаты теорий денег. В частности, было доказано, что люди вовсе не ведут себя рационально по отношению к деньгам. Эти выводы разделяют социологи и антропологи, которые также показали, как культурные нормы, ритуалы, обычаи видоизменяют экономическое поведение, делая его нерациональным. Наиболее плодотворные направления в зарубежных исследованиях денег — это: а) определение базовых психологических установок по отношению к деньгам, способов их «приобретения» и использования; б) выявление сакрального и профанного смысла денег; в) определение культурных, этических и религиозных аспектов отношения к деньгам.

Показательными являются взгляды С.Московичи. В своей теории происхождения и природы денег он отталкивается от двух методологических предпосылок: а) психическое и социальное неразделимы и б) психическое находится в основании социального. На первый взгляд, Московичи может показаться приверженцем марксистской эволюционной теории появления денег. Так, он отмечает, что развитие бартерного обмена, называемого им «ощутимым», способствует появлению «третьего блага, которое служит эталоном сравнения и <...> кристаллизуется в форме денег»¹⁰³. Но, если для Маркса деньги возникают из обмена «естественным» образом, как результат случайного стихийного перебора различных «эквивалентов», то для Московичи — это «анонимно изобретенное средство обмена»¹⁰⁴. Анонимность изобретения поясняется тем, что деньги являются «социальным

---

¹⁰² Пястолов С. М., Задорожнюк И. Е. Психологический прорыв в экономической теории // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 30.

¹⁰³ Московичи С. Машина, творящая богов. М., 2003 [1981]. С. 342.

¹⁰⁴ Московичи С. Указ. соч. С. 376.

представлением» (у Э. Дюркгейма — коллективные представления).

Власть, как справедливо утверждает Московичи, играет значительную роль в «анонимном» создании денег и стоимости. Он описывает три этапа создания стоимости и происхождения денег, хотя формально не перечисляет их. На первом — власть развивает потребности человека, приучая его к потреблению. Желание иметь то или иное благо формирует у индивида субъективную оценку этого блага. Ее величина во многом определяется психологическими факторами и зависит от доступности блага. Автор вводит закон «дистанцирования», согласно которому субъективная «стоимость [блага. — Ю. Б.] тем больше, чем больше возрастают дистанция и препятствия, которые необходимо преодолеть», чтобы его получить¹⁰⁵. Теми же приемами, какими власть формирует «желания», она создает и представление о деньгах или, иными словами, осуществляет процесс символизации¹⁰⁶.

На втором этапе власть организует обмен, делая его коллективным и обязательным и, тем самым, социальным¹⁰⁷. В процессе социального обмена субъективная стоимость блага трансформируется в объективную стоимость. Таким же образом — посредством включения денег в социальный оборот — «субъективная» стоимость денег превращается в «объективную». Выступая в качестве посредника, деньги приобретают свое основное свойство — это обладание стоимостью. Она формируется как коллективное психическое представление о соотношении обмениваемых предметов. «Объективная» стоимость денег воплощается в вещь, в некий знак.

На третьем этапе осуществляется «процесс закрепления», при

---

¹⁰⁵ *Московичи С.* Указ. соч. С. 408.

Здесь необходимо сделать некоторые уточнения. В тексте термином «стоимость» переводится французское слово «valeur», но согласно примечанию переводчика, оно же может означать и «ценность». По смыслу изложения материала ясно, что автор ведет речь именно о ценности, которая только и может носить субъективный характер. Тем не менее, мы используем тот русский вариант, который был предложен переводчиком.

¹⁰⁶ «Чтобы упростить исследование, я предполагаю, что генезис денег подчиняется процессам, посредством которых общество формирует такие представления» (*Московичи С.* Указ. соч. С. 376–377).

¹⁰⁷ «Обмен — это социологический феномен sui generis и оригинальное явление общественной жизни» (*Московичи С.* Указ. соч. С. 391).

котором власть, регламентируя обмен, устанавливает стоимостные соотношения между благами. Затем эти соотношения закрепляются через традиции и обычаи и тем самым трансформируются в конвенциональные¹⁰⁸. В процессе закрепления объективная стоимость превращается в экономическую стоимость.

Как подчеркивает С. Московичи, в процессе превращения субъективной стоимости в экономическую мир удваивается — существует реальный мир вещей и возникает мир представлений об их стоимостях. Но ученый подчеркивает еще раз, что «субъективность является первопричиной стоимости»¹⁰⁹. Деньги для него — это «прежде всего инструмент, имеющий много функций. <...> Деньги — это в некотором роде абсолютное средство, потому что их единственная подлинная цель — это обмен. <...> Деньги своей деятельностью призваны исключительно способствовать обращению благ и измерять их стоимость. Это сводит их функции к роли простого инструмента. И здесь нельзя допускать никакой путаницы, ибо это означало бы принимать обозначения богатства за само богатство»¹¹⁰.

Из своей концепции происхождения денег автор выводит ряд их характеристик, и в первую очередь — это свойство двойственности: «мысль» — «вещь». Затем он описывает закон унификации денег, виды денег и в заключение — процесс инверсии, происходящий в деньгах.

Московичи верно подмечает, что, с одной стороны, деньги — это субстанция, как и любая другая вещь, и с другой — «это стоимость, которая выражается через функции, выполняемые деньгами»¹¹¹. Таким образом, он рассматривает деньги как целостную совокупность их знаковой составляющей (вещной оболочки) и символической составляющей (представление о стоимости). Причем, замечает автор, в этой совокупности постоянно увеличивается значение символической составляющей. Исходя из этого процесса, который Московичи называет законом «кортикализации денег», им выводятся последовательно сменяющиеся три вида денег: а) «осязаемые», б) «символические», в) «семиотические»¹¹².

---

¹⁰⁸ *Московичи С.* Указ. соч. С. 387.

¹⁰⁹ *Московичи С.* Указ. соч. С. 374.

¹¹⁰ *Московичи С.* Указ. соч. С. 409.

¹¹¹ *Московичи С.* Указ. соч. С. 401.

¹¹² «В любом случае, если закон существует, он показывает нам переход осяза-

Согласно концепции Московици, в деньгах происходит инверсия: они из средства обращения превращаются в цель. Такие метаморфозы происходят на этапе доминирования семиотических денег. Они становятся предметом самого сильного вожделения, все другие цели становятся их средствами. Это, пожалуй, главный парадокс современной стадии развития денег, который состоит в том, что они, сами будучи продуктом социального развития, совершенно логично в конечном счете выступают как квинтэссенция социальных отношений. Они, призванные обслуживать экономическое развитие, отчуждаются от реальной экономики. Они сами есть цель и средство достижения этой цели. Первое качество денег — это их количество.

Ж. Бодрийяр — один из ярких представителей постмодернизма. Автор замечен своими оригинальными идеями в области развития денег и взглядами на инверсионные процессы, происходящими в денежном обращении. Его концепция общественного развития является до некоторой степени самосимулякром¹¹³, в том смысле, который вкладывает в это слово постмодернистская философия.

В исследованиях французского ученого можно выделить две методологические особенности. Во-первых, для его работ характерно рассмотрение взаимосвязей экономических, социальных и культурологических проблем, что согласуется с главным творческим принципом постмодернизма — радикальным плюрализмом. Причем эта взаимосвязь такова, что невозможно найти «ни начала, ни конца». Да и сама концепция постмодернизма отрицает всякую претензию на соотнесение «текстов культуры» с реальностью. Во-вторых, при изучении «экономического, социального и культурологического» ученый активно применяет дихотомический способ, несмотря на то, что идея бинарных оппозиций не приветствуется постмодернистской традицией.

Центральным в концепции общественного развития Ж. Бодрийяра является понятие «символический»: символический мир, символический обмен. Введение иррационального уровня — символиче-

---

емых денег в деньги символические, а затем в деньги семиотические, каковыми и являются наши деньги» (Московици С. Указ. соч. С. 406).

¹¹³В переводе с латинского *simulacrum* означает «образ», «подобие», «видимость», «призрак», «сновидение». Бодрийяр переосмысливает это значение, понимая под ним некое подобие отсутствующего объекта, копию, которая не отражает никакого реального объекта, копия — без оригинала.

ского — необходимо автору для противопоставления его рациональному уровню — экономическому. Причем если символический обмен является естественным, выросшим из сути социальных отношений, то второй — «искусственно» созданным.

Символический обмен — это передача «сообщений» от одного индивидуума к другому, которая (передача) носит реверсный характер. Хорошим примером такого циркуляционного движения «информации» может служить «кольцо Кула» — архаическая форма обмена, описанная Б. Малиновским¹¹⁴.

С виду такое циклическое движение предметов бесполезно, поскольку не носит утилитарного характера, но в действительности в нем заложен глубокий смысл, поскольку прием таких «даров» и их последующая передача по цепочке призваны подтвердить социальный статус дающего и принимающего дары. Дарение является благом само по себе, обеспечивая дарителю одобрение и уважение окружающих.

Отталкиваясь от смысла социального обмена, Ж. Бодрийяр утверждает, что стратегия безответного дара это и есть по сути стратегия власти, смысл которой — установление господства¹¹⁵. Например, «даяние и получение труда», «одаривание» жизнью, возможностью потреблять, с точки зрения автора, есть форма социального господства, код дискриминации»¹¹⁶. Он справедливо задается вопросом: «не живем ли мы в условиях непрекращающегося потлача?»¹¹⁷.

Что касается экономики, то можно согласиться с утверждением

---

¹¹⁴ Кула — это церемониальное плавание, предпринимаемое в определенное время, в двух противоположных направлениях, с одной из групп островов к востоку от Новой Гвинеи. В процессе этого плавания племена, выступающие по обычаю как партнеры, обмениваются предметами, которые не имеют никакой потребительской ценности, — это бусы из красных и браслеты из белых ракушек, которое в качестве дорогих и прославленных украшений, нередко известных по имени, переходят на время во владение другой группы. Эта последняя принимает на себя обязанность в течение определенного времени передать эти предметы дальше, следующему звену в цепи кулы. Предметы имеют священную ценность. Они обладают волшебной силой, у них есть своя история, рассказывающая, как они были добыты впервые.

¹¹⁵ «Дар есть источник и самая сущность власти. Власть упраздняется лишь отдариванием — это и есть обратимость символического обмена» (*Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000 [1976]. С. 108).

¹¹⁶ *Бодрийяр Ж.* Указ. соч. С. 106.

¹¹⁷ *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006 [2000]. С. 19.

ученого, что она была «изобретена» властью с целью скрыть систему «одаривания» и «не ставить под угрозу процесс отправления и наследования власти»¹¹⁸. По мнению Ж. Бодрийяра, «экономики, какой мы привыкли ее понимать, экономики в рациональном, освященном экономической наукой смысле не существует, ибо подлинное основание движения вещей и в прошлом и сейчас не что иное, как символический обмен»¹¹⁹.

Бодрийяр предлагает историческую схему трех стадий развития, трех видов ценности и трех форм денег, в которой демонстрирует движение от социального (реального) к экономическому (выдуманному). Следует отметить, что в работе «Символический обмен и смерть» Бодрийяр говорит о трех стадиях, называя их «классическая», «промышленная» и «нынешняя»¹²⁰. В последующем он добавляет уже и четвертую стадию: «После начальной, рыночной и структурной стадий ценности возникает стадия дробления — стадия диффузии ценностей, <когда> уже не существует соответствия чему бы то ни было»¹²¹. Здесь же мы остановимся на раннем варианте классификации Бодрийяра, поскольку только она и сопровождается рассмотрением проблем денег. С этой точки зрения, общество прошло: а) начальную стадию, когда существовали повседневные, бытовые ценности; б) рыночную стадию, когда ценность выступает как средство обмена; в) структурную стадию, когда появляется ценность-символ. Этим трем стадиям соответствуют три формы денег: архаические, символические и семиотические.

Архаические деньги имеют референты, то есть они насыщены точной информацией, допускают минимум свободы в истолковании смысла. Такая форма денег представлена множественностью вещных знаков с «распыленностью» их функций. Символические деньги доминируют в «эпоху» классического рынка, выполняя в основном две функции: мера стоимости и средство обращения. Они выступают в качестве универсального социального посредника, ста-

---

¹¹⁸ «Симулируя искупление в этой новейшей форме, подмена символического экономическим позволяет окончательно обеспечить господство политической власти над обществом. Экономике удалось чудесным образом скрыть истинную структуру власти, поменяв местами составные части ее определения» (*Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть*. М., 2000 [1976]. С. 107).

¹¹⁹ *Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту*. Екатеринбург, 2006 [2000]. С. 19.

¹²⁰ *Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть*. М., 2000 [1976]. С. 113.

¹²¹ *Бодрийяр Ж. Прозрачность зла*. М., 2000 [1990]. С. 10.

новятся подобием универсального языка, на котором все «говорят». На этой стадии формируются единая национальная валюта и единая символическая система. Семиотические деньги доминируют на структурной стадии. Они, в отличие от предыдущих форм, окончательно утратили связь с реальной экономикой и реальным потреблением, превратившись в универсальный код, замкнутый на самого себя.

Первые две формы относятся к так называемым «hot money» — деньги горячей коммуникации, а последняя форма соотносится с «cool money» — деньги холодной коммуникации.

«Hot» характеризует референциальную стадию знака с его единичностью и с глубиной его реального означаемого, с его сильнейшим аффектом и слабой способностью к подстановке. Пока остается какое-то «сообщение», мы еще на стадии hot. Когда же сообщением становится само средство коммуникации, мы вступаем в эру cool. Именно это и происходит с деньгами. Достигнув определенной фазы отрыва, они перестают быть средством коммуникации, товарооборота, они и есть *сам оборот*.

Экономика — это симулякр социальной реальности. Для Ж. Бодрийяра, как и для С. Московичи, большинство экономических категорий являются некими «идеями», «представлениями», знаками, с вложенными в них информацией¹²². В концепциях обоих авторов власть играет также основную роль в создании этих знаков и вкладывания в них необходимого им смысла.

Эти идеи, представления, знаки «перехватываются» и перекодируются властью, так что они несут теперь уже не первоначальную информацию, а искаженную. Вот такие «вторичные», то есть перекодированные знаки Бодрийяр и называет симулякрами. «Отсро-

---

¹²²Некоторых российских ученых начинает посещать мысль о том, что экономические категории, как, впрочем, и сама экономическая теория является до некоторой степени результатом мифотворчества. «Настоящее время можно назвать временем «теоретико-экономического плюрализма», поскольку экономическая теория фрагментировалась, единый научный взгляд на проблемы социально-экономического развития, по сути, отсутствует, экономическое сознание даже на высоком научном уровне оперирует *мифами* в не меньшей степени, чем *фактами*, а основной проблемой экономической науки становится преодоление своеобразного информационно-концептуального *астигматизма* — невозможности свести воедино в рамках одной теории различные элементы информации о протекающих в экономике процессах» (Клейнер Г. В. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 141).

ченная смерть» первичного смысла позволяет вторичному знаку — и господствующему классу, который такие знаки производит, — поработать первичный знак, а вместе с ним и общество, наивно пользующееся его «прямым» значением»¹²³.

Исходя из трехэтапной модели развития, Бодрийяр вводит систему симулякров трех видов: «подделка», «производство» и «симуляция». Согласно концепции Ж. Бодрийяра, поведение симулякров сегодняшнего дня характеризуется отсутствием тесной связи между означаемым и означающим. Например, между трудом как означаемым и зарплатой — означающим, производством и потреблением, экономическим ростом и социально-экономическими потребностями¹²⁴. Общая утрата референций приводит к возможности «взаимных подстановок красивого и безобразного в моде, левых и правых в политике, правды и лжи во всех сообщениях масс-медиа, полезного и бесполезного в бытовых вещах». «Отрыв денежного знака от всякого общественного производства: деньги вступают в процесс неограниченной спекуляции и инфляции. Для денег инфляция — это то же самое, что повышение зарплат для продажи рабочей силы (и экономический рост для производства). <... > Отрыв зарплат от «справедливой» стоимости рабочей силы и отрыв денег от реального производства — и там и тут утрата референциальности. Абстрактное общественно необходимое рабочее время — в одном случае, золотой эталон — в другом». При этом деньги получают способность самовоспроизводиться просто через игру трансфертов и банковских проводок, через непрерывное раздвоение и дублирование своей абстрактной субстанции¹²⁵.

В сфере денежного обращения происходит эмансипация денежного знака, которая «позволяет ему пуститься, например, в ничем не ограниченные спекуляции, без всякой привязки к производственным реальностям и даже к золотому эталону». Бодрийяр говорит, что в системе денежного обращения происходит имитация деятельности, «симуляция» деятельности в том смысле, что теперь все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на

---

¹²³ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000 [1976]. С. 14.

¹²⁴ «Он (экономический рост. — Ю. Б.) оставляет далеко позади традиционные социальные задачи производства и потребления. Этот процесс — сам по себе и сам для себя. Он не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль» (Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 74).

¹²⁵ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 75.

что реальное, «причем друг на друга они так хорошо, так безупречно обмениваются *именно постольку*, поскольку не обмениваются больше ни на что реальное»¹²⁶.

Эта «симуляция» и «имитация» деятельности, «отрыв денежного знака от реальности», «освобождение от рынка», «утрата референциальности» и т. д. и т. д. рефреном проносится по всей работе. Можно даже предположить, что для Бодрийера описание этой вселенской утраты референциальности является центральным пунктом его концепции. И объяснение этому факту находится в происхождении этой работы. Книга была написана в 1976 г., и ее социальным и экономическим фоном был переход десяти ведущих стран мира от золотого стандарта к системе плавающих валютных курсов.

В августе 1971 г. правительство США официально прекратило продажу золотых слитков за доллары, две его последующие девальвации (1971 и 1973) разрушили старую добрую систему золотого стандарта. Переход к системе плавающих валютных курсов был официально закреплен в 1973 г. решениями Парижского совещания группой десяти ведущих держав. Этот шаг де-юре закрепил факт перехода мировой экономики от системы золотого стандарта к системе «долларового» стандарта.

Бодрийер фактически льет слезу по ушедшему времени, но-стальгируя по прошлому, как ему кажется «золотому веку» в прямом и переносном смысле слова. Доллар называется не иначе как «международная спекулятивная валюта», с которой борются «благородные» национальные валюты. Как справедливо замечает автор, от поведения этой международной валюты зависит благополучие любой национальной экономики. Причем «поведение» доллара, т. е. его колебания на мировых валютных рынках, «представляет собой отнюдь не внешний и причудливый процесс», а некоторый разработанный «сценарий».

Наравне с постмодернистскими теориями денег продолжают разрабатываться и социально-психологические концепции денег. Для современного человека, как и для его далекого предка, деньги таят в себе что-то мистическое. Например, Р. Белк и М. Валлендорф предлагают различать сакральный и профанный смысл денег. По их мнению, женщины думают о деньгах как о спо-

---

¹²⁶ Бодрийер Ж. Указ. соч. С. 52.

собе приобретения вещей, а мужчины — власти. Поэтому женщина имеет дело с профанными деньгами, а для мужчины они частично сохраняют свой сакральный характер¹²⁷. С помощью инструментальных исследований психологи установили, что люди думают о деньгах почти постоянно, но говорят о них очень мало и с очень немногими людьми. С ростом доходов возрастает «таинственность» и стремление скрыть свое богатство¹²⁸. Изучение отношения людей к деньгам позволило выявить структуру населения, которая во многом, как и предполагалось, связана с их социальным статусом.

В последнее время подобные работы стали проводить и российские ученые. Так, А. Фенько рассматривает деньги не только как «повседневное средство обмена, но и как мощный культурный символ, аккумулирующий в себе множество противоречивых и иррациональных коллективных представлений, верований и установок»¹²⁹. Следует отметить, что о социально-психологическом конструировании денег, о деньгах как «саморазаумеющемся устое» в начале XX в. высказывался Ю. Ларин. «Перед нашими глазами постепенно вырастает одно из таких преобразований — уничтожение форм денег . . . трудно сразу оценить все значение постепенного отмирания денег для всего дела общественного воспитания, для *психологии среднего* человека. Испокон веков обыватель привык к мысли о деньгах как о саморазаумеющемся устое жизненных отношений, данном чуть ли не самой природой. < . . . > И вот — тысячелетние устои рушатся как карточные домики после первых же лет организационных усилий победившего пролетариата. < . . . > Наши дети, выросши, будут знакомы с деньгами уже только по воспоминаниям, а наши внуки узнают о них только по цветным картинкам в учебниках истории»¹³⁰.

Параллельно с развитием психологического направления в системе теорий денег сохранялся и традиционный подход, относящийся к «чистой» экономической науке. Так, период социальной и экономической неустойчивости середины XX в. способствовал под-

---

¹²⁷ *Belk R., Wallendorf M.* The sacred meaning of money // *Journal of Economic psychology.* 1990. N 11. P. 35–67.

¹²⁸ *Фенько А. Б.* Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях // *Психологический журнал.* 2000. № 1. С. 50–62.

¹²⁹ *Фенько А. Б.* Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // *Психологический журнал.* 2004. № 2. С. 34.

¹³⁰ *Ларин Ю.* Преобразование быта // *Правда.* 1920. № 232 (17 октября). С. 1 (курсив наш. — Ю. Б.).

держанию интереса к «циклическим концепциям», появившимся в 20–30 годах. В ответ на этот интерес в 1960-х годах статистическая наука ввела понятие денежной массы, а статистическая практика стала подсчитывать денежные агрегаты. Исследование природы и сущности денег начинает подменяться рассмотрением исключительно вопросов денежного обращения, причем с точки зрения их регулирующего значения в поддержании экономического равновесия, трактуемого с математизированных позиций. Ф. А. фон Хайек развил теорию денег в направлении анализа воздействия выпуска денег банками на равновесие структуры производства. В 1974 г. он вместе с Г. Мюрдалем (Швеция) был удостоен Нобелевской премии по экономике за работы по теории денег и экономических колебаний.

В США в середине 1950-х годов возникает монетаризм, который первоначально называется доктриной «чикагской школы». Сторонники монетаризма и, в первую очередь, его родоначальник М. Фридмен пропагандируют идею о свойственности рыночному хозяйству особой «внутренней устойчивости», обусловленной действием рыночных механизмов конкуренции и ценообразования. Это научное направление возникло как протест на практику кейнсианского регулирования экономики и воспринималось некоторыми оппонентами как консервативная утопия университетских профессоров. В свою очередь, сторонники монетаризма утверждали, что государственные мероприятия по стимулированию спроса, рекомендуемые кейнсианцами, не только не улучшают состояние экономики, но порождают новые диспропорции и кризисные спады.

С 1970-х годов монетаризм получил широкое распространение и привлек внимание правительств, искавших эффективные методы борьбы со стагфляцией. Наиболее известная версия монетаризма включает в себя следующие постулаты. А) Существует причинная связь между изменением количества денег в обращении и уровнем товарных цен. Б) Все крупные колебания хозяйственной конъюнктуры определяются предшествующими изменениями денежной массы. В) Государственные мероприятия экономического регулирования неэффективны в связи с наличием временных лагов между изменением денежных показателей и «реальных» факторов производства. Г) Необходимо введение системы плавающих валютных курсов для «саморегулирования» внешне-экономического равновесия.

Во многом монетаризм опирается на положения «старой» количественной теории денег, которую обычно связывают с формулой спроса на деньги И. Фишера (известной также как «чикагское уравнение»). Формула Фишера имеет следующий вид:

$$MV = PT,$$

где M — количество денег, V — скорость обращения денег, T — реальная величина транзакций, P — индекс цен.

Формула Фишера устанавливает следующую зависимость: спрос на деньги M зависит от скорости обращения денег V , реального объема транзакций T и динамики цен P .

Если объем транзакций и скорость обращения денег принять за величины на коротком отрезке времени неизменными, то получится наиболее простая трактовка формулы: спрос на деньги зависит от уровня цен. Изменения в количестве денег в конечном счете влияют на уровень цен, оставляя без изменений все остальные параметры, введенные в формулу.

Монетаризм принято рассматривать исключительно как теорию спроса на деньги. Для Фридмена деньги — это прежде всего «предмет роскоши», хранение которого возрастает по мере роста дохода и богатства в целом. На основе анализа динамики цен и количества денег в США ученый приходит к выводу, что в масштабах векового периода изменения процентного дохода не влияют на спрос на деньги. Следовательно, единственная переменная, определяющая динамику спроса на деньги на столь длительном отрезке времени, — это совокупный доход. При этом по мере его роста спрос на деньги растет с эластичностью 1,8. Фридмен полагает, что на основе этих закономерностей можно прогнозировать рост спроса на деньги и, следовательно, таким образом строить политику предложения денег центральным банком, чтобы поддерживать равенство спроса и предложения денег и стабильность цен.

Но вся эта конструкция относится лишь к чрезвычайно длительному периоду, тогда как в рамках делового цикла действуют принципиально иные, подчас противоположные, зависимости, определяющие спрос на деньги. Так, например, индивиды руководствуются в своем спросе на деньги не вековыми трендами, а ожидаемым доходом, который относительно стабилен. Поэтому индивиды экстраполируют на будущее некий средний, устойчивый доход, который они получали в течение ряда предшествующих лет. Отсюда

равномерное увеличение денежной массы в соответствии с выявленным вековым трендом и ожидаемым (средним) доходом способно относительно стабилизировать экономическую систему. Основная рекомендация монетаризма — избегать непосредственного вмешательства в течение делового цикла, выравнивая экономическую динамику с помощью равномерного поступления денег в экономику.

Таким образом, к 1970-м годам сложилось два направления в изучении денег: социально-психологическое и «механистическое». Для последнего направления доминирующим вопросом становится проблема организации денежного обращения, которая рассматривалась с двух точек зрения: технологической и эмиссионной. Изучение процессов технологичности безналичных расчетов привело в начале XXI в. к появлению новой категории — «электронные деньги», но исследование их природы подменяется «исследованием» техники и технологии расчетов в банковской системе.

«Эмиссионное» направление в изучении организации денежного обращения можно признать более плодотворным. Это направление искало пути преодоления кризиса внешнеторговых неплатежей между различными государствами. Результатом этих поисков становятся концепции создания коллективных валют, международных платежных средств: переводной рубль, эю, СДР, евро и др. В Российской Федерации в XXI в. все еще сохраняется традиционное понимание сущности денег, ярким представителем которого является Л. Красавина. Для российского ученого основным вопросом теории денег остается «выбор между меновой и воспроизводственной концепциями». Красавина почему-то уверена, что «исследование глубинных причин изменений спроса и предложения денег» поможет раскрыть их природу. С ее точки зрения, «деньги — историческая категория, стихийно возникшая с развитием товарных отношений. Попытки некоторых современных авторов представить деньги как изобретение человеческого гения или продукт государства игнорируют исторический процесс выделения из товарного мира денег как особого товара». В то же время, она признает, что современные формы денег вступают в конфликт с «определением сущности денег как особого товара»¹³¹.

---

¹³¹ «Современные деньги, как и прежде, — это обособившаяся форма меновой стоимости, посредством которой осуществляется связь между субъектами рыночной экономики, сопоставление издержек производства и обращения» (Кра-

Нельзя сказать, что в настоящее время в российской экономической науке не появляются концепции, далекие от традиционной. Так, например, Д. Егоров и А. Егорова под деньгами понимают «легитимный знак меры стоимости»: «знак-объект, замещающий (в воспринимающем его сознании) другой объект (который является значением знака). Деньги, следовательно, есть объект, *обозначающий* ту или иную меру стоимости. При этом какой именно предмет выступает носителем знака — вопрос, к сущности денег отношения не имеющий (современные электронные деньги — это информационный знак в чистом виде, но функции денег они выполняют в полном объеме). Таким образом, деньги — не товар (пусть даже универсальный); если даже конкретная монета и имеет самостоятельную товарную ценность (как слиток драгоценного металла), то это не более чем необязательное совпадение в одном объекте двух *разных* свойств: быть знаком стоимости и быть товаром»¹³².

Но дело в том, что стоимость и потребительная стоимость являются неотъемлемыми свойствами товара. Это есть предпосылка и основа экономической науки любого направления. Маркс был последователен, говоря, что деньги — это «развитый» товар, и потому они — деньги — имеют стоимость. Утверждать, что знак «обозначает» стоимость, но деньги не есть товар, это, по нашему мнению, противоречиво, это глубокое заблуждение. Что-нибудь одно — либо деньги — это товар и имеют стоимость, либо деньги — это знак и не могут «обозначать» стоимость. (С нашей точки зрения, товар тоже не имеет стоимости, а лишь ее «обозначает», стоимость товара — это представление индивидуума о возможной величине этой стоимости¹³³). В конце 2007 г. под редакцией Ю. Осипова вышла

савина Л. Н. Проблемы теории денег в экономической науке // Деньги и кредит. 2001. № 10. С. 3–4).

¹³²Егоров Д. Г., Егорова А. В. Зачем экономике синергетика? (Деньги как источник синергетических эффектов в экономических системах) // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 153.

¹³³С точки зрения К. Маркса, «цена, или денежная форма товаров, как и вообще их стоимостная форма, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно — *форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении*. Стоимость железа, холста, пшеницы, и т. д. существует, <...> она выражается в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать *существует лишь в голове*». (Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М., 1973. С. 105. Курсив наш. — Ю. Б.). «Реальный мир и мир стоимости существуют сами по себе. Первый существует вне индивида, в то время как второй

монография «Экономическая теория в XXI в.», посвященная проблеме денег. В ней 43 автора в краткой форме высказали свое представление о деньгах и путях их развития. Мнения крайне разнообразны, подчас противоречивы, но достаточно любопытны. Так, С. Турищев определяет деньги как «условный информационный эквивалент энергии и медиатор взаимодействия биосистем»¹³⁴. Другой автор — В. Ильин — верно подмечает, что «деньги неотделимы от социокультурного бытия, и <...> исследование денег есть по сути исследование жизни». Он предлагает более четко определить место денег в современном обществе и «разграничить деньги как факт экономической жизни и деньги как феномен духовно-культурных отношений»¹³⁵.

Разработка теорий денег осуществляется и в Петербургском университете. В рамках данной научной школы Б. Соколов формирует новый категориальный аппарат, позволяющий исследовать все формы денег. Он не пошел по модному сегодня технократическому «электронному» пути, а совершенствовал категориальный аппарат социально-экономического направления в раскрытии природы денег. Ученый ввел три понятия: внутренняя стоимость денег, представительная и доверительная. «Величина *внутренней стоимости* полноценных денег определяется условиями их воспроизводства. <...> *Представительная стоимость* — мера покупательной способности, которой обладают неполноценные обеспеченные деньги вследствие обмена на полноценные деньги. <...> *Доверительная стоимость* — это мера покупательной способности необеспеченных платежных требований, связанных с гарантиями приема в качестве

закладывается внутри него, в его «я». Больше этого ничего не скажешь. Но, в конце концов, этого достаточно для того, чтобы ясно подчеркнуть то, что было ясно с самого начала, а именно то, что субъективность является первопричиной стоимости» (*Московичи С. Машина, творящая богов. М., 2003 [1981]. С. 374*).

¹³⁴ *Турищев С. Н.* Феномен власти денег в биологическом аспекте // Экономическая теория в XXI веке. Вып. 6 (13): Деньги / Под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М., 2001. С. 145. — Следует отметить, что еще в XIX в. А. Миклашевский — сторонник этического направления новой исторической школы — писал об общем законе, который двигал всем развитием человечества: «закон сохранения энергии», который в экономической области проявляется в стремлении людей создать максимум благ с помощью минимальных затрат труда.

¹³⁵ *Ильин В. В.* Магия денег // Экономическая теория в XXI веке. Вып. 6 (13): Деньги / Под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М., 2001. С. 28, 30.

средства платежа со стороны государства»¹³⁶. С нашей точки зрения, такой способ исследования является плодотворным и близким к нашей концепции. Одновременно этот подход во многом коррелируется и с основными научными теориями западной экономической мысли, изучающими природу денег с социально-психологических и социально-экономических позиций.

В 1980-х годах возрастает интерес к раскрытию социальной роли денег, которая противопоставлялась экономическому значению денег. Так, К. Поланьи, а вслед за ним и Н. Глух, начинают делить деньги на «экономические» и «институциональные». С их точки зрения, «настоящие экономические деньги» возникают и существуют для обслуживания разделения труда. Они выполняют как минимум две функции — обмена и платежа. Достаточным условием существования денег является наличие их обеспечения либо определенной ценностью (товары, золото), либо законностью и стабильностью власти. «Институциональные» деньги не являются «настоящими», так как этот вид денег обслуживает определенный социальный или социально-экономический институт. Они не являются элементом рыночного механизма и отрываются от процесса производства¹³⁷.

Это противопоставление социального и экономического, реального и символического проявилось особенно ярко в работах Ж. Бодрийяра. Для него «институциональные» деньги — это устойчивая социальная реальность, которая «конструируются» одними людьми и воспринимается другими как физическая объективная реальность. К такой социальной «реальности» относятся международные финансовые рынки, рынки капитала и денежные рынки. Ряду национальных валют придается статус международной ликвидной единицы, и они используются не столько для перетекания капитала и выравнивания уровней производства, сколько для денежной спекуляции и закрепления социального неравенства на международном уровне¹³⁸.

---

¹³⁶ Соколов Б. И. Виды денег // Деньги. Кредит. Банки: Учебник. 2-е перераб. и дополн. изд. / Под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М., 2006. С. 43.

¹³⁷ Глух Н. А. Деньги, торговля и рынки в американской экономической антропологии // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 1997. № 6. С. 48.

¹³⁸ «Отрыв денежного знака от всякого производства: деньги вступают в процесс неограниченной спекуляции и инфляции. Для денег инфляция — это то же самое, что повышение зарплат для рабочей силы. <...> Сегодня деньги

Присутствие в денежных теориях такого рода противопоставлений можно классифицировать как противопоставления двух категорий: «деньги как средство» и «деньги как цель». В первом случае деньги рассматриваются как атрибут экономических отношений, инструмент денежного обращения. Во втором — как элемент социальных отношений, средство финансовых спекуляций. Еще в начале нынешнего столетия известным экономистом Парето было обращено внимание на то, что объемы финансовых соглашений намного опережают число реальных товарных сделок. Академик Д. Львов обращает внимание на то, что сегодня разрыв между финансовыми и товарными рынками настолько усилился, что первые теряют непосредственную связь со вторыми. Каждый из них как бы живет своей жизнью. С его точки зрения, современная мировая система представляет собой своеобразную перевернутую пирамиду. «Узкое ее основание — финансы, обслуживающие реальный сектор (поток товарных благ). На их долю сейчас приходится не более 10–12% общего оборота мировых финансовых ресурсов. Весь остальной денежный капитал находится в свободном плавании, не имеет реального материального наполнения. Это — рынок, где деньги делают деньги, то есть рынок игроков в рулетку»¹³⁹.

6. ПЕРСПЕКТИВЫ СИНТЕЗА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ДЕНЕГ

Этот этап представляет собой непроявленный потенциальный уровень системы теории денег, которому еще только предстоит вернуться. Доминирующим методом исследования является антропокосмологический; он должен включать в себя все четыре предшествующих метода. Наука на первоначальных этапах развития, изучая макрокосмос, носила космологический характер. Проходя свое становление, она теряла космологичность. Сегодня наука, проникая в тайны человека (микрокосмоса), вновь приобретает свое космологическое значение. Это становится возможным, поскольку

делают новый шаг — становятся неподвластны даже меновой стоимости. Освободившись от самого рынка, они превращаются в автономный симулятор» (*Бодрияр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 75–76).

¹³⁹ *Львов Д. С.* Экономический манифест — будущее российской экономики. М., 2000. С. 16.

макрокосмос подобен микрокосмосу. Как писал А. Лосев, «то, что имеется в космосе, имеется и в человеке, а то, что есть в человеке, имеется и в космосе. Макрокосмос и микрокосмос — одно и то же»¹⁴⁰.

Такой же концепции придерживался и С. Булгаков. «Всякий живой организм, как тело, как организованная материя, находится в неразрывной связи со всей вселенной в качестве ее части, ибо вселенная есть система сил, взаимно связанных и взаимно проникающих одна другую, и нельзя сдвинуть песчинку, уничтожить хотя один атом без того, чтобы не подвиглась — в той или иной форме и степени — вся вселенная»¹⁴¹.

Антропо-космологический метод способен сформулировать «единый закон жизни», поскольку основное внимание начинает уделяться анализу фундаментальной роли человеческого фактора в управленческо-организационных процессах. Общественные науки все больше уделяют внимание изучению условий и принципов человеческой жизни, происходит трансформация направления исследований от абсолютного знания интересов общества к идее ценности человека. Целостное познание индивида есть основная задача антропологии, которая возникла на основе этнографии под влиянием философии и социологии. Как отмечал Г. Зиммель, «рациональному объяснению науки об обществе» должно предшествовать «постижение той множественности, которую индивидуальный человек представляет уже сам по себе и в себе»¹⁴².

На пятом этапе теория денег оперирует научными результатами многих наук, поскольку жизнедеятельность человека может быть объяснена комплексом социальных, гуманитарных и ряда естественных наук. Смена этапов принципиально изменила и подход к изучению человека. Если на начальных этапах развития наука изучала место и роль человека в «системе-мире», то сегодня наука имеет возможность перейти к исследованию феномена «мира-системы» в человеке¹⁴³.

---

¹⁴⁰ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 1994. С. 494.

¹⁴¹ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. С. 64.

¹⁴² Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. М., 1909. С. 15.

¹⁴³ В античной философии понятиям «система-мир» и «человек» соответствовали категории «макрокосмос» и «микрокосмос». Ранняя греческая философия была космологической, поскольку философы до софистов в основном размышляли о философии Природы.

Изучение человека в структуре «системы-мира» предполагало наличие различных предметов исследования, т. е. многообразие наук и, соответственно, методов исследования, в то время как изучение структуры «мира-системы» в человеке унифицирует предмет исследования для всех наук — общие принципы человеческого бытия и формы их проявления на различных стадиях жизни общества и различных его социальных групп.

Человечество близко подошло к пониманию себя во всем своем физическом, гендерном, возрастном, культурном, этническом, экономическом, политическом и социальном многообразии. В свою очередь, многообразие феномена человека обуславливает необходимость поиска единого кода, который мог бы непротиворечиво раскрыть это многообразие.

Нахождение данного кода возможно с использованием свойств фрактальности — тождественности. Вселенная фрактальна, и ее часть — социально-экономическая система — тождественна ей. Социально-экономическая система фрактальна, и ее часть — человек — тождественен ей. Человек фрактален, и его часть — мозг — тождественен ему. Изучение законов Вселенной поможет раскрыть законы функционирования мозга, а раскрытия тайн мозга приведет к раскрытию тайн Вселенной. В таком случае психический аспект поведения индивидуума сольется с социальным, наука о мозге сумеет пояснить поведение ума, а наши интеллектуальные и даже эмоциональные программы, записанные в нашем мозгу, станут понятными для ума, и тогда эти два понятия (ум и мозг) сольются в научной теории — теории о Человеке¹⁴⁴.

К настоящему времени еще не сложилось целостной концепции человека, поскольку пока формируется некий единый принцип исследования, применимый для всех наук, образующих систему. В таком случае следует ожидать и создание единой картины мира, в центре которой будет поставлен человек с присущей ему двойственностью, что позволит сформировать более реальную модель социальной действительности, являющейся человеческой в своей основе.

В пределах «чистой» экономики ничего принципиально нового о природе и происхождении денег уже не сказать. Необходим

---

¹⁴⁴ Американский нейрофизиолог Дж. Экклз пришел к выводу о невозможности объяснения целого ряда явлений мозга, не прибегая к категориям «духа» и «Бога». (Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 10).

выход за рамки собственно экономического знания и самого экономического мира, чтобы предложить нечто действительно новое. Наступило время перехода от изучения человека в системе денежных отношений к исследованию системы-денег в Человеке.

Можно сформулировать базовый антропо-космологический принцип исследования денег так: все явления, которые созданы человеком или же включены в сферу его жизнедеятельности, должны быть рассмотрены через призму основных качеств человека и во взаимодействии с ними.

Деньги — это совокупность: а) непроявленных потенциальных форм, непроявленной семантики скрытых в едином начале и б) функциональных форм. Иными словами, если мы предполагаем, что деньги — это одновременно познаваемое и непознаваемое явление, а с этим согласны многие ученые¹⁴⁵, то цель теории денег пятого этапа — сократить эту дистанцию. Уменьшить метафизическую связь между видимым и невидимым, открытым и непознанным становится возможным тогда, когда мы предположим, что чувственное (познанные функциональные формы) есть «отблеск», рефлексия истинного (непроявленных потенциальных форм).

Сокращение дистанции между рациональным знанием и иррациональным предполагает, что человек изучается как многообразное и целостное явление, но в то же самое время двойственное.

Рациональная часть познания: деньги-символ — это закрепленное в *уме* человека некое представление. Деньги-символ есть продукт нашего сознания, нашего *ума*. И потому деньги управляемы нами. Иррациональная часть: деньги-символ создаются внутрен-

---

¹⁴⁵ «Деньги хоть и на поверхности и среди нас, и в наших руках, но они не менее трансцендентны, чем стоимость. <...> Деньги — это тайна! Конечно, не настолько, чтобы не знать и не узнать их, но ровно настолько, чтобы до конца не раскрыть их содержания, внутреннего мира, — своеобразного внутреннего космоса» (Осипов Ю. М. Курс философии хозяйства: Свод лекций. Лекция восьмая: Деньги // Философия хозяйства. 2001. № 3. С. 208).

А. А. Шептун считает, что деньги — это «тайна», и, чтобы проникнуть в «тайну» денег, понять их природу и роль в обществе, необходим философский подход, необходимы новые инструменты мышления (Шептун А. А. Философия денег // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 181).

«Деньги — постижимо-непостижимый феномен, агент вселенского кризиса, несущий в себе тайный приговор социуму, человеку, самой судьбе, величайший друг и величайший враг человека и Бога» (Шулеский Н. Б. Деньги как метаэкономический феномен // Экономическая теория в XXI веке. Вып. 6 (13): Деньги / Под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М., 2001. С. 40).

ним миром человека, т. е. его *мозгом*. Деньги-символ существуют независимо от нас, и потому недоступны во всей своей полноте нашему сознанию. И поэтому деньги управляют нами.

Как доказали нейрофизиологи, обработка информации в коре головного мозга ведется с помощью взаимодействия автоволн: возбуждения и торможения, охватывающих обширные его участки, а не путем активности отдельных нейронов. Если мышление — это волновое движение, то, согласно концепции Л. Шелепина, при анализе поведения биологических и социальных систем (Человек) возможно использование некоторых физических концепций — например, концепции когерентности, т. е. согласованное по фазе волновое движение¹⁴⁶. Такие подходы могли бы оказаться перспективными не только в трактовке общих принципов устройства и работы нервной системы и мозга и не только в описании процессов формирования общественного мнения (о чем говорит Шелепин), но также и в описании социально-экономических явлений — в частности, таких как деньги.

Деньги — это слово, содержанием которого является число; число, которое находится только в сознании. Исходя из этого можно сказать, что мозг, в первую очередь, не орган логического мышления, а орудие борьбы за существование, оказавшееся более мощным, чем клыки, бивни и когти. В наше время новые знания о способах создания и существования денег — это орудие борьбы. Деньги — это квантовые системы, ведущие себя как стабильные носители социальной информации.

---

¹⁴⁶ Шелепин Л. А. Когерентность. М., 1983. 63 с.

Глава четвертая

Деньги-символы

1. СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ

Поскольку деньги являются продуктом социального взаимодействия людей, то сначала раскроем суть этого взаимодействия, затем покажем структуру социального разделения труда и в заключение — процесс создания денег как символического блага.

Существуют различные представления о сути социальных отношений. Некоторые склонны идеализировать их, приписывая им свойства кооперации, взаимопомощи, партнерства, сочувствия, уважения, любви и т. д. Степень романтизации социальных отношений определяется, в основном, психико-физиологическими характеристиками общающихся индивидов. Например, немецкий экономист Г. Шмоллер, опираясь на психологию и социологию, пытался доказать, что «чувства справедливости постоянно уплотняются и господствовать начинают отношения соглашений, которые все более влияют на народно-хозяйственные учреждения, видоизменяя их»¹. В мировом сообществе все более пропагандируется учение миллениаризма, раскручивается очередной виток борьбы с бедностью и голодом.

Мы считаем, что социальные отношения суть комплекс всех видов отношений, в том числе и любви, и дружбы, но необходимо и должно говорить о тех отношениях, которые лежат в основе это-

---

¹ Шмоллер Г. Ф. Наука о народном хозяйстве. Ее предмет и метод. М., 1897. С. 73.

го комплекса и формируют содержание социальных отношений. С нашей точки зрения, сутью социальных отношений являются подавление и угнетение.

Такой трактовки содержания социальных отношений придерживаются многие известные ученые: П. Струве, П. Сорокин, К. Маркс, Г. Зиммель, Ф. Бродель. Так, П. Струве, характеризуя социальные отношения, пишет: «В тесном смысле слова отношениями социальными мы назовем отношения властвования или господства <...> Социальным укладом или строем мы называем строй между человеческих отношений господства и подчинения, слагающихся по поводу <...> культурных содержаний человеческой жизни»². Аналогичное утверждение находим у К. Маркса: «Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся на <...> непосредственных отношениях господства и подчинения»³. Немецкий социолог Г. Зиммель также отмечает, что «судьбу каждого человека можно в известном смысле рассматривать как непрерывную смену состояний принуждения и произвольности, обязательства и свободы»⁴. В другом месте у Зиммеля находим, что «грабежи и убийство, ложь и насилие во всех видах в прежние времена <...> были неизбежным средством культурного развития, так как, с одной стороны, они производили отбор сильных и умных, с другой стороны — становились средством, ведущим к тирании и порабощению, благодаря которому впервые происходило дисциплинирование масс и установление разделения труда между ними»⁵. П. Сорокин пишет, что «принудительность свойственна большинству организованных коллективных единств»⁶.

Общество никогда не бывает гомогенным, его структура изначально определяется принципом двойственности, которая вытекает из сути социальных отношений — насилия и угнетения. Социальная

---

² Струве П. Б. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 10.

³ Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М., 1973. С. 89.

⁴ Зиммель Г. Два отрывка из «Философии денег» // Жизнь: Литературный, научный и политический журнал. СПб., 1899. № 7. С. 99.

⁵ Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологическое и психологическое исследование. М., 1909. С. 58.

⁶ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2: Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. С. 156.

дифференциация проявляется в том, что всегда имеются две группы: верхняя и нижняя страги, сильные и слабые люди, руководители и ведомые, «княжье» и «людь»,⁷ между которыми складываются взаимоотношения господства и подчинения. Примечательным подтверждением в этом отношении являются древнерусские ранние письменные памятники: княжеские внешнеторговые договоры и грамоты. Например, в договорах Олега с Византией дается деление населения Руси того времени на господствующие и подчиненные группы.

Социальная дифференциация основывается по большей части на элементарном «естественном» психико-физиологическом неравенстве между людьми. В. Парето подчеркивает, что «социальная гетерогенность, являющаяся существенным признаком социальной системы, предопределяется *изначальным* неравенством индивидов»⁸. По этому же поводу бельгийский социолог де-Грееф писал: «Зачатки этих неравенств находятся в простейших общественных формах; они не обязаны своим возникновением случаю, несчастью, или катастрофе, — они составляют *часть самого механизма* социальной эволюции»⁹.

Социально-экономические теории страдают неопределенностью относительно источника господства и вытекающей из него общественной иерархии. Некоторые находят в Природе отношения иерархии и господства — идет ли речь о стае птиц или о ситуации «господствующих самцов» в стаях обезьян. Другие теории считают общественную стратификацию укорененной в Культуре. В любом случае предпосылки социальной дифференциации общества можно найти как в Природе, так и в Культуре. Так, П. Преображенский пишет, что факт социального неравенства необходимо искать в напряженности, существующей между «первобытным человеческим обществом и природой, на которой это общество на первых порах своего существования паразитирует благодаря младенческому со-

---

⁷Выражение «княжье и людь» заимствовано нами из работы П. Б. Струве «Социальная и экономическая история России» (Париж, 1952). Термины «княжье» и «людь» являются древнерусскими собирательными наименованиями, соответственно, представителей княжеского рода и свободных людей, составивших народ.

⁸История социологии в Западной Европе и США / РАН; Ин-т социально-политических исследований. — М., 1999. С. 246 (курсив наш. — Ю. Б.).

⁹Грееф-де. Основные законы развития общества / Перев. с франц. Л. С. Зака. СПб, 1895. С. 20 (курсив наш. — Ю. Б.).

стоянию своей техники, и [приводящей] к напряженности, рождающейся внутри самого общества, когда в нем начинается сегрегация сильнейших и способнейших, выражающаяся в выделении более сильных воинов и охотников, с одной стороны, и более знающих колдунов, с другой»¹⁰.

Большая группа ученых указывает на различия в психо-нейронной деятельности человека как источник возможного лидерства. Так, Н. Баженов поясняет наличие сильных и слабых, господствующих и подчиненных, основываясь на различиях в их *мозговой* и *нервной* деятельности¹¹. Н. Кольцов в 1920-е годы развивал идею об избранности некоторых людей, составлявших тогда партийную верхушку, которым, как он пишет, свойственно «органическое влечение к власти», определяемое психическим генотипом человека¹². Т. Морган считает, что развитая психологическая деятельность является постоянно повторяющимся биологическим фактом, который передается по наследству и имеет тенденцию институализироваться, превращаясь в социально-экономический факт¹³. П. Сорокин

---

¹⁰ Преображенский П. Реализм примитивных религиозных верований // Этнография. 1930. № 3. С. 9–10.

¹¹ «В основе всякого социального и политического устройства лежат не исторические antecedенты страны и не экономические интересы, а мозг, нервы и антропологическая характеристика ее граждан» (*Баженов Н. Н.* Психология и политика. М., 1906. С. 13).

¹² «Влечение к власти, самое сложное из органических влечений. То же самое стремление к власти и организаторству выливается у революционеров. Нервно-психическая расцветка здесь совершенно иная, но органическое влечение то же, и человек, не имеющий врожденного влечения к власти и к организаторской деятельности, т. е. к управлению другими людьми и историческим ходом событий, может быть, и станет рядовым социалистом, но во главе революционного движения не окажется. <...> Есть еще одна психическая особенность, имеющая близкое отношение к общественной жизни: это воля к власти. Мы замечаем эту особенность главным образом у многих крупных животных, преимущественно у самцов. Несомненно, она играет важнейшую роль в борьбе за существование как между разными видами, так и в пределах одного и того же вида. <...> В человеческом обществе воля к власти ярко характеризует всех вождей на разных поприщах деятельности. <...> Болезненные усиления этого влечения наблюдаются нередко в юношеском возрасте, когда достигает зрелости половая железа. <...> Позднейшее угасание общественного влечения стоит в связи с развитием какой-то эндокринной железы, может быть, именно половой» (*Кольцов Н. К.* Генетический анализ психических особенностей человека // Русский евгенический журнал. 1923. Т. 1. Вып. 3/4. С. 258, 266).

¹³ «У человека имеется другой фактор, играющий величайшую роль в жиз-

утверждает, что социальная стратификация общества осуществляется, в том числе, и на тождественности психической конституции индивидуумов. «Если индивиды, составляющие социальный агрегат, не вполне тождественны друг с другом, тем не менее, в конкретных случаях возможно группировать их согласно большей или меньшей гетерогенности, которая существует между ними согласно их *физическим, психическим, интеллектуальным* и др. свойствам»¹⁴.

В любом случае, количественный и качественный состав той или иной социальной страты зависит от природных способностей и, в первую очередь, от психологических особенностей ее членов, а это, в свою очередь, определяет их общественное положение на той или иной ступени общественной лестницы.

Социальный мир устроен согласно закону психологии, по которому одни ищут защитников и лидеров, а другие становятся ими¹⁵. Народ всегда ищет покровителя, образ которого мифологизируется, и находит свою социальную «нишу» в структуре общественных отношений. Достаточно вспомнить распространенные и поныне существующие легенды об «избавителях». Смысл подобных преданий заключается в ожидании «мессии», который даст простому народу

ни человека и прогрессе. Я подразумеваю социальное и экономическое наследие. <...> Он (человек. — Ю. Б.), благодаря обладанию прекрасной памятью и речью, искусству писать, делается жизнестойким, <...> каждое последующее поколение снабжается достижениями предыдущих» (*Морган Т. Х.* Наследственность у человека // Русский евристический журнал. 1925. Т. III. Вып. 2. С. 112).

¹⁴ *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 2: Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. С. 62 (курсив наш. — Ю. Б.).

¹⁵ Необходимо отметить, что длительное время в советской социально-экономической литературе социальное господство и лидерство выводилось из производственных отношений. Ограничимся одним примером. «В то же время коллективный труд, требующий определенной организации, ведет и к расчленению внутри самой общественной среды охотника, выделяя организующее начало. <...> При коллективной охоте на крупного зверя требуется организованный труд. Последний неизбежно выделяет слой руководителей охоты, опытных и авторитетных в данного рода производственной деятельности. <...> Таким образом, руководители коллективной охоты, все еще основного вида производства верхнего палеолита, становятся руководителями всей жизни охотничьего общества» (*Мещанинов И. И.* Верхний палеолит: Социально-экономическая среда, обуславливающая оформление членораздельной звуковой речи // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1931. Т. 11. Вып. 1. С. 14–15).

свободу и независимость. Конкретные лица были и могут быть разными, но социальная роль у них одна. Например, спасшийся чудесным образом царевич Димитрий, который в свое время должен был бы прийти на престол и наказать несправедливость. Ходили слухи о приходе Константина Павловича — избавителя. Самый распространенный мотив, в который верил народ и который искусственно подерживался в его сознании, — наказание царем-батюшкой несправедливых бояр.

Н. Баженов ярко описывает этот феномен. «Неправда, будто большинство желает выражения своей воли и своей мысли. Объективные наблюдения учат совершенно иному: огромное большинство жаждет подчинения, ждет приказа; основная черта масс — внушаемость и подражательность <...> В силу этого основного закона психологии, по которому все человечество делится на две весьма неравномерные группы — на малое число внушающих и на огромное большинство внушаемых, всякий вид власти, всякий вид общественного или политического уклада, какое бы имя он ни носил — деспотия или республика, монархия ограниченная или конституционная, сводится в конечном счете к одной и той же форме — к олигархии»¹⁶. В 1920-х годах, эпоху социальных потрясений и трансформаций, генетик Н. Кольцов писал: «Конечно, осталось достаточное количество людей, готовых подчиниться всякому режиму, лишь бы только сохранить свою драгоценную жизнь, так как в человечестве всегда были и теперь имеются и еще надолго сохранятся *прирожденные рабы*»¹⁷.

Какую же окраску носят эти психические особенности, которые поднимают тех или иных индивидуумов на верхний уровень? Этот вопрос достаточно хорошо разработан, и ответ на него — наличие у индивидуума агрессивности. Одним из свойств человеческой психики, закрепляющим за субъектом господствующие позиции, является агрессивность. Социо-психологи доказывают, что на 70% лидерство в замкнутом коллективе определяется агрессивностью характера. В. Парето, перечисляя некоторые свойства, которыми, по его мнению, должны обладать правители, указывает в первую очередь на агрессивность, затем — авторитарность, склонность к при-

---

¹⁶ Баженов Н. Н. Указ. соч. С. 13.

¹⁷ Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 9 (курсив наш. — Ю. Б.).

менению насилия и т. д.¹⁸ Академик Т. Заславская к качествам, способствующим лидерству («восходящей социальной мобильности»), причисляет: молодость, энергию, волю, амбициозность, наличие организаторских способностей, готовность к риску, физическую силу. И только в конце списка она называет агрессивность и моральную неразборчивость¹⁹.

Становление общества аналогично развитию человека, для которого в юношеском возрасте характерна биологическая агрессивность²⁰. Агрессивность является одной из естественных психобиологических характеристик архаических социумов, и не в последнюю очередь ее развитие связано с социально-пространственной неоднородностью системы-среды²¹. В примитивных обществах лидер определялся в сражении с наиболее агрессивным животным — быком, что являлось своеобразной проверкой сакральной силы «священного» лидера. В дальнейшем убийство быка трансформировалось в сакральный обряд его жертвоприношения. В Древнем Египте бык — это символ мужской силы. В античное время бык являлся символом верховной власти²². Оттого столь часто мифо-

---

¹⁸История социологии в Западной Европе и США / РАН; Ин-т социально-политических исследований. М., 1999. С. 248.

¹⁹*Заславская Т. И.* Социальная структура современного российского общества // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 8. — Интересно отметить, что в этой же статье автор сокрушается о незначительном влиянии в советском обществе культурного потенциала на социальную стратификацию: «Верхушка правящего класса в СССР была представлена недостаточно образованными людьми». Академик Заславская, по-видимому, и не подозревает, что именно этот-то «потенциал» как раз и оказывает гораздо меньшее влияние на формирование социального ранга, чем агрессивность.

²⁰Результаты одного исследования показывают, что «осужденные юноши с высоким статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии склонны к открытой агрессии» (*Масагутов Р. М., Ениколопов С. Н.* Показатели агрессивности у заключенных юношей с различным статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии // *Психологический журнал*. 2004. № 1. С. 123).

²¹«У. Дарэм рассматривает хозяйственные системы как ведущий фактор, определяющий развитие агрессивного поведения в традиционных обществах. По его мнению, различное использование средовых ресурсов приводит к формированию различного отношения к территории и разным потребностям в кооперации и конкуренции между членами группы» (*Бутовская М. Л.* Указ. соч. С. 130).

²²П. Лафарг пишет: «Эллины были в древности народом пастушеским, как это явствует из множества самых различных по смыслу слов, имеющих корень *bous* (бык); таковы *bougeron* (старец), *bouleutes* (член совета), *boulaios* (председательствующий в совете), *boule* (собрание), *boulomachos* (воинственный) и

логические сюжеты связаны с превращением божества в быка или с угоном стада быков. До сих пор в некоторых традиционных обществах религиозные обряды осуществляют в священном для них месте — загоне для быков.

Агрессия может быть естественная и ритуальная. Смысл агрессии любого вида — это создание социальной напряженности. Ритуальная агрессия является внутригрупповой и заменяет собой естественную, имитируя ее. Она принимает формы танца, борьбы, иных единоборств и не наносит физического ущерба его участникам, сохраняя при этом свое социальное значение²³. Проводившиеся в Древней Греции Олимпийские игры в действительности являлись ритуальными военными состязаниями, воспевавшими жестокость и не имевшими ни правил, ни запретов.

Внешняя агрессия реализуется в межгрупповых отношениях в форме военных действий. Для управления социумом, создания социального напряжения верхние ранги навязывают и поддерживают инстинкт «традиционной вражды», образ «внешнего врага»²⁴. Как отмечают социальные антропологи, «представления о таком «враге» формируются на самых ранних стадиях социогенеза, а не в эпоху возникновения ранних политических объединений, когда война становится одним из основных видов общественной деятельности»²⁵. По этому же поводу П. Сорокин писал: «Всю-

---

т. п. (*Лефаре П.* Происхождение собственности в Греции // *Очерки по истории культуры.* М., 1928. С. 93–117).

²³ «Применение ритуальных форм агрессии может служить хорошей разрядкой внутригрупповой напряженности и объективно не опасно» (*Бутовская М. Л.* Указ. соч. С. 130).

²⁴ «Всякую болезнь, смерть и другие беды австралийцы норовили приписать колдовству людей чужого племени, чужой общины. Чаще всего подозрение падало не на определенное лицо, а на чужую группу. Реальная вражда и воображаемый вред сплетается в одном отрицательном чувстве к чужим» (*Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 99–100).

²⁵ *Бочаров В. В.* Антропология насилия // *Антропология насилия: Научное издание / И-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, СПбГУ; отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков.* СПб., 2001. С. 507.

«Авторитетный американский этнограф Дж. Даймонд, обобщив свои многолетние наблюдения и критически осмыслив данные коллег, резюмировал: «В обществе с племенным укладом <...> большинство людей умирают не своей смертью, а в результате преднамеренных убийств» (*Назаретян А. П.* От будущего — к прошлому (размышление о методе) // *Общественные науки и современность.* 2000. № 3. С. 143).

ду «правлящие» правят «управляемыми» путем насилия и хитрости»²⁶.

Применение физического насилия по отношению к «врагу» создавало высокий престиж, обретение которого было главным мотивом в организации поведения представителей примитивных обществ. Первоначально эти «набеги» не имели рациональных мотиваций (захват территории или материальных благ)²⁷. Они как внешняя форма насилия имели исключительно социальное значение — формирование иерархической структуры общества, завоевание рангового статуса и его подтверждение. В примитивных объединениях социальная стратификация в первую очередь вытекает из воинской организации, в которой сильные люди являются военачальниками. Свою воинскую силу они превращают в орудие политического и экономического могущества, последнее проявляется в обладании натуральным или денежным капиталом, иными словами — богатством.

Длительный, сложный и противоречивый процесс социальной дифференциации проходил не только внутри общин, но и между ними, в условиях частых военных столкновениях, грабежей и т. д.

Структурная дифференциация общества создает предпосылки для экономической эксплуатации, при которой верхняя группа присваивает часть труда остальных групп общества. Постоянное стремление к обогащению является имманентной характеристикой верхней страты социума любого типа (архаического, индустриального, постиндустриального, информационного и т. п.).

Социальное неравенство есть основа экономического неравенства. Определенный социальный статус индивида делает возможным его экономическое обогащение. Богатство отражает социальный статус, поскольку именно наличие определенного социального статуса открывает путь к обогащению. Как пишет П. Бурдьё, «богатство может проистекать из военной силы или же из влияния на общественное мнение»²⁸.

Выявление взаимосвязи между социальным статусом и возможностью экономической эксплуатации является важной посылкой для понимания процесса происхождения и природы денег. Но по-

---

²⁶ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 155.

²⁷ Бочаров В. В. Указ. соч. С. 506.

²⁸ Бурдьё П. Мир как взаимопревращение форм капитала // Эксперт «Сообщение». 2004. № 11. С. 56–57.

сколькx направление этой взаимосвязи определено и не требует особого доказательства, мы ограничимся лишь примерами, иллюстрирующими данное положение. Так, советский социальный антрополог С. Токарев описывает соотношение социального статуса и богатства, существовавшее в меланезийском обществе. «В меланезийском понятии богатства почти совершенно отсутствует элемент, так сказать, благосостояния, комфорта, прямого использования потребительных ценностей в целях физического удовольствия и т. п. Богатый меланезиец по внешнему образу жизни может совершенно не отличаться от бедного. Понятие богатства в Меланезии всецело заключается в моменте социального престижа, повышенного авторитета и влияния в общественной жизни»²⁹. Л. Васильев указывает, что «динамика развития социальной дифференциации, которая связана с развитием производительных сил, показывает взаимосвязь имущественного и социального положения индивида при ведущей роли социального фактора. На ранних этапах развития именно социальные привилегии были залогом имущественного неравенства»³⁰. Тезис о том, что величина богатства определяет социальный статус, не совсем точен. Отметим, что для обществоведения советского периода данная точка зрения была достаточно широко распространена. К. Колобова пишет, что «богатство, иначе «владение средствами производства» (экономический аспект), влечет за собой в силу этого экономического превосходства господство над людьми, власть (момент политический)»³¹.

Ф. Бродель также подчеркивал, что социальное расслоение есть источник экономического неравенства. «Быть может, наиболее четко выраженной характеристикой таких супергородов было раннее и сильное социальное расслоение. <...> В общем патрициат и пролетариат «расхотились», богатые становились более богатыми, а бедняки еще более нищими, ибо вечной бедой перенапряженных капиталистических городов была дороговизна, чтобы не сказать бесконечная инфляция. Последняя проистекала из самой при-

---

²⁹ Токарев С. А. Общественный строй меланезийцев. К вопросу о происхождении класса и государства // Этнография. 1929. № 2. С. 6.

³⁰ Васильев Л. С. Социальная структура и динамика древнекитайского общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1968. Кн. 1. С. 478, 484, 489.

³¹ Колобова К. М. Опыт палеонтологического анализа терминов власти // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1931. Т. 11. Вып. 2. С. 3–4.

роды высших функций города, предназначение которых — господствовать над прилежавшими к городу экономиками»³².

В. Парето подчеркивает, что «классы, именуемые высшими, как правило, оказываются также и наиболее богатыми. Эти классы образуют элиту, или «аристократию», в этимологическом смысле: *aristos* — лучшие»³³. К сожалению, столь очевидный факт разделяется не всеми исследователями. Так, например, Т. Заславская убеждена, что «дифференциация доходов образует основу социальной стратификации, во всяком случае в современной России»³⁴.

Процессы социального расслоения и экономической эксплуатации тесно взаимосвязаны. Безусловно, при доминировании первого они определяют друг друга. Так, институализация власти сопровождается трансформацией существовавших ранее экономических отношений, их приспособлением к новым властным структурам. В свою очередь, достижение определенного уровня богатства приводит к усложнению социальной стратификации общества. А появление новых градаций позволяет перейти на следующую ступень экономического развития. Экономическая эксплуатация становится возможной при наличии четких социальных границ. «Размытость» последних приводит к уменьшению величины присваиваемого труда. Снижение степени эксплуатации входит в противоречие с внутренним свойством элиты к постоянному обогащению, что вынуждает ее «метить» и охранять свои социальные границы.

Структура в традиционных обществах определяется гендерными и возрастными различиями. Мужчины в целом составляют группу людей с более высоким статусом, женщины — более низким³⁵. На начальных этапах развития общества мужские группы как группы более высокого ранга эксплуатировали женские. Жена рассматривалась в архаическом обществе не как субъект семейных отношений, а как фактор производства, который, по традиционным для того времени нормам, можно было одалживать, предлагать другим мужчинам в обмен на охотничью добычу или какие-нибудь

---

³²Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 23.

³³Теоретическая социология: Антология. В 2-х ч. Ч. 1 / Пер. с англ., фр., нем., ит.; Сост. и общ. ред. С.П. Беньковской. М., 2002. С. 265.

³⁴Заславская Т. И. Указ. соч. С. 15.

³⁵Как отмечает П. Сорокин, с женской половой группой сочеталась обделенность в правах, с мужской — привилегированность, женщины оказались подвластными, мужчины — властителями (Сорокин П. А. Указ. соч. С. 128).

вещи. Этим объяснялась и полигамия, благодаря которой муж мог присваивать больше труда своих жен. Существовала прямая зависимость между социальным статусом мужчины и количеством у него жен. У отдельных мужчин (в среде австралийских аборигенов) было до 20–25 или даже 29 жен³⁶. Многие антропологи сообщают, что женщины у австралийских аборигенов работали гораздо больше и тяжелее, чем мужчины. Так, например, «мужчины постоянно заставляют ловить рыбу женщин, а сами спят или просто отдыхают в это время на стоянках»³⁷. «В Центральной Австралии мужчины много времени проводят на стоянках, иногда вообще ничего не делая, женщины же целый день заняты поиском пищи <...> Во время обычных переходов аборигенов с одной стоянки на другую женщины несут все пожитки, а также маленьких детей, мужчины же идут налегке»³⁸. «Настоящего рабства здесь (в Меланезии. — Ю. Б.) нет. <...> В чем здесь дело? — Мне думается, здесь прав был Нибур, указывавший <...> на крупную хозяйственную роль женщин как на фактор, задерживающий развитие рабства. В самом деле, располагая в лице своих жен «даровой» рабочей земледельческой силой, меланезиец может и не ощущать особой потребности в привлечении в свое хозяйство добавочных рабочих рук»³⁹. «Бедуин сам доит своих верблюдов и кормит коней, но очень часто мужчина слагает с себя и эту обязанность и проводит целые дни в праздности, предоставляя женщинам и уход за скотом, и ухаживание за его собственной драгоценной особой»⁴⁰.

Эта ситуация, при которой социально сильный субъект экономически эксплуатирует социально слабого, есть постоянно повторяющаяся и сама себя воспроизводящая. Так, по данным института Экономики РАН, разница в доходах между 20% населения мира, живущего в высокоразвитых странах, и 20%, живущих в беднейших странах, составляла в 1960 г. — 30:1, в 1990 г. — 60:1, а в 1997 г. — уже 74:1. На страны Организации экономического сотрудничества

³⁶ Berndt R. M. The World of the First Australians. Sydney, 1977. P. 202.

³⁷ Артемюва О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине: По австралийским этнографическим данным. М., 1987. С. 59.

³⁸ Чудинова О. Ю. Мужчины и женщины в обществе аборигенов Австралии // Пути развития Австралии и Океании: История, экономика, этнография. М., 1981. С. 225, 226.

³⁹ Токарев С. А. Указ. соч. С. 14.

⁴⁰ Погодин А. Прimitивные формы общественного быта // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. январь. С. 124.

и развития (с 19% мирового населения) приходилось 82% мирового объема продаж и 68% всех прямых иностранных инвестиций⁴¹. По информации газеты «Нью-Йорк Таймс» от 17 апреля 1995 г. 40% всех богатств США принадлежат 1% населения⁴².

2. ГЕНЕЗИС ДЕНЕГ-СИМВОЛОВ

Суть социальных отношений выражается в социальном разделении труда, а структурная дифференциация общества определяет его структуру⁴³. «Быть мужчиной или женщиной — значит выполнять неодинаковые функции в разных социальных системах. Не одинаковы функции, предписания, обязанности, которые общество накладывает на представителей разных поколений, разных возрастных групп»⁴⁴.

В социальном разделении труда мы можем выделить два вида деятельности: производство реальных и создание символических благ. Социальное разделение труда — это разделение труда, в котором, с одной стороны, элита обязана создавать, охранять и передавать символы и, с другой, — иные страты социума производят реальные блага. Элита сосредотачивает в своих руках все виды символической деятельности. Этнографические наблюдения свидетельствуют, что в традиционных обществах женщины и дети как носители низкого социального ранга отстраняются от процесса художественного и духовного производства. Крайне ограничены их возможности принимать участие и в наиболее важных ритуалах, они полностью исключаются из религиозной деятельности, от руководства общественной жизнью⁴⁵.

---

⁴¹Гуманистические ориентиры / Под ред. Л. И. Абалкина, А. В. Барышевой, Д. Е. Сорокина. М., 2002. С. 21.

⁴²*Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием: светлый миф о частной собственности // Социально-гуманитарные знания. 2003. №3. С. 31.

⁴³Ряд советских ученых, отталкиваясь от марксистской методологии, были уверены в обратном, что структура общества определяется общественным разделением труда. «Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» (*Блинов А. И.* Партнерство (К вопросу о ранних формах обмена) // Труды института этнографии: Новая серия. 1947. Т. 2. С. 181).

⁴⁴*Ядов В. А.* Социологическое исследование: Методология, программа, методы. М., 1972. С. 37.

⁴⁵«В постоянных стоянках верхнего палеолита, где сосредотачивалась обще-

Имеются различные подходы к классификации социального разделения труда. Так, согласно марксистской концепции, труд делится на производительный и непроизводительный. Критерием принадлежности к тому или иному виду является производство прибавочной стоимости. Сегодня ученые при изучении социальной структуры общества используют признак, характерный для социального разделения труда — управленческие и исполнительские функции⁴⁶.

Ряд авторов предпочитают процесс создания символов называть кодированием связей в обществе, а деятельность по кодификации определяют как символическую⁴⁷.

О важности и необходимости социального разделения труда и месте элиты в нем говорилось еще в античных работах. Так, Платон — этот «борец за социальную справедливость», «наивный коммунист», а скорее утопист и идеалист — следующим образом пишет о неизбежности социального разделения труда: «люди по природе не равны друг другу: им присущи индивидуальные различия. Каждый должен поэтому всецело отдаться своему делу так, чтобы оно не было для него делом побочным, для этого он должен быть свободен от всех прочих обязанностей. Вот почему высшие классы должны быть освобождены от всякого прямого участия в производстве необходимых для жизни благ»⁴⁸. Аналогичной точки зрения придерживался и Аристотель. Он выделял следующие

ственная жизнь, сосредотачивалось и постоянное место общественного сношения с тотемом, центр исполнения магического действия.

Эпоха мадлен (ок. 15 — 8 тыс. до н. э. — Ю. Б.) богато представила такие культовые места с изображениями магического характера. Место их нахождения в пещерах указывает на затруднительность доступа к ним всех желающих. Очевидно, допускались лишь избранные сочлены данного коллектива. <...> С расчленением коллектива на возрастные, половые и прочие группировки, к магическому действию могли допускаться только определенные группировки, для остальных же они оказывались запретом» (*Мецанитов И. И.* Верхний палеолит: Социально-экономическая среда, обуславливающая оформление членораздельной звуковой речи // *Известия Государственной академии истории материальной культуры.* М.; Л., 1931. Т. 11. Вып. 1. С. 18–19).

⁴⁶ *Заславская Т. И.* Указ. соч. С. 12.

⁴⁷ «Символическая деятельность <...> это любая деятельность, связанная с выражением кодов, которые она запечатлевает собой, несет в себе и, главное, в буквальном смысле слова задействует <...> это любая деятельность, опирающаяся на неукоснительное подчинение структуре и ее бережное поддержание» (*Ашероф А. Ю.* Экономическая и антропологическая интерпретации социального обмена // *Социологический журнал.* 2001. № 3. С. 80).

⁴⁸ *Святловский В. В.* Очерки... С. 36.

виды труда: 1) самый искусный труд, т. е. такой, который требует знания и искусства; 2) ремесленный, который обезображивает тело; 3) самый рабский, для которого достаточно одной физической силы; презреннейший, не требующий никакой доблести. Свободные граждане, пишет философ, не должны заниматься ни ремеслом, ни промышленностью, ни земледелием. «Для развития начала добродетели и для политической деятельности им необходим философский досуг»⁴⁹.

Реальные блага имеют вещественную оболочку. Они изготавливаются индивидами, входящими в нижние страты. В процессе производства реальных благ создается экономическая стоимость, величина которой определяется объективными факторами — затратами прошлого, настоящего и будущего труда.

Символические блага — осязаемые результаты религиозной, художественной, информационной, правовой, научной, управленческой и иных видов деятельности. Символические блага обладают социальной ценностью, которая создается с помощью внушения, а ее величина определяется субъективно-психологическими факторами.

Символы могут обладать вещественной оболочкой или не иметь таковой. В любом случае, социальное содержание символа выражается в знаке. Существуют разнообразные трактовки категорий «знак» и «символ». Эти интерпретации не сильно отличаются друг от друга. Но, следуя научной традиции и желая быть понятыми правильно, дадим определения этим двум понятиям, вкладывая в них смысл, релевантный для данной работы. Знак — это предмет или явление, которое указывает на другой предмет или явление. Существуют два класса знаков: 1) те, значение которых заключено в них самих или в их контексте (пар, идущий из чайника; гуси, улетающие на юг; пожелтевшие листья), и 2) те, значение которых не связано с их физической структурой или ситуацией (дорожный знак). Любой знак обладает устойчивым значением и противится множественности его толкований. Важнейшим условием функционирования знака является известное постоянство его понимания.

Соединение же конкретного предмета со смыслом совсем другого предмета, вещи, явления, действия являет собой символ. Символ всегда скрывает свое содержание. Символичность есть наибольшая

---

⁴⁹ *Святловский В. В.* Очерки... С. 59, 61.

противоположность знаковости. Символ — любая вещь, действие, явление, значение которого создается и навязывается человеку⁵⁰. Символ — это самостоятельная, обладающая собственной социальной ценностью, созданная реальность⁵¹.

Двойственность, как имманентное свойство всего сущего, свойственна и символам, которые бывают двух видов: первичные и вторичные. Первичные суть результат бессознательной психической деятельности отдельного индивидуума, вторичные — сознательной социальной активности верхней группы.

Первичные символы — это способ идеализации действительности посредством психической деятельности отдельного индивидуума.

Символ столь же древен, как человеческое сознание. Склонность к идеализации реальности является одним из основных свойств человеческой психики. В ответ на внешние негативные раздражители — социальное напряжение, создаваемое элитой — нервная система стремится трансформировать ситуацию в действие, а поскольку она (нервная система) организована по двоичному принципу, то это действие будет компенсирующим (положительным) и будет заключаться в идеализации всего сущего. Индивид, «защищаясь» от насилия, бессознательно создает символы, приписывая вещам, людям или явлениям не присущие им качества, черты характера или свойства. Например, античные боги — это идеализированное изображение людей. Культура — это идеализированное восприятие мира. Строго говоря, все социальные уровни, рефлексивная, создают (первичные) символы. Причем чем ниже ранг социальной единицы (индивида, семьи, группы, общества), тем более он склонен к идеализации бытия, тем шире круг объектов, вовлекаемых в этот процесс⁵².

---

⁵⁰ «Символ, — пишет американский ученый Л. Уайт, — можно определить как вещь или явление, действие или предмет, значение которого навязано человеком: святая вода, фетиш, ритуал, слово» (Комадорова И. В. Символическая антропология Лесли А. Уайта // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2000. № 5. С. 94).

⁵¹ «Смысл символа объективно осуществляет себя не как наличность, но как динамическая тенденция; он не дан, а задан. Этот смысл, строго говоря, нельзя разъяснить, сведя к однозначной логической формуле, и можно лишь пояснить, соотнося его с дальнейшими символическими сцеплениями, которые поведут к большой рациональной ясности, но не достигнут чистых понятий» (Аверинцев С. С. Символ // Большая советская энциклопедия. Т. 23. М., 1976. С. 385).

⁵² «Умственная жизнь, — пишет Г. Зиммель, — на низших ступенях не знает

В ранних обществах, когда господствовал анимический способ мышления, идеализация выражалась в том, что люди придавали всему существу «внешнюю душу». Они считали, что объекты неодушевленного мира и одушевленного одарены жизнью, разумом и волей, сами люди имеют «вторую душу»⁵³. По представлению практически всех народов, находящихся на стадии охотничьего общества, души зверей и птиц находятся у них в кончике носа, шерсти, зубах, когтях, перьях. Поэтому сохранение этих частей равносильно обладанию душами животных, а следовательно — и самими животными. Эти части тела являются символами промысловой удачи. В сознании людей формируется суждение, что эти перья, зубы, клыки и т. д. суть заместители реальных животных, и владелец этого символа имеет полное право собственности на все тело⁵⁴.

Появление первичного символа — это реакция на социальное напряжение со стороны верхней группы, и чем оно сильнее, тем больше нижняя страта склонна к мистификации, идеализации, фетишизации и, в конечном счете, к символизации. Изначально функция первичного символа заключалась в защите как от внешней, так и внутренней угрозы. Все, что реально использовалось человеком для своей защиты: камни, палки, зубы, когти животных, рука, кулак, стрела, лук, топор и другие предметы — символизировалось.

различия между объективной логической истиной и субъективными психологическими образами. Ребенок и первобытный человек принимают психологическое содержание данного момента, фантазию, субъективно произведенное впечатление за действительность; слово и вещь, символ и то, что обозначается символом, имя и лицо для них совпадают, как это доказывается бесчисленными фактами этнологии и детской психологии» (*Зиммель Г.* Два отрывка из «Философии денег» // *Жизнь: Литературный, научный и политический журнал.* СПб., 1899. № 7. С. 113–114).

⁵³ «Если мы обратимся к наименее развитым среди известных нам обществ <...>, то мы обнаружим еще большую мешанину в мыслях. Здесь сам индивид утрачивает свою личность. Между ним и его внешней душой, между ним и его тотемом — полная неразличимость» (*Мосс М.* Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М., 1996. С. 8).

Советский ученый А. Сидоров отмечает, что «первобытные народности одушевляют не только человека, животного, но даже и самые простые неорганические предметы: котлы, ножи и т. п.» (*Сидоров А. С.* Знахарство, колдовство и порча у народа Коми. СПб., 1997 (Л., 1928). С. 242).

⁵⁴ *Березницкий С. В.* Таежный великан в представлении коренных народов Амура и Сахалина // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 1999. № 4. С. 89.

Этим вещам приписывались магические свойства, а обладание такими амулетами придавало силу, могущество, удачу и все то, что так не доставало нижнему рангу.

Например, в Центральной Австралии самыми священными объектами культа были палки и камни, которым приносили жертвы. Семитские народы поклонялись священным камням Мекки — камням ведического культа. Хорошо известны древние религиозные памятники греков, которые состояли из простого столба, доски, неотесанного камня или бревна. Афина-Паллада, которой афиняне воздвигали впоследствии художественные статуи, первоначально изображалась в виде простого неотесанного столба. В Норвегии до конца XVIII в. существовал обычай собирать круглые камни, которые каждый четверг вечером мыли, смазывали маслом перед огнем, клали на почетное место, а в определенные дни купали в пиве, чтобы они послали в дом счастье и довольство.

С древнейших времен янтарь выступал символом здоровья и богатства. Считалось, что в его небольших углублениях находили места обитания духи, которые обеспечивали его владельцу удачную охоту и победу в бою. Согласно мифологическим источникам, янтарь имел божественное происхождение и обладал мистическими свойствами. Такой символ использовался в качестве денег — маленькая фигурка из янтаря стоила дороже здорового раба. Змея фигурировала в Сибири (в том числе и в тех ее областях, где никогда не было змей) как символ шаманской психической (магической) силы. В Древней Южной Индии змея означала мистическую силу, в средневековой Индии — женскую половую силу, в Египте (начала новой эры) — мудрость.

Зубы играли заметную роль в системе символов⁵⁵. Особенное внимание привлекали зубы и когти хищников, так как сила этих животных действительно выражается в их зубах и когтях⁵⁶. Ору-

---

⁵⁵ «Для получения исключительного могущества, по мнению некоторых, необходимо вытащить зуб мертвеца своими собственными зубами. <...> Могущество колдуна бывает не вечно. Колдун, потерявший один свой зуб, становится уже не страшным. <...> само собой разумеется, что порча не может действовать, если человек защищен талисманами (медвежий зуб, щучий зуб)» (Сидоров А. С. Указ. соч. С. 36, 38, 45).

⁵⁶ «Медвежьи пробуравленные клыки, очень часто встречающиеся в могильниках Евразии с начала бронзовой культуры. Эти же самые клыки, иногда пара их, так же продырявленные, вешаются на ремень и теперь многими пещорскими охотниками. В данном случае мы имеем обычай, возникший еще в ранние ста-

жие также было наиболее распространенным символом, защищавшим человека от «злого духа». Магическое употребление оружия связано с бессознательным представлением, что оно избавит от болезней и всяких иных напастей сверхъестественного мира⁵⁷. Многие первобытные народности в качестве ножа употребляли раковины, которым были приданы магические свойства. Раковины были широко распространены у финских народностей, а в качестве украшений их носили чуваша, мордва, ижора и удмурты. Магическая сила приписывалась и соли, прежде всего, благодаря ее разъедающему свойству, а позже из-за того, что она сохраняла съестные припасы от порчи.

Особо необходимо отметить магическую роль круга и других предметов, связанных с ним по форме — кольцо, браслет, отверстие. Их магическая сила заключалась в предохранении от сверхъестественных сил, а их геометрия ассоциировалась у человека с безопасным огороженным пространством, защищенным местом, пещерой, домом и т. д. Считалось, что повязка из конского волоса, одетая на шею, предотвратит насильственное удушение. В традиционных обществах в целях «безопасности» носились ножные и ручные браслеты, надевались кольца и пояс, шейный обруч, который получил название гривна. Все эти «украшения» имели одну цель — обезопасить человека, впоследствии некоторые из них, как, например, шейный обруч (гривна), превратились во вторичный символ свободного человека.

Вторичные символы — это результат социального действия верхней страты.

Возникновение вторичного символа связано с сознательным наполнением первичного символа определенным социальным содержанием и последующей его интерпретацией. Вторичный символ — это перекодированный первичный символ. Переосмысление, «перекодирование» первичных символов, представляет собой процесс их идеологизации.

Если быть точным, то под символическим производством мы понимаем процесс идеологизации первичных символов, «перекоди-

---

дии человеческой культуры и доживший до наших дней» (Сидоров А. С. Указ. соч. С. 198).

⁵⁷ «Для предохранения ребенка от порчи некоторые женщины кладут на зыбку мальчика лук со стрелой (теперь игрушечный), а на зыбку девочки — прыслицу» (Сидоров А. С. Указ. соч. С. 194).

ровку» их содержания в нужном для элиты направлении. Символическое производство — это создание вторичных символов. Далее в работе, используя термин «символ», мы будем иметь в виду исключительно вторичные символы, если не оговаривается иное.

Создание вторичного символа — это процесс заполнения семантической пустоты необходимым содержанием, т. е. определенной социальной ценностью. В некотором смысле символ — это пустая оболочка, поскольку содержание, вкладываемое в нее, может меняться. Семантическая пустота — свойство, очень важное в прагматике символов, определяющее его использование как инструмент управления и как информационный код. Элита заполняет пустоту символа определенным скрытым смыслом. Символ — обязательно тайна, наличие которой позволяет элите произвольно его интерпретировать, программируя тем самым поведение людей, т. е. управлять ими. Тайна символа — сила власти, изменение значения символа непосредственно связано со сменой власти.

Способность определять значение вещей, интерпретировать то, что в предмете символизировано, присуща индивидам, обладающим творческим складом характера, свободно мыслящим. Их совокупность образует элиту (художественную, управленческую, военную, научную и т. д.) — высший ранг общества. Сила власти заключается в монопольном праве интерпретации символа, т. е. контроле потока информации. Элита имеет возможность передавать остальным членам сообщества свои программы поведения, закрепляя, таким образом, за собой лидерские функции. Она способна произвольно и абстрактно наделять вещи и события реального мира значениями, которых они объективно не имеют, причем так, чтобы страты нижнего ранга могли улавливать эти значения.

Символ накапливает и закрепляет достижения индивидов в форме культурных традиций, делая таким образом их опыт социальным. Элита, «изобретая» символы, делает этот процесс таинственным и недоступным для «непосвященных». Это дает индивидам высшего ранга возможность исключительно внутривидовой передачи информации, или, как говорит П. Бурдьё, — «кодов расшифровки» символов.

Роль и значение символа возрастает именно там, где больше социальной неопределенности, т. е. возможности смены лидера. Как пишет П. Бурдьё, «в действительности в социальном мире постоянно происходят столкновения различных ветвей символической вла-

сти, каждая из которых стремится реализовать собственное представление о легитимной структуре общества, то есть конструировать его согласно своим интересам. В этом смысле символическую власть можно назвать властью «миротворения», <...> часто осуществляемого с помощью ярлыков»⁵⁸.

Для достижения влияния и власти, т. е. внедрения нужных символов, в обществе организуется социальная напряженность, ситуацию иррационализируют, делая ее непонятной для определенных групп. Затем вводятся слова-манипуляторы, например, «демократия», «рыночная экономика», «перестройка», значения которых неоднозначны, туманны и требуют объяснения. Интерпретация символа — это и есть процесс наполнения его содержанием, создание определенной социальной программы поведения, воздействие на межличностные отношения. Управление принадлежит тому, кто интерпретирует неопределенность. Примером символизации ситуации может служить процедура «демократизации» структур власти, в которой возникают две «противоборствующие» партии. Другой яркий образчик управления социальной системой — это организация столкновения между традиционными верованиями и религиозными сектами. Религиозные столкновения позволяют надолго закрепить состояние «войны всех против всех», а наличие у сторон конфликта общего союзника (организатора раздора) — перевести этот конфликт на управляемую основу⁵⁹.

Значение символа нельзя уловить при помощи органов чувств, его можно познать и передать лишь через специальные структуры

---

⁵⁸ Бурьеде П. Мир как взаимопревращение форм капитала // Эксперт «Сообщение». 2004. № 11. С. 56–57.

⁵⁹ Во Вьетнаме в середине XX в. колониальной администрацией была организована подобная конфликтная ситуация. Сначала создавались структуры, которые интенсивно распространяли легенды и мифы относительно основания новой религии. Затем проходила вербовка неопитов и массовое обращение местных жителей. Когда их численность дошла до определенного уровня, был ликвидирован духовный лидер, причем ответственность возлагалась на «враждебное окружение». Взаимная неприязнь привела к созданию вооруженных отрядов и зон влияния во главе с полевыми командирами. В этих условиях единственным союзником обеих сторон оказалась колониальная администрация, которая поставляла оружие и эксплуатировала искренний фанатизм воюющих (Колотов В. Н. Использование религиозного фактора для организации управляемого конфликта: Южный Вьетнам в середине XX в. // Кюнеровские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов / Музей Антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. СПб., 2001. С. 86–87).

нервной системы, психическое действие есть основа социального. Как без первичного символа не бывает вторичного, так без психического — социального. Идеализация изменяет внутренний (психический) мир человека, а идеологизация — внешний (социальный). Поэтому модификация социальных отношений невозможна без трансформации внутреннего мира человека.

Создание социальной ценности не в последнюю очередь связано с внушением, с внедрением в мозг определенного представления о предмете. Общественная сила внушения заключается в том, что оно осуществляется намеренно и незаметно для нижнего ранга, без сопротивления с его стороны.

Психическая деятельность любого индивида двойственна и распадается на два вида: личную и общую. Личная психическая деятельность связана с критическим мышлением и носит активное начало. Она предполагает умственную переработку внешних впечатлений, которые впоследствии становятся взглядами и убеждениями. Общая психическая деятельность предполагает пассивное рассеянное внимание, переработка внешних впечатлений происходит неосознанно⁶⁰.

Общая и личная психическая деятельность существуют одновременно, и их соотношение зависит от социального ранга индивидуума. Внушение тех или иных представлений происходит при помощи общей психической деятельности. Чем выше социальный ранг, тем активнее личная психическая деятельность, тем менее он внушаем.

Немаловажную роль в процедуре создания символов играет религиозная деятельность, которая сама во многом опирается на внушение. Изначально само символическое производство было представлено исключительно религиозной деятельностью, которая

---

⁶⁰ «Таким образом внушение представляет собою непосредственное прививание тех или других психических состояний от одного лица другому при посредстве слов, мимики или жестов. Результат же внушения есть не что иное, как вторжение в психическую сферу посторонней идеи без прямого непосредственного участия в этом акте личной сферы, вследствие чего последняя в большинстве случаев является или совершенно, или почти безвластной его отринуть и изгнать из сферы личности даже при том условии, когда представляется ясной его нелепость. Проникая в психику, без активного внимания, внушение остается вне личной сферы психики, благодаря чему и все дальнейшие его последствия происходят без контроля личной сферы и без соответственной задержки» (*Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908. С. 13).

охватывала собой всю социально-экономическую «реальность». Религия являлась единственной «отраслью» производства и в свернутом виде содержала все виды символического труда: искусство, спорт, войну, науку и т. д.⁶¹.

Отсюда, и символы в традиционных обществах были «унифицированы», обладали многослойной смысловой структурой. Они могли заключать в себе одновременно значение власти, богатства, независимости, чести, плодородия, успеха, здоровья. Наиболее известный символ такого рода — солнце. Оно считалось символом истины и добра, а «родство» с солнцем сделалось привилегией царей, князей, героев. Впоследствии солярный характер изображения использовался при создании ряда вторичных символов власти и богатства: кольцо, колесо, чаша, щит, венок, корона, монета. Предполагалось, что такая форма должна передать им свойства своего «прародителя».

Религия осуществляет сакрализацию символов, придавая им магический, мистический смысл⁶². Объектом поклонения могло быть все — рисунок животного на скале, дерево, гора, море, львиный хвост, раковина, соль, растение, цветок, бык, корова, слон, овца и т. п. Нет такого предмета, хотя бы самого неприметного, вроде простого булыжника или кусочка дерева, который не был объектом веры. И нет такого «чуда», которого этот ничтожный объект не мог бы совершить. Религия творила вторичные символы, охраняя их трансцендентальность, она создавала человека для символа

---

⁶¹Как отмечает Г. Зиммель, «у низших племен умные люди всегда являются одновременно священниками, врачами, колдунами, учителями юношества и т. д.» (*Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологическое и психологическое исследование. М., 1909. С. 116*).

⁶²Эдмунд Линч приводит интересные примеры различных символов, которые используются и сегодня. «Петух (птица) повсюду в Европе, по крайней мере, со времен классической Греции, является метафорой человеческого penis, так что изображения петушиного боя и петухов с курами могут быть основательно нагружены сексуальным смыслом. <... > Почти во всех религиозных системах коренная теологическая идея, наиболее священные и табуированные понятия могут быть представлены несколькими взаимозаменяемыми стандартизованными символами. К примеру, в эпоху раннего христианства крест, а также символ *XP* (первые две буквы слова «Христос») и рыба были равнозначными символами, расшифровывались греческие буквы слова «рыба» как «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель» (*Линч Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2001. С. 27*).

и дала человеку символ для поклонения, его приучали искренне чтить символ и свято верить в него.

Действие и предмет в момент внушения сливаются в один комплекс, создавая определенное представление. Например, значение первичного символа «рука» как средство оберега от сверхъестественных злых сил во вторичном символе трансформировалось в комплекс социальных понятий: давать, ловить, побеждать, близость, половина, два, сила, право, правитель, царь, щедрость, радость, благословение т. д.

В дальнейшем произошло социальное сужение этого понятия, и рука (кулак) стала уже рассматриваться как символ власти, причем неограниченной власти, доходящей до права на жизнь и смерть членов общины, на приношение их в ритуальную жертву, на продажу, отдачу в кабалу и т. д.⁶³ Магическое свойство руки вождя племени заключалось в том, что ее прикосновение к какому-либо предмету или человеку делало их собственностью вождя. Сегодня подпись, поставленную в документе, можно рассматривать как социальное «продолжение» руки — символа власти.

С течением времени происходит частичная десакрализация символического производства. Это приводит к его диверсификации и секуляризации некоторых отраслей, которые передаются от аристократии и церкви в руки «свободных художников». «Свободные» художники находятся под сильным социальным надзором со стороны прежних хозяев производства. Одной из форм надзора является создание элитой замкнутых эзотерических корпораций, в которые входят новые создатели символов. Элита контролирует эти корпорации и выступает заказчиком «продукции». Дальнейшая «эмансипация» символического производства проявляется в устранении власти от непосредственного заказа. Прямой социальный надзор заменяется косвенным контролем — контролем за потреблением этих символов⁶⁴.

---

⁶³ «Рука может быть воспринята в космологическом плане для семантического пучка «рука+женщина+вода», рука может быть воспринята как орудие производства в непосредственно-трудовом процессе, и рука, наконец, может быть, на известной стадии будет означать и власть: «крепкая рука правителя» (*Колобова К. М.* Опыт палеонтологического анализа терминов власти // Известия государственной академии истории материальной культуры. Т. 11. Вып. 2. Л., 1931. С. 26).

⁶⁴ «Разрыв отношений зависимости от патрона или мецената, а в более широком смысле — от прямых заказов, который сопутствует развитию безличного

По мере разделения символической власти на религиозную, воинскую, судебно-правовую, управленческую и т. д. дифференцируются и сами символы, с доминированием в них той или иной составляющей смысловой структуры⁶⁵. Начинают выделяться символы, обладающие социальной ценностью денег.

Чаще всего деньгами становятся символы власти. Свадебные циновки рассматривались как фамильные драгоценности, а те из них, которые принадлежали какой-нибудь знаменитой семье, высоко ценились и использовались в качестве денег. Наибольшей ценностью обладали талисманы, которые считались собственностью вождей и кланов. Например, мана — талисман растительного происхождения — ассоциировался с властью и потому считался источником богатства⁶⁶. Раковины имели имена, они всегда содержали нечто духовное и обладали социальной ценностью денег. Медные пластины с клеймами способны были добывать и накапливать собственность. «Медные слитки обладают, кроме того, притяжением, привлекающим другую медь, так же как богатство притягивает богатство, как достоинства влекут за собой почести, обладание духами, прекрасные союзы и наоборот»⁶⁷.

рынка, обеспечивает производителям чисто формальную свободу, относительно которой они не могут не обнаружить, что она — лишь форма их подчинения законам рынка символических благ, т. е. подчинения спросу, который, постоянно отставая от предложения, возвращается к ним в виде рыночных цен . . . » (*Бурдье П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 50–51*).

⁶⁵Орел издавна признается признаком силы и власти. Царь Дарий использует изображение золотого орла на персидских знаменах. У римлян орел (с молниями и громовыми стрелами) является символом государства. Конский хвост, насаженный на украшенное древко — бунчук, — представляет собой регалию власти. В дальнейшем бунчук трансформируется в воинские знаки отличия — эполеты с кистями для высших офицеров и без кистей для низшего состава. Палица, некогда служившая военным оружием, трансформируется в булаву (деревянная или металлическая палка с шаром на конце), а впоследствии в жезл — символ правления. Символами высокого социального статуса могли быть каменные топоры, медные диски, которые носили как медалионы на груди, одежда, украшения. Религиозными символами выступали священные сосуды, алтари, врата в храмах, каменные плитки с надписями и изображениями символов божества и жертвуемых (символически?) предметов.

⁶⁶«Мана — власть, талисман и источник богатства, воплощенный в самой власти» (*Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М., 1996. С. 94, 95, 98*).

⁶⁷*Мосс М.. Указ. соч. С. 164–165.*

Примитивные деньги, деньги-символы, имели наиболее мистический характер и обладали священной и магической сущностью, основным свойством которого было увеличение богатства⁶⁸.

3. СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ДЕНЕГ-СИМВОЛОВ

Деньги как и любое символическое благо обладает социальной ценностью. Деньги — это социально-психологический феномен, социальная ценность которого создается методом внушения. Последнее может осуществляться а) жестами и словами в форме пожеланий, советов, команд, приказаний и б) подражанием.

К сожалению, до сегодняшнего дня ряд исследователей все еще убеждены, что деньги — это экономический феномен, который трансформировался в «политико-психологический феномен». Тем более это странно слышать от профессионального психолога, который пишет: «Проникнув в политику и образовав ее специфические формы, <...> деньги стали не только экономическим, но и политико-психологическим феноменом»⁶⁹. Правда, ниже, ссылаясь на зарубежные источники, автор соглашается, что деньги — это «психологизированное явление»⁷⁰.

Социальная ценность денег — это представление о деньгах как о богатстве, власти и независимости, внедренное в сознание индивида методом внушения.

Аналогичную мысль находим у С.Московичи. Он считает, что деньги — это некое совокупное представление «толпы» о том или ином предмете, который обладает «магическими свойствами», «священным характером»⁷¹. Такие социальные (коллективные) представления создаются у толпы под влиянием *внушения*, последнее есть следствие манипуляций вождя, который управляет таким способом массами. В представлении людей деньги являются

---

⁶⁸ Мосс. М. Указ. соч. С. 93, 96, 99, 100.

⁶⁹ Дейнека О. С. Динамика макроэкономических компонентов образа денег в быденном сознании // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 36.

⁷⁰ «Социальные и экономико-политические процессы невозможно объяснить вне «социально-психологической ткани общества». <...> По выражению Дж. Катона, деньги — психологизированное явление, и их психологическая «насыщенность» в настоящее время уже доказана зарубежными и отечественными исследованиями» (Дейнека О. С. Указ. соч. С. 37).

⁷¹ Московичи С. Машина, творящая богов. М., 2003 [1981]. С. 401–402.

«идеей» богатства или, как красиво заметил Московичи, в «своем интеллектуальном качестве» деньги являются мыслью⁷².

К понятиям такого же рода Московичи относит: «систему знаний, верования и символы (религия, наука, философия, язык, магия и т. д.), которые являются результатом слияния и проникновения индивидуальных представлений»⁷³. Для французского ученого большинство экономических категорий является символами, создаваемыми при помощи психологических приемов и в первую очередь — внушением. Так, например, величина спроса, стоимости, покупательной способности денежных единиц ... определяются в основном «представлениями», которые создаются властью. Последняя сама есть «действительность иллюзии и иллюзия действительности»⁷⁴.

Подобную позицию можно встретить у профессора В. Ковалева, который, например, разделяет понятия цены и стоимости по признаку наличия или отсутствия «представления». Цена декларируется и ее можно увидеть в прейскурантах. Стоимость, с точки зрения ученого, категория, которая является представлением субъекта о полезности той или иной вещи. Величина стоимости, таким образом, зависит исключительно от субъективно-психологических факторов. Если стоимость, т. е. ценностная оценка блага, будет выше цены, то индивидуум приобретает его, и наоборот⁷⁵.

В последнее время проводятся многочисленные психологические исследования по определению образа денег в сознании индивидуумов. Так, согласно исследованиям О. Дейнека, доллар ассоциируется у населения с понятиями: практичный, прибыльный, выгод-

---

⁷² *Московичи С.* Указ. соч. С. 376, 396.

⁷³ *Московичи С.* Указ. соч. С. 167.

⁷⁴ *Московичи С.* Указ. соч. С. 174.

⁷⁵ «Стоимость — это расчетный показатель, цена — декларируемый, т. е. объявленный, который можно видеть в прейскурантах, ценниках, котировках.

В любой момент времени на данном рынке цена однозначна, а стоимость многозначна; при этом число оценок стоимости зависит от числа профессиональных участников рынка.

С известной долей условности можно утверждать, что стоимость первична, а цена вторична, поскольку в условиях равновесного рынка цена, во-первых, количественно выражает внутренне присущую активу стоимость, а, во-вторых, стихийно устанавливается как среднее из оценок стоимости, рассчитываемых инвесторами» (*Ковалев В. В.* Финансовый менеджмент: теория и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 702).

ный, современный, уверенный, сильный, самостоятельный, передовой, решительный, перспективный⁷⁶. А. Фенько в своем психологическом анализе подчеркивает гендерные различия в отношении к деньгам. Он пишет: «Женщины видят свою экономическую роль скорее в расходовании денег, чем в их зарплате, и отказываются воспринимать деньги как инструмент власти и престижа. <...> У мужчин конфликтный смысл денег связан с социальным статусом, престижем и самоуважением (основной симптом — демонстрации власти и силы)»⁷⁷.

По мнению Белк и Валендорф, женщины думают о деньгах как о способе приобретения вещей, а мужчины — власти. С помощью факторного анализа Яммучи и Темпер выявили пять независимых факторов денежных установок: власть-престиж, откладывание на будущее, недоверие, качество, тревога. Многие опрошенные отвечали: «Деньги дают свободу и независимость» и «Деньги — это власть». Британские рабочие склонны считать, что «деньги означают власть». Деньги могут иметь различное эмоциональное значение, чаще всего встречаются случаи, когда психологическим смыслом денег становятся: безопасность, власть, любовь и свобода. Свобода — это наиболее приемлемый и наиболее распространенный смысл, приписываемый деньгам⁷⁸.

Деньги — это любая вещь или явление, предмет или действие, которые в сознании индивида ассоциируются с понятиями власть, богатство, свобода.

Деньги — это не реальное богатство, а его отражение; это не власть и сила, а их символ. «Деньги — это как наиболее смелое, так и неизбежное представление»⁷⁹. Деньги можно рассматривать как универсальный символ, который есть сплав всех символических благ, выработанных и накопленных обществом. Деньги — это социально-экономическое выражение сути культурных традиций социума. Существует прямая связь между количеством символов и социальной ценностью денег.

Чем больше созданных и накопленных символов составляют

---

⁷⁶ Дейнека О. С. Указ. соч. С. 44.

⁷⁷ Фенько А. Б. Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 39, 41.

⁷⁸ Фенько А. Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 51, 52, 53, 57, 58.

⁷⁹ Московичи С. Указ. соч. С. 376.

культурную традицию общества, тем выше социальная ценность денег.

Постоянная смена символов в обществе, их переоценка, отказ от предыдущих символов в конечном счете приводит к снижению социальной ценности денег.

Религиозная деятельность не только сакрализовала первичные символы, превратив их во вторичные, трансформировав психические представления в социальные, но и создала представления у индивидуумов о ценностях символов и в первую очередь — о социальной ценности денег. Как пишет А. Ашеров, «статус ценностей в обществе зависит от степени ритуализации социальных действий, то есть от роли, которую играет символическая практика: чем больше ритуализация, тем более значимы ценности и наоборот, чем меньше ритуализация, тем менее они ценны»⁸⁰.

Приведем пример создания социальной ценности такой первой формы денег-символа, как бык. Бык, будучи наиболее агрессивным животным, ассоциировался с силой, властью — с понятиями, которые составляют основу социальной ценности денег. Мы находим многочисленные и общеизвестные примеры использования этого животного в качестве денег-символа. Но именно как символа, поскольку широко распространено ошибочное мнение, что бык являлся орудием обмена и использовался в качестве «живых» денег в торговле. Для «первородных» времен рогатый скот являлся очень крупной ценностью, не допускавшей при этом дробления. Между тем повседневный оборот (не такой уж и крупный) нуждался в первую очередь в средних и мелких единицах. Если бык действительно был главным орудием обмена, то обмен мог бы производиться только в немногочисленной среде элитной группы — владельцев больших стад. Для остальных — средних и низших — групп обмен был совершенно недоступен. Да и для знати в этом случае речь могла идти только об очень дорогих и крупных предметах обмена.

В действительности же эти деньги-символы были идеальными, мысленно представляемыми. С их помощью соизмеряли социальную ценность других символических и реальных благ; по основному свойству символов они могли присутствовать только в представлении.

---

⁸⁰ Ашеров А. Ю. Экономическая и антропологическая интерпретация социального обмена // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 81.

Сама же социальная ценность быка как денег-символа формировалась в процессе жертвоприношения. Знаменитая греческая гекатомба, равнявшаяся 100 быкам, являлась максимальной государственной жертвой. Остальные приношения «частного» порядка должны были быть и были меньше этой величины. Определяя количество жертвенных быков, власть устанавливала «расценку» этим дарам, формируя у индивидуума представление об их социальной ценности.

Вещная (знаковая) оболочка денег-символа не является определяющей в их сути (социальной ценности). Деньги-символы могут иметь разнообразную форму или не иметь ее вообще.

Социальная ценность денег во многом определяется наличием у них магической, сакральной, таинственной силы, источником которой не в последнюю очередь является статус их первого владельца. Первые деньги, которые могли быть представлены талисманами или медными пластинками, имели имена, свою «собственную индивидуальность». «Каждый значительный слиток [меди] вождей имеет свое имя, свою собственную индивидуальность, свою собственную стоимость в полном смысле слова, магическую и экономическую»⁸¹. А «их стоимость, — писал М. Мосс о первых деньгах, — еще субъективна и личностна»⁸² и зависит от статуса владельца.

Подобная социально-психологическая установка, формирующая зависимость между социальной ценностью денег и статусом его первого держателя (эмитента), действует и сегодня.

Чем выше социальный статус эмитента, тем значительнее социальная ценность денег.

Так, О. Дейнека отмечает, что «имидж государства как хозяйствующего субъекта в значительной степени отражается на статусе его денежной единицы»⁸³. В целом мы разделяем точку зрения автора о наличии связи между «имиджем государства» и покупательной способностью его денежной единицы. Но в корне не согласны с тем, что этот имидж определяется его хозяйственной деятельностью. С нашей точки зрения, социальная ценность денег (покупательная способность денежной единицы) все-таки определяется социальным статусом государства. А представление об экономиче-

⁸¹ Мосс М. Указ. соч. С. 164–165.

⁸² Мосс М. Указ. соч. С. 118.

⁸³ Дейнека О. С. Указ. соч. С. 37.

ской мощи страны есть производная от ее социального статуса, и формируется оно — представление — с помощью социальной мощи элитной группы. Такой же точки зрения придерживается и профессор Н. Хованов, который пишет: «Такая зависимость от государственной власти способности денег выполнять свои основные функции имеет место и в настоящее время — как справедливо заметил Роберт Манделл, “твердые валюты суть дети империй и великих держав. Доллар стал величайшей валютой XX в. потому, что Америка стала супердержавой”»⁸⁴.

В свою очередь, как было показано выше, социальный статус любой социальной единицы (общества, группы или индивидуума) определяется его агрессивностью. Элита должна обладать способностью «убеждать» людей признать социальную ценность денег, или, как пишет П. Бурье, «не узнавать произвольность той ценности, которую она им (символам. — Ю. Б.) придает»⁸⁵. Отсюда можно прийти к выводу, что существует прямая связь между агрессией эмитента и величиной социальной ценности выпускаемых им денег.

Чем выше агрессивность эмитента, тем больше социальная ценность выпускаемых им денег.

Величина социальной ценности денег зависит от интенсивности их обращения и потребления, степень увеличения которых не в последнюю очередь связана с расширением территории и увеличением количества обращаемых символов. Элитная группа с помощью психологических манипуляций и определенных действий (например, война) формирует установку на потребление символического блага (денег), навязывая их другим сообществам. По большей части этот процесс связан с «производством» потенциального потребителя. Ему навязываются критерии и способы оценки «продукции», предлагаются определенные механизмы для ее восприятия и принятия. Причем в данном случае имеется в виду любая символическая продукция: произведения искусства, религиозная деятельность, образ проведения досуга, образование и т. д. Для этого используются общества «взаимного восхищения», институт «непризнанного гения» или «одиозного автора», так что на деле обеспечи-

---

⁸⁴ Хованов Н. В. Феноменологическая теория денег // Финансы и бизнес. 2006. № 1. С. 18.

⁸⁵ Бурье П. Мир как взаимопревращение форм капитала // Эксперт «Сообщение». 2004. № 11. С. 56–57.

вается несоизмеримость социальной ценности символического блага и собственно потребности в нем⁸⁶.

П. Бурдые даже вводит понятие «символическая собственность», с помощью которой элита как управляющая, так и «художественная» создают символические блага, и вводит их в социальный оборот. «Дворянские титулы, как и дипломы об образовании, выступают как реальные формы символической собственности, обеспечивающие общественное признание»⁸⁷. В свою очередь, социальная ценность блага создается с помощью символического капитала, который, по Бурдые, «означает доверие, признание власти тех, кто занял соответствующее положение»⁸⁸.

Чем выше интенсивность обращения и потребления денег-символов, тем больше величина их социальной ценности.

Суммируя вышесказанное, перечислим факторы, которые определяют возможность повышения социальной ценности денег-символов:

а) способность элиты сохранять, увеличивать и навязывать социально-культурные традиции общества, которое она возглавляет;

б) социальное и политическое могущество элитной группы, которое зависит от степени ее агрессивности;

в) рост количества денег-символов (рост денежной массы);

г) увеличение территории обращения и пользователей денег;

д) рост скорости оборота денег и размеров выданных займов и предоставленных кредитов.

---

⁸⁶Более подробно о «создании» индивида для рынка см.: *Базулин Ю. В.* Илларион Игнатьевич Кауфман — ученый и педагог Петербургского университета // Вестник СПбГУ. Сер.: Экономика. 2002. Вып. 2. С. 118–126.

⁸⁷*Бурдые П.* Указ. соч. С. 56–57.

⁸⁸«В борьбе за формирование общественного сознания на символическом уровне, точнее, в состязании за монопольное право обозначать новые объекты или переименовывать существующие, субъекты [элита — Ю. Б.] используют приобретенный в предшествующей борьбе и гарантированный законом символический капитал» (*Бурдые П.* Указ. соч. С. 56–57).

Глава пятая

Денежные знаки

1. ПОЯВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО ЗНАКА ИЗ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА

Как показано выше, социальная ценность не зависит от вещной оболочки, в которой она находится. Тем не менее, сама эта оболочка играет заметную роль в происхождении денег, поскольку представляет собой знак, показывающий, что данный предмет: а) принадлежит верховной власти, б) прошел процесс сакрализации и символизации, в) обладает социальной ценностью. Сущностью знака является указание на предмет как на символ (деньги), в то время как сущность символа тоже указание, но указание на то, чем он сам не является¹.

Знак помогает выбрать из множества существующих символов тот, который является деньгами. Поэтому в строгом смысле слова деньги — суть единство символов и знаков. Символы — это содержание денег, а знак — его (содержания) форма².

---

¹Гегель, например, в структуре символа подчеркивал более его знаковую сторону, основанную на «условности». «Символ, — писал Гегель, — есть прежде всего некоторый знак» (Цит. по: *Аверинцев С. С.* Символ // Большая советская энциклопедия. Т. 23. М., 1976. С. 386).

²В этой связи мы до некоторой степени солидарны с позицией А. А. Зиновьева, который пишет, что деньги — это знаки и именно это их знаковая суть дает людям возможность изобрести денежные знаки. «Денежные знаки изобретаются с целью использования их людьми в их практической жизни. ... [Деньги] функционируют именно как знаки (стоимости. — Ю. Б.). Знаки используются как своего рода дубликаты или заместители того, что они обозначают» (*Зиновьев А. А.* Деньги и денежный тоталитаризм // *Философия хозяйства*. 2000. № 4. С. 29).

Как пишет С. Московичи, в сознании масс «идеальное представление» о наличии социальной ценности денег ассоциируется с определенной «материальной вещью». Происходит совмещение двух свойств денег — быть одновременно и «мыслью», и «вещью». Это дает возможность деньгам выполнять свои экономические функции. «Будучи серебряной, кожаной или бумажной, монета становится двойником других благ, не будучи одним из них, что позволяет ей замещать эти блага»³.

У К. Маркса соотношение символа и знака совершенно противоположно. С его точки зрения, отсутствие стоимости денег делает возможным превращение их в знак стоимости. «В обращении они [серебряная и медная монеты. — Ю. Б.] снашиваются еще быстрее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно не зависимой от их веса, т. е. от всякой стоимости. Монетное бытие золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, — бумажки, получают возможность функционировать вместо золота в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью»⁴. На наш взгляд, дело обстоит иначе. Проблема заключается в различном понимании природы стоимости. К. Маркс видит в деньгах исключительно **реальную** стоимость, субстанциональную стоимость, **отсутствие** которой является предпосылкой возникновения денежного знака. В то время как, с нашей точки зрения, деньги «начинаются» с **представительной** стоимости, **наличие** которой и делает возможным появление денежного знака.

Знаковая сущность денег — это «подсказка» о наличии закрепленного в сознании индивида представления о возможности (праве) обмена его (знака) на реальные блага.

Денежный знак является превращенной формой денег-символа.

Под превращенной формой в данном контексте понимается форма, которая скрывает, затемняет, камуфлирует истинное положение дел. Денежный знак — это указание на то, чего нет. У К. Маркса, например, заработная плата является превращенной формой стои-

---

³Московичи С. Указ. соч. С. 402.

⁴Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М., 1973. С. 137.

мости труда, поскольку складывается представление, что ею оплачивается весь труд.

Денежный знак возникает из социального обмена⁵. В социальном обмене отражается суть социальных отношений. Причиной социального обмена является социальное разделение труда, которое разграничивает производство на две сферы, и оно же объединяет их в обмене. «Разделение труда в мировом масштабе (или в масштабе одного мира-экономики) не было соглашением равных партнеров, согласованным и доступным для пересмотра в любой момент. Оно устанавливалось постепенно как цепь зависимостей, определявших одни другие. Неравный обмен, создатель неравенства в мире, и, наоборот, неравенство мира, упорно создававшее обмена, были древними реальностями»⁶.

Под социальным обменом мы понимаем отношения, складывающиеся между индивидуумами, группами (стратами), «безличными» собирательными сущностями (духи, боги) по поводу обязательного обмена реальных благ на символические.

Процесс социального обмена преследует две цели: институализацию денег и социализацию индивида. Достижение первой предполагает трансформацию денег-символов в денежные знаки, а второй — превращение социальной ценности денег-символа в представительную стоимость денежных знаков. Причем эти два процесса протекают одновременно и обуславливают друг друга, их реализация осуществляется с помощью подкрепителей, а наиболее эффективным «подкрепителем» на первоначальных этапах была пища.

Социальный обмен имеет следующие характеристики:

а) принимает форму дара, первоначальная форма которого — дар богам, жертвоприношение;

б) существует два вида обмена: негативный (война) и позитивный (деньги);

в) обязателен для всех членов общества, отказ от положительной формы обмена ведет к реализации негативной;

---

⁵Теория социального обмена как самостоятельное методологическое направление формируется в 50–60 гг. XX века в США. Американские ученые относят социальный обмен к **добровольным** социальным действиям, ожидающим ответной вознаграждающей реакции: достижение наград и/или избежание санкций.

⁶*Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 43.

- г) правила организации оборота создаются элитной группой и их выполнение поддерживается социальным напряжением;
- д) эквивалентность обмена условна и принимает форму социальной равноценности;
- е) между подарком и обратным «подарком» существует временной лаг.

Социальный оборот по своей сути шире, чем экономический, и включает в себе последний. Каждый экономический обмен социален, но не каждый социальный обмен может быть экономическим. Например, дар духам и подарки есть атрибут исключительно социального обмена, в то время как бартер и торговля обладают признаками экономического и социального оборота. В отличие от экономического оборота, где осуществляется обмен стоимостями, в социальном происходит обмен ценностями. Величина ценности определяется полезностью, причем не столько полезностью предмета, сколько полезностью отношений, которые возникают, продолжаются или прекращаются при передаче этого предмета. Суть социального обмена заключается, с одной стороны, в признании своего ранга, а с другой — в подтверждении чужого ранга, что приводит к устранению возможной агрессии, опасности тайной или открытой войны между различными индивидами и социумами. В социальном обмене передается, в первую очередь, *ценность* реального блага, «символического» блага или шанса, в экономическом — их стоимости. Обмен социальными ценностями или экономическими стоимостями далек от эквивалентности, их осуществление прежде всего определяется ожиданием большего.

Социальный оборот организуется верхней группой с помощью социального напряжения. Под давлением этого напряжения в индивидуумах развивается склонность к обмену, которая находит продолжение и в экономическом обмене. «Склонность» к обмену возникает не естественно-эволюционным путем, как полагают некоторые исследователи, а формируется под гнетом социального стресса.

Адам Смит, исследуя природу и причины богатства народов, начал свою работу с момента приобретения людьми «склонности» к экономическому обмену, не указав, как и зачем эта склонность прививалась людям. Далее это «естественно» возникшее стремление индивидов обмениваться привело к экономическому разделению труда. «Так как большую часть необходимых нам обоюдных

услуг мы приобретаем друг от друга посредством соглашения обмена и покупки, эта самая склонность к обмену и была тем, что изначально породило разделение труда»⁷. Г. Зиммель был более приземленным исследователем, и, с его точки зрения, именно «тирания и порабощение» есть те средства, благодаря которым «установилось разделение труда»⁸.

О наличии социального напряжения в той или иной форме пишут давно и многие. Приведем ряд примеров. Так, Г. Зиммель подчеркивает: «то, что мы ощущаем как свободу, является часто на самом деле лишь сменой обязательств. Когда на место старого обязательства выступает новое, первое, что мы ощущаем, это — уничтожение старого давления; чувствуя себя свободными от старого обязательства, мы считаем себя в первый момент свободными вообще до тех пор, пока новый долг <...> не заставит почувствовать своей тяжести. <...> Каждое обязательство, если только оно не относится к простой идее, подразумевает право на взыскание со стороны другого лица. Это притязание другого может иметь содержанием или личные услуги и действия обязанного лица, или распространяться на непосредственный результат личной работы, или, наконец, дело может идти об определенном предмете, на пользование которым другое лицо предъявляет притязание»⁹. Российский ученый В. Булдаков вместо термина «социальный стресс» употребляет выражение «психическое напряжение» и подчеркивает, что оно возникло в крепостной России и до сих пор сохранилось в российском менталитете. «Исследователи [общинных отношений в Российской империи. — Ю. Б.] отмечают избыточное внутриобщинное психическое напряжение, которое в прошлом — на доправном уровне — взаимодействовало с институтом крепостничества, а затем закреплялось на уровне социального подсознания»¹⁰. Современные ученые также пишут, что и сегодня социальный обмен сохранил свои стрессовые формы. «Рынок — это “домашнее” средство, к которому прибегает социальный мир, чтобы обеспечить стрессовое дав-

---

⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (Кн. I–III) / Ин-т экономики РАН. М., 1993. С. 129.

⁸ Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологическое и психологическое исследование. М., 1909. С. 58

⁹ Зиммель Г. Философия денег // Жизнь: литературный, научный и политический журнал. СПб., 1899. № 7. С. 99–100.

¹⁰ Булдаков В. П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2. С. 39.

ление, во-первых, направленное и, во-вторых, постоянно действующее»¹¹.

Социальное напряжение создается двумя способами: «отрицательным» и «положительным». К первому относятся война и любые другие формы насилия. Ко второму — экономические связи с их доминантой — товарно-денежными отношениями¹². Поскольку социальный стресс «поддерживает» социальный оборот, постольку последний проявляется в двух формах, соответствующих виду социального напряжения: негативной и позитивной.

Негативная форма социального оборота представлена спекуляцией, сутяжничеством, воровством, грабежами, подкупами, конфискациями. Позитивная форма социального обмена — это дары духам и богам, подарки, налоги, подати, бартер и торговля. Эти формы всегда сосуществуют, но в различных, постоянно изменяющихся комбинациях. Война и деньги — явления, которые взаимозаменяются и взаимодополняются. Жертвы войны заменяются жертвами рынка¹³. Исходя из принципа двойственности и тождествен-

---

¹¹ Хайтун С. Д. Социальная эволюция, энтропия и рынок // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6. С. 106.

¹² Рынок, с точки зрения современных ученых, является социальной «выдумкой», изобретением, при помощи которого может присваиваться часть стоимости. Например, американские социологи Д. Старк и Х. Уайт считают рынок социальной конструкцией, социальным изобретением. «Рынок для него [Х. Уайта] — вполне конкретная социальная конструкция, со своими сложными взаимоотношениями между участниками, где оттенки отношений влияют на связи между другими участниками, на более отдаленные во времени и пространстве взаимоотношения. Рынок существует именно потому, что это социальное изобретение, и как таковое он должен изучаться» (Плискевич Н. М. Экономическая социология на пороге XXI века (заметки с конференции) // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6. С. 125).

¹³ Соотношение этих двух видов социального напряжения постоянно меняется. Ряд ученых не может объяснить парадоксальное, с их точки зрения, явление, которое формулируется следующим образом: «С прогрессирующим ростом убойной силы оружия и плотности населения процент военных жертв на протяжении тысячелетий не возрастал. Судя по всему, он даже медленно и неустойчиво сокращался, колеблясь между 5 и 1% за столетие. <... > Парадоксальное сочетание исторически возрастающего потенциала взаимного истребления со снижением реального процента насильственной смертности уже само по себе заставляет предположить наличие какого-то культурно-психологического фактора, компенсирующего рост инструментальных возможностей». (Назаретян А. П. От будущего — к прошлому (размышления о методе) // *Общественные науки и современность*. 2000. № 3. С. 143). Этим «культурно-психологиче-

ности, мы утверждаем, что деньги и война — два однородных явления, имеющие обратные знаки. Не в последнюю очередь и сама социальная ценность денег создается и поддерживается агрессией, военными действиями.

Социальный оборот в скрытой или явной форме носит возмездный характер. Эквивалентность обмена принимала форму обязательного требования дара за дар. Чтобы напомнить об обещании принести подарки, у некоторых традиционных народов было принято на шею одариваемого повязать шнурок, сделанный из человеческого волоса или льна. «Данный знак (шнурок) фиксирует обязанность посредника принести с собой предметы для своего ючина, который, пока он отсутствует, также собирает для него подарки»¹⁴.

Индивиды должны были не только дарить, но и принимать «подарки». Отказ от участия в таком обмене вызывает переход от положительного к отрицательному виду оборота¹⁵. Обмен, от которого нельзя было отказаться, зачастую являлся неравноценным, т. е. носил ростовщический характер¹⁶. Эквивалентность обмена бы-

---

ским» фактором является рынок. И на самом деле жертвы военных действий заменяются «жертвами» рынка.

¹⁴Блинов А. И. Партнерство (К вопросу о ранних формах обмена) // Труды института этнографии: Новая серия. 1947. Т. 2. С. 176.

¹⁵«Всякий налог первоначально возникает в форме откупа, платы за мир и спокойствие сильным соседям с тем, чтобы они не воевали, не нападали. <...> Дань является платою слабого сильному. <...> Племена по необходимости должны были избирать одно из двух: или войну или платеж дани, и избирали последнее, если платеж дани был меньшим злом, чем война» (Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб, 1903. С. 326–327).

«Отказаться дать, пригласить, так же как и отказаться взять, тождественно объявлению войны; это значит отказаться от союза и объединения» (Мосс М. Указ. соч. С. 101–102).

¹⁶Советский ученый С. Токарев дает примеры обязательности заемных ростовщических отношений в традиционных обществах. «На Банковских островах, — как и в некоторых других местах, — существует, например, практика отдачи в рост денег, с возвратом с приплатой 100%, безотносительно к сроку. Такой чудовищный процент соединяется часто еще с принудительностью займа. По Кодрингтону, богатый человек при случае заставляет взять займы, и его друг должен в своих же интересах принять это и возратить вдвойне. <...> На Новых Гебридах, где главное мерило ценности и объект накопления — свиньи, система раздачи богатыми людьми свиней в долг служит для них средством укрепления своего влияния и повышения своего общественного ранга. Так как должник обязан отдать свинью, удовлетворяющую известным требованиям, а такую далеко не всегда можно найти, то кредитор, пользуясь этим, держит

ла условна и определялась социальным статусом обеих «одаривающих» сторон. Движение «снизу в вверх» всегда предполагало передачу подарка большей ценности. В случае не выполнения данной «установки», положительная форма обмена также заменяется на отрицательную. Особый интерес в этом отношении представляет австралийский обычай копара — своего рода карательной экспедиции, предпринимаемой, в частности, в случае чьего-либо отказа от дачи ответного подарка.

Ожидание большего имело идеологическое обоснование и основывалось на представлении, что душа вещи всегда стремится «домой». Она неотступно следует за чередой пользователей, пока те не возместят ее утрату через пиры, угощения, подарки, трудом или чем-либо более высокой ценности¹⁷. Совокупность этих мистических представлений способствовала тому, что реальное богатство (пища, труд) должно было обмениваться на символы богатства и власти.

Социальный оборот осуществляется как внутри общества, так и вне его. Внешний социальный обмен предшествует внутреннему и на ранних этапах развития общества принимает негативную форму, как правило, военную. В законах Хаммурапи при упоминании о торговых сношениях говорится только об организации государственных и храмовых экспедиций, которые, подобно египетским, представляли вооруженный грабеж местного населения¹⁸.

История показывает, что война как социальный институт была необходима и неизбежна для кочующих народов. Она являлась одним из ранних способов реализации отношений господства и подчинения¹⁹. В примитивных объединениях социальная стратификация

в своей власти должников и терроризирует их» (*Токарев С. А.* Общественный строй меланезийцев. К вопросу о происхождении класса и государства // Этнография. 1929. № 2. С. 7).

М. Мосс приводит следующий пример: «Спенсер Сент-Джон описывает как «принудительную торговлю» способ, которым в государстве Бруней знать взимает дань с бисаев, начиная с дарения тканей, оплачиваемых затем по ростовщическим расценкам в течение многих лет» (*Мосс М.* Указ. соч. С. 101).

¹⁷ «Даваемая вещь не инертна. Будучи одушевленной, часто индивидуализированной, она стремится к возвращению в «родительский дом», как это называет Герц, или же к созданию для клана и почвы, местности, откуда она вышла, некоего эквивалента самой себе» (*Мосс М.* Указ. соч. С. 100).

¹⁸ *Брюсов А. Я.* К вопросу о теории диффузии // Советская археология. 1957. № 1. С. 11.

¹⁹ Гераклит говорит: «Должно знать, что война общепринята, что вражда —

вытекала из воинской организации, в которой сильные люди были военачальниками. Свою социальную силу они превращали в орудие политического и экономического могущества, последнее проявляется в обладании натуральным или денежным капиталом, иными словами — богатством. Развитие общества неразрывно связано с войной. Мишель Фуко выразил это взаимоотношение, произведя инверсию знаменитого афоризма, следующим образом: «Политика — это просто продолжение войны иными средствами»²⁰. Мы осмелимся еще раз перефразировать данный тезис, сказав, что деньги — это способ продолжения войны иными средствами.

Война представляет собой механизм формирования и закрепления определенной структуры социальных отношений, которые могут быть как внутренними (внутри социальной единицы), так и внешними (между социальными единицами). Сами по себе эти отношения бывают интегрированными и неинтегрированными. В первом случае они оформлены в некоторую социально-экономическую культурную традицию, основным элементом которой являются деньги, а во втором являются аморфными, не имеющими устоявшейся социально-экономической культурной традиции.

В случае, если социальные отношения интегрированы, «это означает, что распределение прав, обязанностей и функций каждой стороны определены, каждая сторона знает, что она должна и обязана делать в отношении другой стороны»²¹. Неинтегрированное и неоформленное состояние социальных отношений — межличностных и межгрупповых — означает обратное: отсутствие ясного распределения прав, обязанностей и функций, четкой системы социально-экономических ценностей. Такой вид отношений возникает в момент их формирования или когда по каким-то причинам ранее существовавшая система социально-экономических ценностей и связей расстроена и нарушена, то есть когда существующие правила разрушены, а новые еще не установлены.

Причиной войны и конфликтных ситуаций являются наруше-

обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и заимобрано» (цит. по *Бажина В. И.* Взаимоотношения макрокосмоса и микрокосмоса в ранней древнегреческой философии // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 2000. № 5. С. 23). «Гоббс полагает <...> что в естественном состоянии царствует вечная война» (*Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 307).

²⁰ *Секацкий А.* Сила взрывной волны: Статьи — Эссе. СПб.; М., 2005. С. 158.

²¹ *Сорокин П. А.* Забытый фактор войны // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 9.

ния в структуре социальных отношений и отсутствия устоявшихся социально-экономических культурных традиций, их основного элемента — всеобщее признанной формы денег.

Если социальная структура связанных обществ стабильна, т. е. «интегрирована и оформлена, то шансы войны невелики «независимо от того удовлетворяют ли нас экономическое состояние сторон»²².

2. ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ДЕНЕЖНОГО ЗНАКА КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ДЕНЕГ-СИМВОЛОВ

Рассмотрим положительные формы социального обмена, которые в наибольшей степени способствовали трансформации денег-символов в денежные знаки и превращения социальной ценности в представительную стоимость. Напомним еще раз, что конечными целями социального обмена являются социализация индивидуума и институализация денег. Иными словами — создание общепризнанных правил экономического оборота и введение в него денежных знаков.

Социализация индивидов предполагает стандартизацию их социального и экономического поведения.

Стереотипные повседневные действия, с одной стороны, экономия физических и психических сил самого субъекта, не затрудняя его перебором реальных способов поведения и, с другой стороны, делают его поступки предсказуемыми для верхнего ранга. Поведение становится стандартным, если нижние ранги воспринимают социальные институты (разработанные нормы, навязанные ценности, «искусственные» структуры) и подчиняются им. «Основная функциональная проблема, связанная с отношениями социальной системы с системой личности, касается усвоения, развития и утверждения в ходе жизненного цикла адекватной мотивации участия в

---

²² «Всякий раз, когда в отношениях одного или более государств или любых общественных групп система соответствующих социальных отношений и культурных ценностей обнаруживает тенденцию к развалу, беспорядку или неопределенности, такое изменение повышает шансы войны. И напротив, когда система социальных отношений и культурных ценностей движется к большей определенности, стабильности и четкой интеграции, такая перемена содействует миру в их взаимоотношениях» (Сорокин П. А. Указ. соч. С. 10).

социально значимых и контролируемых образцах действия. Общество также должно использовать эти образцы, чтобы адекватно поощрять и вознаграждать своих членов, если оно желает воспроизводиться как система. Это отношение и есть «социализация», представляющая собой единый комплексный процесс, в ходе которого личность становится членом сообщества и поддерживает этот статус. <...> Личность — это определенным образом *организованный в процессе обучения индивид*»²³.

Взаимодействие между верхней стратой и нижними осуществляется через социальные институты, в том числе деньги. Социальные институты являются для индивида внешней объективной реальностью, от которой нельзя избавиться, независимо от отношения к ней. И, тем не менее, нельзя забывать о том, что объективная институциональность мира — сколь бы тяжелой ни казалась она индивиду — создана верхней группой и является сконструированной объективностью²⁴.

Верхний ранг социума сознательно конструирует механизм социального обмена. Элита формирует обычаи и традиции, устанавливает правила и нормы, закрепляя их затем в сознании индивидов сложными обрядовыми ритуалами. Ритуализация — это один из методов трансформации социальных действий в экономическое поведение, это способ поддержания социальной ценности денег-символа и превращения ее в представительную стоимость. Широкое распространение ритуальных действий дало основание ученым говорить о функционировании церемониальной экономики, ряд признаков которой сохранился до сегодняшнего дня. Культовые действия осуществляются по строго установленной схеме и, много раз повторяясь, превращаются в традицию, которой придавался сначала сакральный смысл, а затем и профанный. Так, что жертвоприношения трансформировались в дары, дароприношения, в свою очередь, — в обмен, а затем и в торговлю. Дар, обмен, торговля, аукцион, биржевые сделки — это ритуальные события.

В данной работе мы рассмотрим два ритуальных способа социализации индивидуума и институализации денег: письменные па-

---

²³ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // ТНЕСИС: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 2: Весна. С. 104.

²⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. СПб., 1999. С. 101.

мятники, представленные наскальной и иной живописью, и первоначальная форма дара — жертвоприношения.

Одним из способов формирования социальных навыков с последующей трансформацией их в экономическое поведение являются надписи, рисунки и иные графические изображения. Так, например, палеолитическая живопись на скалах и стенах древних пещер, основной темой которой были животные и сцены охоты, представляет собой не что иное, как «учебники» по охоте. Один из самых популярных персонажей палеолитического искусства — это лошадь. Бизон, мамонт и лошадь составляют подавляющее большинство в анималистическом репертуаре образов пещерной живописи. «Функциональное содержание рисунка лишает возможности видеть в нем произведение искусства. Рисунок верхнего палеолита есть пиктографическое письмо»²⁵. Особое значение в формировании установок поведения имели изображения различных сцен социальной жизни и сопровождавшие их надписи на стенах культовых учреждений. Например, рисунки судопроизводства в древнеегипетских гробницах представляли собой некий регламент действий, «должностную инструкцию». «Истинность» и «беспристрастность» суда подтверждали разного рода надписи и папирусы. Одна из надписей на стене гробницы визира Рехмира гласит, что он — «беспристрастный, отпускающий противников примиренными, когда судит бедного и богатого»²⁶.

Таким же образом при помощи «граффити» фиксируются правила социального обмена и сакрализуются его пропорции. «На погребальных сооружениях Старого царства [Египта. — Ю. Б.] иногда бывает изображен обмен: показано, как египтяне меняют друг у друга вещи на съестные припасы и одни съестные припасы на другие. <...> Изображенные в гробницах продавцы и покупатели пользуются иногда для оценки и оплаты также общим мерилом стоимости — зерном, что «ларчики», с которыми бывают изображены покупатели, представляют собой мерки с зерном»²⁷.

²⁵ Мещанинов И. И. Верхний палеолит: Социально-экономическая среда, обустраивающая оформление членораздельной звуковой речи // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1931. Т. 11. Вып. 1. С. 20.

²⁶ Лурье И. М. Заметки о древнеегипетском суде // Древний Египет: Сб. ст. / Ин-т Востоковедения АН СССР. М., 1960. С. 138.

²⁷ Перепелкин Ю. Я. О деньгах в древнейшем Египте // Древнейший Египет: Сб. ст. / Ин-т Востоковедения АН СССР. М., 1960. С. 162.

Жертвоприношение — это обмен людей с духами предков и богами. Считалось, что именно они и являлись подлинными собственниками вещей, которые посылались людям из другого мира. Одаривая духов и богов, индивиды ожидали ответного «подарка», который, по их убеждению, должен быть большим. Формируемые смысл и цель жертвоприношения — дар, который обязательно будет возмещен, причем ответная «поставка» ожидается большей.

Дар — это культовый обмен, обставленный сложными коллективными обрядовыми ритуалами, которые проводились в пунктах соприкосновения с чужими общинами, и осуществлялся лидером сообщества. В примитивных обществах стремление «слабых» к примирению с «сильными» было неосознанным, оно носило скорее мистический характер. У германцев и славян в период так называемых варварских или потестарных (как следствие завоевания) государств раннего средневековья имелись добровольные племенные подношения, которые развились позднее в государственные (королевские, княжеские) подати²⁸. Американский антрополог М. Салинз, изучавший экономику каменного века, пишет следующее о роли дара в системе социальных отношений: «Дар — это союз, солидарность, общность... мир, величайшая добродетель... Дар — это примитивный путь достижения мира, мира, который в цивилизованном обществе обеспечивается государством. Дар — это примитивный аналог общественного договора»²⁹. Считается, что неравная «прибыль» поддерживает союз так, как не могло бы поддерживать строгое равновесие. Обмен, который симметричен или однозначно равноценен, в некотором смысле невыгоден с точки зрения поддержания союза: он сравнивает счета и тем самым открывает путь к расторжению отношений. «Если я делаю вам подарок, вы будете чувствовать себя морально обязанным дать что-то в ответ. С точки зрения экономических отношений вы у меня в долгу, но с точки зрения понятий коммуникации смысл обоюдного обязательства — в выражении взаимного понимания, что мы оба принадлежим к одной и той же социальной системе. <...> Если вы отвечаете на мой подарок его точным эквивалентом, то такое поведение выражает равенство статусов. Но если взаимообмен предполагает подарки, которые качественно различаются (я тебе — тру-

²⁸ *Свердлов М. Б.* Начальная история России: исследовательские традиции и новации // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 1. С. 37.

²⁹ *Салинз М.* Указ. соч. С. 157.

довое усилие, ты мне — заработную плату), то такое поведение выражает неравенство статусов: нанятого и нанимателя»³⁰. Закрепление навыков обмена (т. е. формирование стереотипного поведения) осуществлялось между членами сообщества через социальную конструкцию «подарок», теоретически добровольного, а в действительности обязательно вручаемого и возмещаемого. Как указывает М. Мосс, «уклонение от них [подарков. — Ю. Б.] грозит войной частного или общественного масштаба». Таким образом, формируется обязанность, с одной стороны, делать подарки, с другой — принимать их³¹.

Жертвоприношения являлись первоначальной формой дара — дара духам и богам. Возникновение самого ритуала обуславливается чувствами страха и надежды, которые возникают как ответ на смерть. Ж. Бодрийяр дает иную, но интересную трактовку появления жертвоприношения. «Любое господство должно быть чем-то искуплено. Раньше искуплением служила жертвенная смерть (ритуальное умерщвление царя или вождя) или же ритуальное обращение (праздник и некоторые другие социальные ритуалы, представлявшие собой иную форму жертвоприношения)»³². Появляется культ душ умерших, чувство зависимости от них, что предполагает *сознание* зависимости. Служить духам предков означает приносить им в жертвы души. В жертвенном ритуале выражаются идея выкупа, откупа, торга с богами, и мистическая идея союза с ними. Поскольку на первоначальной ступени развития человек представлял себе реальное существо вещей по аналогии со своей собственной личностью, то первыми жертвами были люди. В дальнейшем человек как символ жизни был заменен другим символом жизни — пищей. Самым распространенным видом жертвы становятся домашний скот, хлеб, зерно и т. д. Правда, впоследствии и сами эти продукты питания подменяются их знаками. Например, вместо целого животного приносились те его части, где, как были убеждены люди, находилась его душа, — голова, лапы, когти, или даже просто его миниатюрная фигура, или изображение — символ.

Духи и боги были неравнозначны между собой, и им приносились жертвы разного количества и качества, разной социальной ценности. Сама процедура жертвоприношения предполагала обя-

---

³⁰ Личч Э. Культура и коммуникация... С. 13.

³¹ Мосс М. Указ. соч. С. 89, 100.

³² Бодрийяр Ж. Символический обмен ... С. 106.

зательную «оценку» реального или символического блага, вырабатывался критерий определения «нормы», меры ценности, которая трансформировалась в дальнейшем в меру стоимости.

Со всей очевидностью можно сказать, что возникновение денежного знака и его представительной стоимости связано с ритуалом жертвоприношения.

Само слово «деньги» в различных языках находится в одном семантическом ряду со словами, обозначающими жертвоприношение или названиями объекта ритуала. Так, например, немецкое «geld» (деньги) произошло от древнегерманского «gelten», что в переводе означает жертвоприношение, расплату и возмещение. Латинское название денег «rescūia», происходит от rescus — «скот, животное». Русское слово «говядина» тоже означает деньги, в древнерусском языке слово «скот» заменяло собой понятие богатство. «Выражение идеи богатства при посредстве полисемантического слова «скот» (равнозначному латинскому «rescūia») ведет нас в совершенно определенную историческую эпоху, когда главным богатством племени были именно скот, стада крупного рогатого скота, «говяда», то есть в бронзовый век»³³.

Можно считать доказанным, что именно скот являлся даром в общении, в обмене между человеком и духами. Жертвенное животное по сути выполняло функцию средства платежа, поскольку первоначально смысл жертвы — это «платеж» духам, богам с целью получить от него вознаграждение — урожай, богатство, успех, власть, здоровье и т. д. Причем по «правилам» социального оборота ожидаемое вознаграждение должно быть больше предлагаемого дара, жертвы. «Боги, дающие и возмещающие, существуют для того, чтобы давать многое взамен малого»³⁴.

Поскольку социальный оборот создавался и регламентировался верхней группой общества, то первые жертвоприношения были, если можно так сказать, «государственными». По общему правилу сжигались только отдельные части жертвенного животного, а остальное распределялось между участниками церемонии и здесь же съедалось. Таким образом, почти каждая «государственная» жертва была в то же время пиршеством либо всего племени, либо его части (верхней). Действительно и обратное: всякое обществен-

---

³³ Рыбаков Б. А. Рождение богинь и богов // Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 220.

³⁴ Мосс М. Указ. соч. С. 109.

ное пиршество есть в то же время и жертва, так как оно начинается с обряда заклания. Например, М. Мосс описывает аналогичную процедуру, которая называется «потлач». Сам термин заимствован у северо-американских индейцев и означает главным образом «копить», «расходовать», «дар», «пища». Индейцы «проводят зиму в непрерывном праздновании: пиршествах, ярмарках и торгах, которые одновременно являются торжественными собраниями племени. Последнее располагается на них согласно своим иерархическим братствам и своим секретным обществам»³⁵. Система потлача существовала не только у племен севера Америки, но она была распространена в Африке, Полинезии и Меланезии, Малайзии и Южной Америке. Эти строго регламентированные общие обеды-жертвоприношения были первыми способами социализации личности.

Исходя из свойства гомогенности первоначальных социальных систем, можно утверждать, что практически для большинства народов было характерно связывать акты жертвоприношения с приемами пищи. Систему потлача (обедов-жертвоприношений) надо рассматривать несколько шире, чем просто совместный прием пищи, хотя и он играл важную роль в создании представительной стоимости денежного знака. Это социальное действие предполагало включение в социальный оборот не только реальных благ (пища, люди), но и символических. Опираясь на принцип двойственности, следует считать, что такие включения *всегда* находились и находятся в совместном обращении. Их взаимный обмен, совокупное хождение — есть основной смысл социального и экономического ритуала. Примеры мы находим в работе М. Мосса, который опирается на многочисленные этнографические факты. Он выделяет эти два вида богатства: «движимое и недвижимое имущество, вещи, полезные в экономическом отношении» и «знаки внимания, обряды, военные услуги, танцы, праздники»³⁶. Аналогичный пример параллельно-

---

³⁵ Мосс М. Указ. соч. С. 90.

³⁶ «То, чем они обмениваются, состоит отнюдь не только из богатств, движимого и недвижимого имуществ, из вещей, полезных в экономическом отношении. Это *прежде всего* знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки. <...> Все что делает человека богатым, могущественным, влиятельным, все, что можно обменивать, объект возмещения. Это не только сокровища, талисманы, гербы, священные чиновки, идолы, но иногда также традиции, культы и магические ритуалы. <...> Все — пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земли, труд, услуги, ре-

го хождения двух видов благ приводит российский исследователь О. Артемова. Она пишет, что, с одной стороны, это были продукты моря и леса, пища, орудия труда, украшения, женщины, мужчины, дети и т. д. С другой стороны — символы, обладающие священными и магическими свойствами³⁷. Эти символические блага, участвующие в социальном обмене, мы называем примитивными (первичными) денежными знаками.

Институализация денежных знаков и формирования у них представительной стоимости осуществляется методом подражания и подкрепления.

Закрепление в сознании людей необходимости обращения этих двух видов благ осуществляется двумя методами — подражанием и подкреплением. Подражание помогает устанавливать одинаковый уровень отношения к денежным знакам, формируя ассоциации между символом богатства и реальным богатством. Подражание есть одно из главных средств взаимного понимания между субъектами внутри социальной группы и самими социальными группами. Подражание идет снизу вверх, т. е. низкие ранги подражают верхним. Этот социальный закон выражается в том, что высшие ранги должны также использовать эти символические блага, денежные знаки, показывая тем самым способ поведения. Возникает мода, которая призвана приучить низшие ранги к самым фантастичным вещам и явлениям. А. Смит написал: «Нет такой внешней формы, как бы она ни была странна и даже фантастична, к которой не приучила бы нас мода»,³⁸ причем чем ниже ранг, тем более он склонен к подражательству: в одежде, поведении, форме отдыха и т. д. По-видимому, этот социальный факт и дал основание Г. Тарду сказать, что деньги — это мода, в подражании которой индивид проявляется как социальное существо. «Всекие сходства, замечаемые

лигиозные обязанности и ранги — составляют предмет передачи и возмещения» (Мосс М. Указ. соч. С. 89, 96, 103 (курсив наш. — Ю. Б.)).

³⁷Так, О. Ю. Артемова указывает, что «у охотников и собирателей община не была замкнутым объединением и не могла существовать без более или менее регулярного взаимодействия с соседними группами; в ходе этого взаимодействия, в частности, шел постоянный обмен различными видами пищи, вещами, а также песнями, фольклорными сюжетами и т. д. . . . Для организации и регуляции межобщинных контактов существовал институт посланников, как правило, глава общины часто выполнял роль как бы ее доверенного лица» (Артемова О. Ю. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные. . . С. 76).

³⁸Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 199.

в социальном мире, являются вследствие прямого или косвенного подражания в разных его видах. <...> Без моды и обычая не было бы социального количества, не было бы ни ценности, ни денег»³⁹. А чтобы деньги стали модой, обмен должен носить коллективный и обязательный характер. «Чтобы денежные «атомы» [денежные знаки. — Ю. Б.] стали знаками величин ценности и масштабом измерения, нужно, чтобы они были признаны в этом качестве всеми членами общества»⁴⁰.

Другим методом закрепления в сознании нижнего ранга образа денег как реального богатства является подкрепление. Постоянное поощрение необходимого поведения повышает вероятность его воспроизведения в будущем. Прошлое управляет настоящим. Преобразование социального опыта в собственные установки, ориентации, личностные ценности осуществляется при помощи «подкрепителей». Подкрепители могут быть позитивными (вознаграждения) и негативными (ожидания наказаний). К самым ранним позитивным подкрепителям относилась пища. Такая взаимосвязь, в частности, проявлялась либо в синонимичности понятий деньги и говядина (скот), либо в созвучии слов, означавших деньги и пища. Так, советские востоковеды, исследовавшие письменные источники староегипетского общества, отмечают, что следующие слова произносятся одинаково: «хлеб», «руда», «жирный медовый пшеничный пирожок», золотые и серебряные «деньги»⁴¹.

Представления о собственном социальном превосходстве «сильных» людей, особой значимости оправдывало, с их точки зрения, пользование ими некоторыми привилегиями, к которым можно отнести престижную структуру потребления, особую процедуру погребения, ношение особых знаков отличия, т. н. тотемов. Так, если посмотреть на распределения пищи на этих «государственно-жертвенных» обедах, то мы заметим, что его участники получали такую долю, которая соответствовала их достоинствам, заслугам, иными словами, социальному рангу. Получение определенной части жертвенного животного было символом соответствующего социального статуса. В дальнейшем этот «пищевой» символ через систему

---

³⁹ Козлов А. А. Тард и его теория общества / Перевод, изложение и замечания проф. А. А. Козлова. Киев, 1887. С. 44.

⁴⁰ Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 29.

⁴¹ Перепелкин Ю. Я. Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 304.

параллельного обращения стал заменяться другими символами социального статуса, причем такими, которые бы содержали в себе право на получение пищи.

В Древней Греции таким символом был вертел, на котором приготавливался жертвенный кусок мяса. Этот вертел (греческое название обол) использовался в качестве знака, дающего право на участие в обеде-жертвоприношении. В дальнейшем появилась возможность переуступить этот знак, и таким образом он вошел в циркуляцию богатств. Жертвенно-сакральный смысл вертела сделал его денежным знаком, кредитным знаком, знаком, дающим право на реальное богатство. Такими же знаками, носившими сакрально-жертвенный характер, были миниатюрные фигурки изображения жертвы, сначала приготавливаемые из теста, где все-таки сохранялся элемент утилитарного использования; но гораздо чаще они изготавливались из глины, затем из бронзы, наконец — из драгоценного металла. Фактически происходил полный отрыв от реального богатства, от реального жертвоприношения. Процесс символизации «платежа» богам и духам санкционировал осуществление платежей между индивидами при помощи этих вещных денежных знаков, которыми часто выступали эти жертвенные предметы. «Мы имеем ряд примеров того, как эти символические приношения, например, знаменитые ольвийские бронзовые рыбки, курсируют, как деньги, и в светской сфере»⁴². В качестве таких вещных денежных форм мы можем назвать и ряд других предметов, участвовавших в ритуалах — священные котлы и треноги, на которых готовилась жертвенная пища.

От вещных денежных знаков один шаг до другого знака — монеты. Монета — это знаковый символ вещного денежного знака. Монеты «заимствуют» не только социальную ценность символов, но и их названия. Например, известно, что обол является очень распространенной старинной денежной единицей Греции, название которой соответствует названию вещного денежного знака (обол-вертел). Сакральное значение и, соответственно, функция сохранялись за монетой — символом (оболом). Монета обол — это право на «кусочек» в государственном обеде (финансах). Такой социальный смысл за этой монетой сохранялся длительное время. За посеще-

---

⁴² Пригоровский Г. М. Новая теория происхождения денег // Известия Академии наук СССР. 1931. № 3. С. 283.

ние народного собрания граждане получали в конце V в. плату в 1 обол, а в первое десятилетие IV она была увеличена до 2-х и 3-х обол. Присяжные судьи получали в суде марку, по предъявлении которой выдавалось судье вознаграждение: первое время — 1 обол. Древние греки клали в рот покойника обол как плату для Харона, который является загробным проводником душ умерших людей.

Институализация денег это, в первую очередь, институализация их социальной ценности, трансформация ее в представительную стоимость. Представительная стоимость денежных знаков — это превращенная форма социальной ценности денег.

Представительная стоимость денежных знаков — это социальная ценность денег, пропущенная через волю субъекта и закрепленная в его сознании в качестве представления о наличии у них стоимости.

Во многом представительная стоимость денежных знаков опирается на доверие индивидуумов. Индивиды, вступающие в обмен, ориентируются на принятие представительной стоимости денежного знака, величина которой не в последнюю очередь определяется его сакральным содержанием, магическими свойствами, социальным статусом его первого владельца⁴³.

Впервые понятие «представительная стоимость» в том смысле, в котором оно употребляется здесь, было введено автором в работе «Финансы. Деньги. Кредит»⁴⁴. Хотя следует отметить, что сам термин «представительная стоимость» встречался и ранее, например, в коллективной монографии ученых экономического факультета ЛГУ. Но они дают определение представительной стоимости не денежного знака, а денежной массы. «Представительная стоимость всей денежной массы, находящейся в обращении, вне зависимости от видов и форм функционирующих денег, определяется по зако-

---

⁴³ «Вначале, помимо своей экономической сущности, своей стоимости, они [драгоценные предметы. — Ю. Б.] обладают преимущественно магической сущностью и выступают, главным образом, как талисманы. <...> Они еще привязаны к лицам или кланам, к индивидуальности их прежних собственников <...> Их стоимость еще субъективна и личностна. <...> Эти стоимости неустойчивы и лишены свойств, необходимых для эталона, меры. <...> Эти драгоценные вещи выполняют те же функции, что деньги в наших обществах, и, следовательно, могут удостоиться включения в ту же категорию» (Мосс М. Указ. соч. С. 118).

⁴⁴ См. учебное пособие «Финансы. Деньги. Кредит» / Под ред. Е. Г. Черновой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 1999. С. 28.

ну, сформулированному Марксом. Согласно этому закону, важна не форма денег (золото, серебро, медь, бумажноденежные знаки), а то количество стоимостей, которое товарный мир должен выделить в качестве денег для обслуживания товарооборота и погашения обязательств. <...> Представительная стоимость бумажно-денежной единицы падала в зависимости от избытка их эмиссии»⁴⁵.

С нашей точки зрения, данное определение имеет ряд неточностей. Во-первых, подменяются понятия: деньги, денежная масса и бумажно-денежная единица. Во-вторых, и это вытекает из первого, вместо термина «покупательная способность» денежной единицы используется категория «представительная стоимость», что далеко не одно и то же. В-третьих, величина представительной стоимости определяется не только объемом эмиссии денежных знаков. Причем социально-экономические факты свидетельствуют, что такой прямой и однозначной связи между увеличением объема эмиссии и снижением представительной стоимости не существует.

Если дать историко-этнографический обзор процесса формирования представительной стоимости, то у людей формировалось представление, что большинство предметов, выполнявших функции денег, обладали одним, но важным магическим свойством — приносить удачу, увеличивать богатство. М. Мосс в своей работе приводит достаточно интересный этнографический материал, иллюстрирующий данное положение. «Каждая из этих драгоценных вещей [орлиные перья, трости, гребни, браслеты . . . — Ю. Б.], кроме того, содержит в себе способность к воспроизведению. Она не просто знак и залог; она также знак и богатства, магический и религиозный принцип высокого положения и изобилия. <...> Таким образом, вещи смешиваются с духами, их творцами, орудия еды — с пищей»⁴⁶.

Поэтому для того, чтобы примитивные денежные знаки обменивались на реальное богатство, т. е. циркулировали внутри общества (между обществами), они должны были иметь сакрально-жертвенный смысл, обладать магическими свойствами и принадлежать элитарной группе. В свою очередь этот постоянно поддерживаемый институт социального обмена, обмена стоимости реальных благ на социальную ценность символических благ создавал у инди-

---

⁴⁵История политической экономии: Очерки / Под ред. А. А. Демина, Н. В. Раскова, Л. Д. Широкограда. Л., 1989. С. 23–25.

⁴⁶Мосс М. Указ. соч. С. 162.

вида представление, т. е. психологическую уверенность, о наличии у символических благ (денег) такой же стоимости, как у реальных благ. «Все держится друг за друга, перемешивается; вещи обладают личностью, а личности в определенном смысле представляют собой постоянные вещи клана. Титулы, талисманы, медные пластины и духи вождей — это омонимы и синонимы, имеющие одинаковую природу и функцию. Циркуляция имуществ сопровождает циркуляцию мужчин, женщин и детей, пиров, обрядов, церемоний и танцев и даже циркуляция шуток и оскорблений»⁴⁷.

Обмен ценностями фактически выступает в качестве обмена представлениями о полезности вещи. Эквивалентность представлений не менее прозрачна, чем эквивалентность обмениваемых стоимостей. Допущение эквивалентности обмениваемых представлений о полезности является основной предпосылкой трансформации социальной ценности денег в представительную стоимость денежных знаков. Социальная ценность денег есть причина их обращения, а из самого обращения возникает представительная стоимость денежных знаков. Денежные знаки обладают представительной стоимостью лишь постольку, поскольку сами деньги имеют социальную ценность.

Институализация денег и социализация индивида в конечном итоге приводят к трансформации социальной ценности денег в представительную стоимость денежных знаков и выделению из системы вторичных символов денег-символов и превращению их в денежные знаки. Процесс символизации предмета, явления и др. с целью создания социальной ценности денег дополняется: а) социализацией индивида посредством включения его в социальный оборот и формированием в его сознании представительной стоимости и б) институализацией денег — закреплением за определенными денежными знаками представительной стоимости.

Денежные знаки — это совокупность двух видов стоимостей: реальной и представительной.

Величина реальной стоимости денежного знака определяется факторами объективного порядка — зависит от затрат труда на его создание. Довольно часто первые деньги-символы были представлены предметами, имевшими очень высокую реальную стоимость. Например, это могли быть молоты-топоры, кольца и другие пред-

---

⁴⁷ Мосс М. Указ. соч. С. 168.

меты. «Прежде всего, видимо не подлежит сомнению тот факт, что рассматриваемые молоты-топоры, выполненные с таким художественным и техническим совершенством из дорогого цветного камня <...> не имели непосредственно функций боевого оружия. По своему характеру они явно были предметами сакрального уровня, предметами ритуальными, связанными с властными божественными функциями верховного жреца либо царя-жреца, выступавшего в этой роли»⁴⁸.

Представительная стоимость определяется причинами субъективно-психологического порядка, а ее величина зависит от степени доверия экономических агентов к эмитенту денежных знаков⁴⁹. Социальная ценность денег есть основа для создания представительной стоимости денег, и изменение первой приводит к изменению второй. Социальная ценность денег создает социальный оборот, а представительная стоимость денежного знака создается из этого оборота. Авторитарное поддержание постоянного обмена реальных благ на денежные знаки создает у индивида представление о наличии у последних стоимости, которую мы и называем представительной. Представительная стоимость денег вырастает из обращения, возрастает с ростом скорости обращения и уничтожается, когда останавливается обращение.

Деньги, которые не обращаются, теряют свою представительную стоимость. Причем этот оборот должен быть не только *непрерывным*, но и *замкнутым*. Только при этих условиях социальная стоимость символа трансформируется в представительную стоимость денежного знака, а сама представительная стоимость поддерживается на стабильном уровне. Б. Малиновский и Ф. Бродель — великие историки и собиратели фактов — отмечают наличие этого явления в социальном обороте. Так, по словам Б. Малиновского, на островах Меланезии в качестве денег использовались браслеты, символизирующие женское начало, и ожерелье — мужской символ. Оба эти символа были «охвачены чем-то вроде циркуляционного движения: браслеты постоянно передаются с запада на восток, а ожерелье всегда путешествуют с востока на запад. <...> В прин-

---

⁴⁸ *Никулина Н. М.* Ритуальные молоты-топоры из Троянского клада // Вестник древней истории. 1999. № 2. С. 219.

⁴⁹ «Доверие — это социальный механизм, управляющий неопределенностью социальных отношений и призванный снизить риск» (Экономика и социология доверия / Ю. В. Веселов, Е. В. Капусткина и др. СПб., 2004. С. 19–20).

ципе циркуляция этих знаков богатства непрерывна и неотвратима»⁵⁰. Ф. Бродель приводит информацию о кругообороте векселей. Он концентрируется «вокруг трех основных полюсов: Флоренции, Генуи и Барселоны (значение которых в XIV веке общеизвестно), маршруты этих векселей обрисовывают финансовое и коммерческое пространство тогдашних международных обменов: Италия, французское и испанское»⁵¹. Именно движение внутри этого замкнутого торгового пространства и создавало этим векселям доверие, т. е. основу для создания представительной стоимости, что и способствовало международному признанию этого «финансового и коммерческого пространства».

Причем насколько величина социальной ценности определяется интенсивностью «потребления» символического блага, настолько величина представительной стоимости — интенсивностью и замкнутостью денежного оборота. Подтверждение этому закону находим в работах М. Мосса и Б. Малиновского, которые указывают на два фактора, определяющие «стоимость» вещных денежных знаков. С их точки зрения, величина стоимости весьма не стабильна и увеличивается с возрастанием числа сделок, совершенных этими деньгами и, наоборот, уменьшается с сокращением числа передач. «Верно также, что эти стоимости неустойчивы и лишены свойств, необходимых для эталона, меры. Например, их цена растет и снижается вместе с числом и величиной передач, в которых они были использованы. <...> Стоимость медных пластин, украшенных гербами, на северо-западе Америки и циновок на Самоа растет с каждым *потлачем*, с каждым обменом»⁵². Элитная группа интуитивно осознавала наличие такой зависимости и формировала у нижнего ранга установки, согласно которым эти знаки богатства нельзя было хранить слишком долго, и добивалась тем самым постоянной циркуляции денег⁵³. В связи с этим здесь важно отметить, что чем больше в обращении будет символов богатства, тем больше реального богатства включается в социальный оборот. А постоянный и

---

⁵⁰ Мосс М. Указ. соч. С. 120.

⁵¹ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2: Крестьянская экономика. М., 1997. С. 383.

⁵² Мосс М. Указ. соч. С. 118.

⁵³ «Их [знаки богатства. — Ю. Б.] нельзя ни хранить слишком долго, ни медлить или скушаться при изъятии от них, нельзя преподнести их никому иному, кроме как определенным партнерам в определенном направлении: «браслетное направление» — «ожерельное направление» (Мосс М. Указ. соч. С. 120).

интенсивный обмен реального богатства на денежные знаки создает последним большую представительную стоимость, большее доверие к ним. Отсюда мы приходим к очень важному выводу: чем больше денежных знаков в обращении, тем выше их представительная стоимость.

Из вышесказанного можно вывести ряд закономерностей, определяющих величину представительной стоимости денежных знаков, которая, в конечном счете, определяется величиной социальной ценности денег-символов. Величина представительной стоимости денежных знаков зависит от:

- а) социального статуса эмитента,
- б) числа оборотов денежных знаков,
- в) количества индивидов, пользующихся ими,
- г) территории их обращения,
- д) количества денежных знаков в обращении.

Причем чем выше будут эти величины, тем больше будет социальная ценность денег и, соответственно, представительная стоимость денежных знаков.

3. УСЛОВНОСТЬ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ: СИСТЕМА ВЕЩНЫХ И ВЕРБАЛЬНЫХ ВИДОВ

Все виды социальной деятельности человека в той или иной степени служат для передачи информации. К таким способам коммуникации относятся: письменность, музыка, танец, живопись, строительство, актерская игра, отправление религиозного культа, язык и деньги⁵⁴. Для традиционных обществ эти разнообразные формы коммуникации имеют однотипный «механизм» передачи информации.

Мы смеем утверждать, что деньги как система, включающая в себя денежные знаки и единицы, являются высшей и окончательной формой развития системы социальной коммуникации. Они являются инструментами общения и в первую очередь — между верхним и остальными рангами общества, а также внутри социальных

---

⁵⁴ «Человеческое действие является «культурным» в том плане, что смыслы и намерения действий выражаются в терминах *символических* систем (включая коды, посредством которых они реализуются в соответствующих образцах); универсальной для всех человеческих обществ символической системой является язык» (*Парсонс Т.* Указ. соч. С. 94).

групп⁵⁵. Денежный знак — это язык, выражающий содержание денег. Использование слова «язык» в данном случае не является метафорическим, в происхождении и структуре как языка, так и денежного знака присутствует много общего. И в первую очередь их объединяет то, что оба эти явления являются результатом психологического развития человека и инструментами передачи социальной информации⁵⁶. Например, К. Поланьи считает, что «деньги — это система символов, аналогичных языку, письменности или весам и мерам»⁵⁷. С точки зрения Т. Парсонса, взаимодействие внутри общества и между социальными единицами осуществляется на символическом уровне, который предполагает, прежде всего, лингвистический уровень выражения и коммуникации. «Другие символические средства интеракции, например, деньги, также лучше рассматривать как специализированный язык, а не как существенно иной вид коммуникаций»⁵⁸. Известный отечественный философ

---

⁵⁵ «Те способы и те каналы, посредством которых мы общаемся друг с другом, весьма разнообразны и весьма сложны, но в первом приближении и в качестве первичного анализа берусь утверждать, что человеческая коммуникация обеспечивается посредством «выражающих» действий, которые проявляются в виде сигналов, знаков и символов» (*Лич Эд.* Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 16).

⁵⁶ См. подробнее след. работы: *Март Н. Я.* Язык и письменность // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1930. Т. 6. Вып. 6; *Колобова К. М.* Опыт палеонтологического анализа терминов власти // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1931. Т. 11. Вып. 2; *Мещанинов И. И.* Верхний палеолит: Социально-экономическая среда, обуславливающая оформление членораздельной звуковой речи // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1931. Т. 11. Вып. 1; *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999; *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. СПб., 2002; *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.

⁵⁷ *Polanyi K.* Primitive, Archaic and Modern Economics. Boston, 1971. P. 175. Цит. по: *Глух Н. А.* Деньги, торговля и рынки в американской экономической антропологии // Вестник московского университета. Сер. 6: Экономика. 1997. № 6. С. 45.

⁵⁸ «Процесс взаимодействия должен происходить главным образом на символических уровнях. Это предполагает прежде всего лингвистический уровень выражения и коммуникации — анализ на таком обобщенном уровне оправдан, поскольку речь и письменность тесно переплетены со многими другими значимыми явлениями, такими, как «жест», физическое «осуществление» целей и т. д. Более того, другие символические средства интеракции, например деньги, также лучше рассматривать как специализированный язык, а не как существенно иной вид коммуникаций (*Парсонс Т.* Указ. соч. С. 113).

А. Зиновьев дает следующую характеристику деньгам: «Они стали средством распределения и накопления ценностей, господства одних людей над другими, управления, расчетов, планирования, организации людей. Роль их в жизни людей стала настолько огромной и многосторонней, что современные общества без них так же немислимы, как и без языка»⁵⁹. Денежный знак — это квант социальной информации, предназначенной для восприятия ее нижним рангом, и он должен иметь «декодер», раскрывающий содержание этой информации. При его помощи индивидуум должен распознать из множества знаков тот, который является денежным, и суметь раскрыть его содержание. Проблема заключается в том, что, с одной стороны, у денежного знака должны присутствовать общие свойства и черты с символом, с другой — подобие видимой формы знака не должно соответствовать скрытому содержанию символа. Противоречие заключается в том, что происходит несовпадение знакового выражения и значимого содержания. Денежный знак должен «отражать» стоимость богатства, но не иметь его реальной стоимости.

Разрешение данного противоречия достигается условностью денежного знака. Денежный знак всегда условен, условность — это и есть тот «декодер», который помогает нижним рангам воспринимать информацию.

Условность денежного знака достигается изменением его вещной формы или полным отсутствием таковой. Исходя из свойства двойственности денежного знака, в структуре непрерывного информационного потока можно выделить знаки двух противоположных типов условности: «вещной» (аналоговой) и «вербальной» (цифровой). Оба вида знака, как говорилось выше, имеют религиозно-мистические корни. Один проистекает из магии орнамента, рисунка, пиктограммы, а другой — из магии звука, слова.

Аналоговый денежный знак характеризуется наличием вещной оболочки. Условность такого знака связана с трансформацией оболочки предмета. Эти изменения должны лишить знак его утилитарности и сделать подобием реального богатства, его представителем в социальном обороте. Условность денежного знака может создаваться различными способами:

а) нанесением эмблем (гербов), девизов, текстов, орнаментов, печатей, цвета;

---

⁵⁹ *Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 30.*

б) изображением тотемных животных, птиц, рыб, солнца, звезд, растений, меча, лука, стрел, щита, шлема, серпа, молота, тератологических фигур — двуглавого орла и дракона;

в) преднамеренной порчей вещной оболочки, миниатюризации или, наоборот, гигантизмом.

Изображение и цвет играют огромную роль в придании условности денежному знаку. Таким же значением обладает и рисунок. В традиционных обществах, вследствие привычки к постоянному изображению одного и того же предмета, оно в конце концов стилизуется и превращается в орнамент, пиктограмму, знак, обладающий тайным мистическим смыслом. «Усиливающийся процесс оседания охотничьего общества верхнего палеолита привел к дальнейшему развитию уже практиковавшегося магического знака. Прежний условный графический знак, наносившийся на орудия и прочие предметы крайне несложный по своему выполнению, качественно видоизменяется. Старое магическое содержание рисунка воплощается в новые формы. Подвижные изображения, рисунки на предметах и скульптура развивается в стенную живопись палеолитических стоянок»⁶⁰.

Наложение магического знака на любую вещь придает последней ряд свойств, например, быть предметом жертвоприношения, или способность приносить богатство. М. Мосс приводит целый ряд этнографических наблюдений, раскрывающих скрытый смысл таких знаков. Например, «украшенные узорами корзины и ящики являются магическими» — «никогда не пустующими», «блюда и ложки, <...> украшенные, резные, с эмблемой тотема клана <...> это копии орудий, созидающих пищу»⁶¹. На первых монетах, для заимствования сакрально-жертвенного характера от своих предшественников, изображались: бык, колосья, орудия труда, священные треножки и котлы, в которых приготавливалось жертвоприношение. В Ольвии, древнегреческом городе VII–VI вв. до н. э., в ходу были бронзовые рыбки, которые использовались и как предмет жертвоприношения, и как деньги. На смену им пришли монеты с изображением рыбы.

---

⁶⁰ Мещанинов И. И. Верхний палеолит: Социально-экономическая среда, обуславливающая оформление членораздельной звуковой речи // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1931. Т. 11. Вып. 1. С. 19.

⁶¹ Мосс М. Указ. соч. С. 162.

Экономическая история дает нам многочисленные примеры миниатюризации денежных знаков, которая связана с традиционными представлениями человека о том, что каждый материальный объект имеет душу. Мышление удваивает реальность: с одной стороны, она существует как объективная данность, с другой, она существует в сознании, как идеальное представление о мире⁶². И это идеальное представление о реальном мире выражается в рисунках, миниатюрных изображениях людей, зверей, вещей и т. д. Причем индивид уверен в магических свойствах этих вещей, в том, что они — меньшее — дадут большее. Формируется представление, что блюда и ложки принесут пищу; миниатюрные копье и топоры — удачу в войне и, соответственно, повышение социального статуса; миниатюрные плуг и лопата — большой урожай; небольшие изображения животных — добычу в охоте; браслеты и ожерелье — женскую и мужскую силу (детей). Поскольку одним из первых предметов социального оборота были женщины, то и они имели особый денежный знак — то была миниатюрная статуэтка, которая передавалась в обмен на реального человека.

Этот ряд может быть продолжен до бесконечности, поскольку весь внешний мир идеализируется и дублируется первичными символами. Например, топор как первичный символ был сакрализован, и играл значительную роль в религиозном культе и стал служить не только важнейшим хозяйственным инструментом и оружием, но и являлся символом власти, силы, а также богатства. Он служил объектом жертвоприношений богам, его носили на шее (мелкие просверленные экземпляры), вешали над колыбелью младенцев как благодетельный амулет, а его изображения вырезались на гробницах.

Топор как хозяйственный инструмент от топора как денежного знака мог отличаться: а) нарочитой роскошью отделки, б) крупностью или в) миниатюрностью размеров, г) материалом изготовления и д) нанесением надписей, орнаментов. Например, в Италии найдены топоры из свинца, которые не могли иметь никакого практического значения, а были исключительно объектами культа. На каменные топоры неолитической эпохи наносился орнамент в виде

---

⁶² «Между знаками и объектом, именем и личностью, местностями и жителями не только полностью отсутствует различия, но согласно очень верному замечанию фон-Штаймена, принцип двойственного происхождения для первобытного человека считается доказанным» (*Мосс М. Указ. соч. С. 9.*)

линий, животных, бороздок и т. д. Эти орудия не имели следов их использования⁶³. При археологических раскопках находился «ряд своеобразных бронзовых предметов крито-кипрского культурного круга. <...> Из различных объяснений их странной формы наиболее вероятным все-таки остается понимание их как двойных топоров, но только изготовленных не в форме, пригодной для практического употребления, <...> явная негодность для практического употребления указывает на использование этого предмета исключительно в функции денег»⁶⁴.

Но чаще всего топоры-символы миниатюризировались, они были размером 25 мм в длину. Их основным предназначением был обмен на реальные блага, причем на них указывался «номинал» в виде изображения людей, животных, на которые, по-видимому, и обменивался топор-денежный знак.

Но, к сожалению, многие историки, археологи и этнографы не заметили социально-экономического значения такого «миниатюрного» богатства, выполнявших функции денег. Среди них была распространена точка зрения, что «уменьшенные подобию орудий труда и посуды — частые находки в погребениях <...> заменяли мертвецу подлинники»⁶⁵. Но, если это так, то как тогда объяснить наличие в тех же захоронениях «настоящих больших орудий и сосудов из меди».

Другой способ придания условности денежному знаку — это порча его вещной оболочки. «Так, на о-ве Маэво в Меланезии цинковки, имеющие значение меры стоимости, нарочито портят, чтобы лишить их потребительной стоимости»⁶⁶. Или создание большой формы. Наиболее часто приводится пример гигантских каменных денег, которые ни по своему размеру, ни по своей сути вообще не имеют никакой утилитарной ценности. Известны каменные денежные знаки острова Яп, которые представляют собой диски из арагонита — камня известняковой породы. Эти круглые плоские, про-

---

⁶³ «Булавы и каменные топоры были знаками социального статуса. <...> В позднейших погребениях находили медные диски и плоские тесла-топоры без следов использования» (Антонова Е. В. Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V–IV тыс. до н. э. // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 5, 8).

⁶⁴ Пригоровский Г. М. Указ. соч. С. 287–288.

⁶⁵ Перепелкин Ю. Я. О деньгах в древнейшем Египте // Древнейший Египет: Сб. ст. / Ин-т Востоковедения АН СССР. М., 1960. С. 167.

⁶⁶ Массон В. М. Указ. соч. С. 7.

сверленные в центре каменные диски достигают размеров до пяти метров в диаметре⁶⁷. Размеры таких денежных знаков затрудняют «пользование» ими. Поэтому их выставляют перед хижиной владельца.оборот денег осуществляется с помощью нанесения на поверхность камня определенных знаков. В Китае и Индокитае были найдены такие каменные деньги, датируемые неолитом.

Что касается *вербального* денежного знака, то само по себе слово обладает громадной силой. Слово олицетворяется, одухотворяется и приводит к борьбе за «идеи», «знамена», «престиж». По наблюдениям М. Мосса, «словесные выражения чувств <...> в сущности представляют собой не только психологические и физиологические, но и социальные явления»⁶⁸. По представлениям древних, каждое слово является материальным телом и, соответственно, имеет душу. «Даже звуки и те представлялись древним в виде материальных тел»⁶⁹. Слово может стать «ангелом», «заступником» или даже «богом». Появляются «святые слова», языковые «табу», прикосновение к которым считается святотатством и кощунством. Возникают слова молитвы, которые заменяют собой жертву, и чем больше этих слов, чем чаще они повторяются, тем более ценной становится эта жертва. Слова стали посредниками между молящимися людьми (жертвоприносителями) и богами (жертвопринимателями).

Вербальный денежный знак изначально определяется как условный знак, поскольку для него определяется значение, связанное с этим звуком. Вербальный денежный знак представляет собой определенное действие, условное обозначение, цифру и т. д., которые описываются словом. Эти отдельные слова совмещают в себе понятия, идею самого действия и его звучание, названия.

Появление вербального (цифрового) знака в наибольшей степени связано с сознанием субъекта, в котором он вызывает понятие или представление об объекте. При помощи его формируется связь между чувственными и мысленными образами. В такого рода знаках определенной лингвистической единице выражения соответствует определенная единица содержания. Звук с вложенным в него определенным значением является символом. «Когда <...> звуковые комплексы получают постоянное значение хотя бы в по-

---

⁶⁷ Массон В. М. Указ. соч. С. 7; *Евзлин З. П.* Деньги. Пг., 1923. С. 11.

⁶⁸ Мосс М. Указ. соч. С. 74.

⁶⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. Кн. 1. М.: Искусство, 1992. С. 506.

рядке полисемантизма, то те же звуковые комплексы становятся символами или сигналами»⁷⁰.

Развитие речевой культуры началось, по Н. Марру, с перевода «звуковых символов магического значения, находившихся в распоряжении руководящей группы примитивной общественности, на рельсы все более расширенного использования в быту»⁷¹. Сама потребность в звуковой речи возникла, «когда в связи с магией выработалась социальная группировка с таинственными магическими действиями в плясках, песнях и играх, где в процессе мирного выкрикивания стали выделяться артикулированные звучания, членораздельные комплексы будущих отдельных звуков, слова-символы магического значения»⁷².

В данном случае мы разделяем точку зрения Н. Марра о том, что речевая артикуляция началась в связи с религиозным ритуалом. Творцом первых слов был первобытный маг или колдун. Если же вспомнить значение слова в магическом ритуале и чрезвычайно большое количество различного рода магических функций, связанных с человеческой речью, то станет ясно, какое могущественное орудие получила в свои руки группа примитивных колдунов, бывших некоторое время чуть ли не монополистами звуковой речи. Естественно, что их социальный вес благодаря этому значительно повышался, и они являлись устроителями социального порядка.

Исследования палеонтологов звуковой речи показывают, что вкладывание смысла в звук связано с физиологическими и социально-психологическими особенностями человека. Например, звук «Р», являясь первоначально подражанием рычанию агрессивного животного, впоследствии стал звуковым символом, ассоциировавшимся с социальным понятием силы, власти и богатства. Гомогенность системы, находящейся на начальных этапах развития, в речи проявляется в том, что под одним звуком учитывались разные социальные явления. Например, корень «аг» («*og*») лежит в основе таких терминов, как рука, сила, армия, власть, плут, аристократия, Спарта⁷³. Отсюда в языке образуются такие семантиче-

⁷⁰ *Марр Н. Я.* Язык и письмо // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1930. Т. 6. Вып. 6. С. 20.

⁷¹ *Марр Н. Я.* Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории. М., 1929. С. 25.

⁷² *Марр Н. Я.* Постановка учения о языке в мировом масштабе и абхазский язык. Л., 1928. С. 11

⁷³ «Термины с «аг», может быть, и были созданы на стадии зарождения зем-

ские пучки: «рука — сила — власть — право» или «кость — голова — тело — душа»⁷⁴. От этого же звука и корня происходят такие семантические дериваты, как латинское слово «гех» — царь, бог, мука; греческое «αρ» — пашня, поле, пахота; французское и английское слова «ог» — золото, русское — «орало».

Язык как совокупность звуковых символов является замкнутой системой. Формированием значения того или иного звука занимается верхний ранг социума⁷⁵. И, согласно исследованию палеонтологов звуковой речи, значение слова, обозначающего родовой тотем, семантически совпадало с понятием собственность и возвратным местоимением «себя»⁷⁶.

Слово, используемое для обозначения денежного знака, также означает власть и богатство. Сила этого слова, вербального денеж-

---

ледельческого хозяйства. Возможно, что они уже существовали раньше и только были семантически переосмыслены; от чего бы ни шло это аг — от «руки» или «тотема», на стадии земледельческого хозяйства этот термин прикрепляется к земле. <...> Аристос — так называемые вельможи, благородные, лучшие — стали благородными и лучшими потому, что некогда они присвоили себе землю — аг. <...> Потом они закрепили и в имени право на землю. Арес — бог войны, бог доблести, бог лучших — также несет в своем имени это же аг-. Ту же земельную семантику мы имеем как в названии Спарты, так и в названии ее правящего класса» (Колобова К. М. Опыт палеонтологического анализа терминов власти // Известия государственной академии истории материальной культуры. Т. 11. Вып. 2. Л., 1931. С. 20, 26).

⁷⁴ Марр Н. Я. Право собственности по сигнализации языка // На боевом посту: Сб. ст., посвященных Д. Б. Рязанову. М., 1930. С. 364, 370.

⁷⁵ «Язык — это не просто совокупность традиционно используемых символов; это система символов, значение которых соответствует определенному коду. Лингвистический код является нормативной структурой, параллельной той, которую составляют социальные ценности и нормы. Эту структуру вполне можно рассматривать как специфический случай норм, если сосредоточиться на ее культурном, отличном от социального, аспекте (Парсонс Т. Указ. соч. С. 113).

⁷⁶ Названия тотемов («лошадь», «свинья» и т. д.), как звуковой символ имели дополнительное значение «богатство». Из этого же ряда и древнерусское слово «скот», означавшее богатство, деньги, монету. Вообще большинство названий тотемов связано с понятием «бог», «небо», «священный», «солнце». В дальнейшем полисемантизм тотема проявляется в таких понятиях как: «абсолютно существующий», «царствует», «владение», «наследование», «коренной житель». У русских, как пишет Н. Я. Марр, термин «собина», означающий собственность, произошел, по-видимому, от слова собака, которое являлось магическим термином. Производные от слова «собина»: собор, пожитки, богатство, скот, себе, собственность. Слово «собственность» возводится к возвратным местоимениям «сам, себе», а последние тождественны понятию «душа» (Марр Н. Я. Право собственности... С. 374, 378).

ного знака, определяется социально-культурной ценностью языка, иными словами — способностью элиты сохранять его замкнутость как господствующего языка и навязывать другим социумам.

Вербальный денежный знак в денежном обращении представлен счетными, идеальными, банковскими деньгами. Как отмечает ряд историков Древнего мира, «при первобытной мене часто использовались идеальные единицы, как средство расчета»⁷⁷. Например деньги-скот представляли собой ни что иное, как счетную единицу. В Древнем Египте ячмень, медь, серебро, золото, масла использовались в качестве вербальных денежных знаков. Известный советский египтолог Ю. Перепелкин утверждает, что во времена Старого царства (кон. IV — III тыс. до н. э.) зерно использовалось в качестве «единообразного оценочного и покупательного средства». «Мне думается, можно считать доказанным, что в зерне Старое царство располагало единообразным и употребительным средством обращения»⁷⁸. Все они были понятиями, выступавшими в качестве знака этих вещей, т. е. не в «натуральном» виде, а как идеальная, условная расчетная единица. Так что когда имелось в виду действительно реальный продукт, требовалось дополнительное пояснение: «ячмень в виде ячменя», «серебро в виде серебра», «золото в виде золота»⁷⁹. Степень знаковости этих денежных знаков была такова, что стоимость самого ячменя в натуральном виде выражалась через ценность зерна-символа.

Другой пример использования вербального денежного знака находим в меновом контракте, относящемся к документам хозяй-

---

⁷⁷ Кёнингэм У. Рост английской промышленности и торговли. Ранний период средних веков / Пер. Н. В. Теплова. М., 1904. С. 101.

⁷⁸ Перепелкин Ю. Я. О деньгах в древнейшем Египте // Древнейший Египет: Сб. ст. / Ин-т Востоковедения АН СССР. М., 1960. С. 163). См. так же: Перепелкин Ю. Я. Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 309.

Богословский Е. С. указывает, что из 1235 «товарных цен» времени XIV–XI вв. до н. э., обследованных Як. Й. Янссеном, 888 оказались выраженными в дибанах [единица веса в Древнем Египте], как правило, меди (72%), серебра (12%) и «мешках» зерна (15%). (Богословский Е. С. Древнеегипетская экономика накануне возникновения денег // Вестник древней истории. 1982. № 1. С. 10, сноска 38).

⁷⁹ «Слово ячмень, служившее обозначением эквивалента, отвлекалось в этом значении от первоначального значения «ячмень» до такой степени, что когда речь шла не об эквиваленте, то требовалось разъяснение «в виде ячменя», т. е. ячмень в натуре» (Богословский Е. С. Указ. соч. С. 4, 6).

ственной деятельности Древней Халдеи. В контракте зафиксирован факт обмена 85 мин (37,3 кг.) смолы на 42,5 мины (18,5 кг.) «льняной шерсти», причем предварительно оба вида имущества были оценены в серебре — «деньгами в 21¹/₄ сикля»⁸⁰.

Ю. Перепелкин приводит выдержки из договора купли-продажи недвижимости, относящегося ко времени второй половины Древнего царства (Египет). Согласно этому документу, дом предварительно оценивается в 10 денежных единиц, но оплачивается не ими, а тремя предметами обихода: четвертное полотно (3 ед.), кровать (4 ед.) и двойное полотно (3 ед.)⁸¹.

В Средние века особое распространение получила такая форма вербального денежного знака, как счетная банковская монета. В Венецианской республике XII в. учреждались банки, использовавшие «мнимую или условную монету». Банк Св. Георгия в Генуэзской республике, основанный в 1407 г., вел все счета в «идеальной» монете⁸². В 1609 г. Амстердамский банк установил неизменную счетную единицу, представлявшую стоимость определенного количества серебра, равнявшуюся 211,91 асам чистого серебра и называвшуюся «банковский флорин». Банк принимал разнообразную монету, но счет велся только на «банковые флорины».

В процессе передачи информации аналоговый и цифровой виды денежных знаков используются одновременно, составляя целостную совокупность. Причем в процессе развития социально-экономической системы их соотношение постепенно изменяется так, что значение вербального денежного знака возрастает, а вещного — снижается. В своем исследовании денег А. А. Зиновьев так же оперирует двумя видами денежных знаков, правда, называя их «условные деньги» и «реальные деньги». Не вдаваясь в дискуссию о терминах, мы просто укажем, что первый соответствует нашему понятию «вербальный денежный знак», а второй — «вещный денежный знак». Здесь важно то, что ученый отмечает возрастающую роль «условных денег». Он пишет: «условные деньги не сводятся к реальным. Они суть новое качество в социальных

---

⁸⁰ *Шиллейко Вл.* Из Лихачевского собрания: меновой контракт, купчая крепость на раба, ворошение оракула // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 284–285.

⁸¹ *Перепелкин Ю. Я.* Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 303–304.

⁸² *Коклен.* О кредите и банках. СПб., 1861. С. 42–54.

отношениях людей. Величина условных денег, циркулирующих в обществе, во много десятков раз превосходит величину реальных денег, которых было бы достаточно для нормальной жизни общества, если бы условных денег не было. Но общество уже не может жить без последних»⁸³. Этот эффект объясняется тем, что цифровая передача информации при помощи вербального денежного знака предполагает большую свободу и независимость индивидов, участвующих в интерпретации кодов. Генезис цифровых (электронных) денег начинается с вербального денежного знака. Они тоже являются представлением о богатстве и силе или, как указывают современные философы, «цифровые устройства — это не что иное, как распределенная память»⁸⁴.

---

⁸³ *Зиновьев А. А.* Указ. соч. С. 33.

⁸⁴ «По сути, цифровые устройства есть не что иное, как распределенная память, и как частный случай — распределенное воображение, то есть дублируется в них не реальность, “которую мы, быть может, и не в силах воспринимать”, но форма восприятия, хорошо обоснованная (рассчитанная) реальность» (*Мальшикин Е. В., Кузницын Д. В.* Трудный рационализм // *Сретенский Н. Н.* Лейбниц и Декарт. СПб., 2007. С. 166).

Глава шестая

Денежные единицы

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЛИЧНОЙ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЫ ИЗ АНАЛОГОВОГО СЧЕТА

Наличные денежные единицы появляются в момент перехода социально-экономической системы от присваивающего типа ведения хозяйства к производящему. Сам же этот переход есть результат разрешения противоречий между социальными и экономическими институтами, т. е. между постоянно растущей социально-психологической потребностью элиты накапливать богатство и возможностью сохранять его ценность.

Невозможность сохранения ценности накапливаемого имущества определяется двумя причинами. Во-первых, передвижение как основное условие производства присваивающего хозяйства становится невозможным из-за постоянно увеличивающегося количества имущества. Как пишет Ф. Боас, «кочевая жизнь без специальных транспортных средств препятствует накоплению крупных богатств»¹. Во-вторых, согласно одному из социально-психологических законов, ценность постоянно растущего богатства уменьшается по экспоненте².

---

¹ Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 506.

² Величина ценности определяется психофизическим законом Фехнера, описывающего взаимосвязь между уменьшением интенсивности реакции и повторением количества раздражения. «Наше сознание независимо от нашей воли производит сравнительную оценку испытываемых нами ощущений — при наличии более сильных ощущений более слабые не замечаются». Опираясь на этот

С нашей точки зрения, эти два фактора являются необходимыми и достаточными условиями для инициации процесса создания денежных единиц. Снятие первого ограничителя с железной необходимостью приводит к возникновению второго. Так, если размер богатства, достигнув определенного уровня, вынуждает верхний ранг перейти к оседлому образу жизни, то это приводит к тому, что «движимое» имущество превращается в «недвижимое». Последнее создает предпосылки для снижения его (имущества) социальной ценности, а вслед за ней и стоимости.

Рассмотрим последовательно взаимодействия этих двух факторов. Что касается первого, то переход от присваивающего хозяйства к производящему вызвал изменения в организации хозяйства, а именно замену системы непосредственного потребления системой отложенного потребления. Для присваивающего воспроизводственного процесса характерно «немедленное» потребление, когда вложенный труд дает немедленный результат, готовый для потребления. Хозяйству с «отложенным» потреблением соответствует производящий воспроизводственный процесс, когда между вложенным трудом и получением результатов для потребления существует временной разрыв. Этот временной разрыв «финансируется» из аккумулированных элитой запасов благ посредством организации редистрибутивного внутреннего социального обмена, предметом которого чаще всего была пища. Как было отмечено выше, это «финансирование» принимало формы жертвенных обедов, потлачей, выдачей государственного жалования продуктами питания³

Элитная группа с помощью ритуалов, трансформировавшихся в нормы социального обмена, управляла распределением продуктов между отдельными группами⁴. Каждый общинник имел гарантированное право на пропитание, а обязанность вождя — обеспечение реализации этого права. «Временной разрыв между трудом и получением его результатов обязательно предполагает определенную систему социальных отношений: строго нормативно упорядоченных,

---

закон, мы и формулируем основной социально-психологический закон, приведенный в тексте, к которому относится данная сноска.

³Документы царского и храмового архива Угарита (город-государство 2 тыс. до н. э. в Финикии) свидетельствуют, что жители селений, участвовавшие в царских работах, обеспечивались казной пропитанием (*Гельцер М. Л.* Материалы к изучению социальной структуры Угарита // *Вестник древней истории.* 1952. № 4. С. 30).

⁴*Артемюва О. Ю.* Личность и социальные нормы... С. 62.

дифференцированных функционально и статусно — отношений, создающих социальные каналы, по которым в соответствии с разработанными правилами циркулируют важнейшие материальные ценности и идет обмен услугами. Такая система отношений требует прочных социальных связей, в частности, в виде всевозможных родственных структур. В такой системе социальных отношений, как правило, существует социальное неравенство в тех или иных нормативно закреплённых формах»⁵.

Передача реального богатства для финансирования производства привела к необходимости зафиксировать право на его возврат после завершения воспроизводственного процесса. Это право представлено некоторыми символами, знаками богатства или, как пишет М. Салинз, своего рода «жетонами», способными на время «законсервировать» стоимость внутри себя⁶. Таким образом, переход к оседлому образу жизни и производящему хозяйству является необходимой предпосылкой появления денежных единиц, закрепляющих право на возврат стоимости.

Относительно второго фактора, вызывающего появление денежной единицы, то он вытекает из социально-экономического закона, согласно которому отсутствие у материального богатства движения приводит к потере им социальной ценности и, соответственно, экономической стоимости⁷. Организовывая ре-дистрибутивный социальный обмен, элитная группа не только «финансирует» отложенное потребление, но и «спасает» свое имущество от обесценения, придавая ему движение. Но это, в свою очередь, вызывает необходимость стоимостного *учета* находящегося в обороте богатства.

Система счисления тождественна системе денежных знаков и включает в себя два способа учета: аналоговый и цифровой. В первом случае вещи сопоставляются с вещами, т. е. происходит срав-

---

⁵ Артемова О. Ю. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные. . . С. 78.

⁶ «Они [деньги. — Ю. Б.] появляются в сочетании с необычным преобладанием сбалансированной реципрокности в периферийных секторах общественной жизни. < . . . > Видимо, столь же важны обстоятельства, поощряющие отсроченный возврат при обмене и соответственно внедрение своего рода «жетонов», на время как бы консервирующих стоимость внутри себя» (Салинз М. Указ. соч. С. 270).

⁷ Д. Риккардо писал: «Многие заблуждения в политической экономии объясняются ошибочными взглядами на этот предмет, а именно отождествлением возрастания богатства с возрастанием стоимости» (Риккардо Д. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 227).

нение равночисленных множеств. В качестве «вещей», к которым осуществляется соотношение, выступают наличные денежные единицы. Во втором случае — при цифровом исчислении — богатство соизмеряется с числом (безналичные денежные единицы), к которому и соотносятся сосчитываемые предметы. «Ряд чисел, освобожденных от своего первоначального предметного значения, <...> выступает при этом в роли стандартного множества вещей, играющего роль всеобщего эквивалента. Число, являющееся производным понятием по отношению к множеству вещей, выступает при этом как предшествующее вещам, заранее существующее до всякого счета и необходимое даже в качестве промежуточной ступени для установления соответствия между множествами вещей»⁸. История счисления показывает, что аналоговый способ счета предшествовал цифровому, создавая последнему психологическую основу для восприятия числа. «Равенство чисел можно установить, не зная самих этих чисел: мы имеем возможность определить понятие равночисленности двух множеств, хотя не умеем еще определить характерное для них число. Два множества равночисленны — иногда говорят равномощны, — если их можно привести во взаимнооднозначное соответствие друг с другом»⁹.

Психология аналоговой процедуры счета такова, что она предполагала сопоставление единицы одного множества к единице другого множества. Так что каждая считаемая вещь мыслилась как целое только попарно с инструментом счета. Поэтому само материальное богатство воспринималось как целое, только если оно сопровождалось самим инструментом счета. Переуступка последнего автоматически создавала обязательство передачи первого. В противном случае материальное богатство становилось «одиноким», «половиной» целого. Обстоятельством, определившим ход развития счисления, была коренящаяся в условиях первоначального развития представлений невозможность для первобытного человека в течение значительных промежутков времени отделять числовое представление от конкретного представления группы предметов. В связи с этим счет мог быть и был только вещественным, аналоговым.

В традиционных обществах некоторому множеству реальных

---

⁸ Яновская С. А. Методологические проблемы науки. М., 1972. С. 41.

⁹ Там же. С. 37.

вещей противопоставлялось равномоощное ему множество — множество «символических» вещей, денежных знаков, денежных единиц. Началом аналогового счета можно считать момент появления у первобытного человека определенного представления о единице и неопределенного представления о множестве. При таком счете одной единице материального богатства противостояла одна учетная единица, которая могла быть представлена какой-либо вещью (денежный знак), обладавшей магическими свойствами. Интуитивно каждый из вышеперечисленных денежных знаков приравнивался единице. Как только денежный знак приобретает цифровой или изобразительный номинал, он трансформируется в денежную единицу.

Денежная единица — это денежный знак, имеющий номинал. Номинал первой денежной единицы равнялся единице.

Широко распространенной денежной единицей был камень. По древним представлениям, люди произошли из камней или зубов убитого дракона, поэтому для учета членов общины применялись камни или клыки собаки, волка, медведя, и каждый из них соотносился с человеком или животным. Антрополог Л. Леви-Брюль приводит интересные этнографические наблюдения об отношении людей традиционных обществ к камням. Они считают, что в камнях живут души. Например, в охотничью ловушку кладут «камени ямы», душа которых обладает способностью приманивать дичь. Обработывая участок земли, его хозяин зарывает в нем передшие к нему от предков магические камни, которые должны гарантировать достойный урожай¹⁰. К. Колобова приводит интересные примеры из греческого языка по поводу этимологии слова «камень». Она пишет, что слово бык (bus) лежит в основе таких слов как «добыча», «скот», «пашня», «камень»¹¹! Латинское *calcularе* — считать от *calculus* — камешек, современное слово «калькулятор» этимологически происходит именно от слова «камень».

Для удобства эти денежные единицы нанизывались на нить, которая уже представляла собой «бухгалтерскую запись» о количестве скота или людей. Естественно, что хранились и (или) носились такие «записи» исключительно элитой социума — посвя-

¹⁰См.: *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет / Пер. с фр. СПб., 2002. С. 251–252.

¹¹*Колобова К. М.* Опыт... С. 24.

ценными мужчинами. Передача такой денежной единицы (камня) означала переуступку обязательства на одно животное или человека.

Наряду с камнями в качестве учетных единиц могли использоваться зерна растений, раковины, куски янтаря, косточки, металлические кругляши, зубы, когти, кости, волосы животных, людей и т. д. Все они просверливались и нанизывались на нить, фиксируя величину богатства его хозяина. Определенный предмет являлся, по-видимому, представителем конкретного вида реального богатства. Например, в Китае, у племен Южной Америки, многих народов Африки и Австралии в качестве счетного инструмента употреблялись шнурки с узлами, обозначающими вид и число предметов. Обыкновенно на одном длинном и более толстом шнуре (иногда он имел форму кольца) навязывались на определенных расстояниях более короткие и тонкие шнурки различного цвета. Красный цвет служил для учета солдат, желтый — золота, белый — серебра, зеленый — хлеба и т. д.

В африканских племенах в качестве инструмента учета использовались черепа буйволов, оленей, тигров, обезьян, в Древнем Египте — кожа вола, у народов Крайнего Севера России — шкуры оленей.

Широко известны бусы «вампум», которые изготавливались из особых раковин в форме цилиндрических кружков, использовавшихся североамериканскими индейцами в качестве денег. Нанизанные на ремешок, они образуют так называемые вампум-пояса, заменяющие письменные документы при заключении союза или мира. Любопытно, что в свое время европейцы пытались подделать эти денежные единицы, но индейцы легко обнаруживали фальсификацию.

Особенно важно отметить, что все эти камни, черепа, шкуры, ракушки и другие предметы, являвшиеся **одновременно** и инструментом счета, и инструментом учета, трансформировались в знаки собственности, наличные денежные единицы. Для последних характерно наличие на них графических или орнаментальных изображений, носящих бесспорно магический смысл, говорящих о праве собственности их владельцев. Н. Марр видит непосредственную связь между моментом возникновения письменности и магическими геометрическими рисунками. Он пишет, что «в предметах с изобразительными мотивами можно распознать магически

значимые геометрические, растительные или фигурные рисунки-символы, зачатки первобытной письменности»¹².

Например, в Древней Руси гривна — обруч, ожерелье — была символом свободного человека высшего сословия. Гривна являлась символом богатства и использовалась в качестве денег. Ее сопричастность со свободой и богатством подтверждалось надписями на ней и изображениями ликов святых. «Черниговская гривна, хранящаяся теперь в Эрмитаже, <...> сделана из чистого золота, весит 43 золотника (184 гр. — Ю. Б.). <...> На одной из сторон <...> вычеканено изображение архангела Михаила, узор и надпись. <...> на другой стороне изображение человеческой головы, окруженной десятью змеями и две круговые надписи»¹³.

Для славян скандинавского происхождения счетно-учетным инструментом выступала бирка — небольшая выстроганная с одной стороны палочка, служившая для счетоводства и являвшаяся средством закрепления прав на имущество. На гладкой поверхности бирки посредством нарезок или зарубок разного вида обозначалось количество полученных вещей. В дореволюционной России на крайнем Севере кочевые народы и торговцы часто оставляли свое имущество без присмотра, накладывая на него свой знак. Такое имущество считалось неприкосновенным. Если же кто-нибудь брал какую-либо вещь в отсутствие хозяина, то оставлял свой знак. Таким образом, знак собственности превращался в своего рода расписку. В Воронежской губернии крестьяне имели особые наследственные знаки для обозначения своих полей. Такие знаки, в виде колеса, телеги, ножниц и т. п., выделывались сохой на ниве, и на том месте, где выделан знак, хлеб рос ниже. В Черниговской губернии ремесленники клали разные знаки на орудия труда.

В дальнейшем при замене аналогового исчисления цифровым (численным), некоторые учетные инструменты богатства теряли свое первоначальное назначение и превращались в украшения (бусы, кольца, пояса), которые могли уже носить и женщины. Вообще необходимо отметить, что использование денежных знаков, утративших значение вторичного символа, в качестве украшений является закономерностью. Например, народы Поволжья декориру-

---

¹² *Марр Н. Я.* Язык и письмо // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1930. Т. 6. Вып. 6. С. 15.

¹³ *Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография: XI–XIV вв.: Лекции. СПб., 1885. С. 138.

ют монетами головные, шейные и поясные уборы. Но до сих пор некоторые исследователи истории денег находятся в заблуждении, считая, что изначально украшения играли роль денег. Такая путаница возникает только тогда, когда социальный факт подменяют художественным артефактом¹⁴.

В действительности верно обратное утверждение. Именно то, что просверленные и нанизанные на нить камни, ракушки, металлические округлые предметы и т. д. когда-то выступали в качестве учетных единиц реального богатства, и дало возможность воспринимать их как украшения.

2. СОЗДАНИЕ БЕЗНАЛИЧНОЙ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЫ ИЗ ЦИФРОВОГО СЧЕТА

Цифровой счет осуществляется с помощью числа, но само число появляется из аналогового счета. Чтобы могло возникнуть понятие числа, необходима трансформация *представления* об учетном инструменте в *понятие* о числе. Последнее — понятие — возникает из практического отношения человека к счету, состоящему в умении комбинировать вещи (реальные и символические) во множества и приводить эти множества в соответствии друг с другом.

В формировании понятия числа немаловажное значение имеет слияние в одном комплексе *действия* и *предмета*. В этом слиянии большую роль играет взаимодействие трех форм коммуникаций, трех форм речи: кинетической, звуковой и письменной. Язык жестов (кинетическая речь) был первоначально основным способом как общения, так и аналогового счета, при котором рука выступала материальной мерой измерения. «Основное орудие кинетической речи «рука» вошла прямо-таки в древнейшие типы письма. <...> В числе идеографических фигур в значении различных божеств особенно часто появляется рука в различных видах»¹⁵. Описывая систему счета у народов Африки, ученый-этнограф Д. Ольдерогге показал, что «счет неотделим от жеста и по существу числительное — не что иное, как описание приема счета»¹⁶. Впоследствии ста-

---

¹⁴См.: *Святловский В. В.* Примитивно-торговое государство, как форма быта. СПб., 1914. С. 32.

¹⁵*Март Н. Я.* Указ. соч. С. 19.

¹⁶*Ольдерогге Д. А.* Система счета в языках народов тропической и южной

ло возрастать значение звукового языка, затем уже и графических символов. Н. Марр говорит о «последовательности смены линейного языка, как ручного или кинетического, так и графического с неподвижными символами, звуковым языком»¹⁷. С нашей точки зрения, такое утверждение не совсем точно, поскольку все три формы коммуникации существовали и существуют одновременно. Имеет смысл говорить только лишь о смене доминанты в этом комплексе. Графический знак числа возникает за счет взаимодействия двух действий: звуковой и кинетической речи. Жест и его звуковое сопровождение превращается в знак числа. Оба эти действия социально обусловлены, и потому формируемое ими число является сигналом. Д. Ольдерогге показывает это на примере счета у народов занде: звуковое обозначение числа «10» сопровождается хлопаньем в ладоши; «15» — похлопыванием двумя руками по ноге; «20» — одной рукой сначала по одной, затем по другой ноге; «40» — сопровождается теми же похлопываниями, что и «20», но повторенными дважды¹⁸.

Доминирование звуковой речи стимулировало появление названий числовых знаков, а развитие письменной речи — числовых изображений. Совокупность двух составляющих понятия числа: его названия и изображения — была основой для создания безналичной денежной единицы и развития цифрового способа счета. Сигнало-слово, значением которого выступает число, т. е. некоторая фиксация количественного содержания стоимости, рассматривается нами как безналичная денежная единица¹⁹. Как писал Эдмунд Линч, «любая произвольная ассоциация, которую используют много раз, в конце концов, начинает казаться сущностной»²⁰.

Сама идея числа предполагала трансформацию некоторой последовательности (множества) в определенную сумму (число)²¹. Множество, измеряемое при помощи пальцев руки, в наилучшей

Африки // Африка. Африканский этнографический сборник. Вып. 13. Л., 1982. С. 8.

¹⁷ Марр Н. Я. Указ. соч. С. 21.

¹⁸ Цит. по: Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. М., 2004. С. 515.

¹⁹ «Звуковая речь начинается не со звуков, но и не со слов, а с определенного идеологического построения» (Марр Н. Я. Указ. соч. С. 19).

²⁰ Линч Э. Указ. соч. С. 28.

²¹ «Число можно определить как общее свойство всех множеств» (Яновская С. А. Указ. соч. С. 38).

степени превращалось в счетный ряд, который имел начало, конец, а его мерой было пять единиц. Это привело к последующему развитию первобытного счисления, которое состояло в последовательном выделении из неопределенного представления множества определенных представлений два, три, четыре и пять.

Множество могло измеряться и с помощью двух рук, тогда мерой счетного ряда являлись десять единиц, а, при добавлении пальцев ног эта мера увеличивалась до двадцати единиц. Индейцы Америки в своем языке жестов обозначали число 20, вытягивая все 10 пальцев по направлению к ногам, а эскимосы то же число выражали сочетанием слов «кончен весь человек», т. е. «кончен» счет всех его пальцев на руках и на ногах. Эта связь числа с пальцами рук, отражается в широком распространении *десятичной* системы счисления во всем мире. Иногда встречаются системы *пятеричные* и *двадцатеричные*, происходящие от того же естественного способа счета по пальцам, с той разницей, что в основе *пятеричной* системы лежит только одна рука, а при *двадцатеричной* привлекаются к счету еще и ножные пальцы.

Таким образом, число — это количество единиц во множестве. Совместное использование множества и числа образует так называемые числовое множества, материальной мерой счета которого могут быть, например, корзина грибов, ведро воды, пакет молока, коробок спичек, пятак, заплата.

Первым числовым множеством, используемым при счете, было «пять». Когда все 5 пальцев одной руки оказывались занятыми выражением числа, ставился особый знак, нанесение которого освобождало руку. При счете большого числа предметов человеку приходилось делать много внешних заметок для обозначения последовательно получаемых чисел, равных **основному числу (5)** системы счисления. Считать эти заметки человек опять-таки мог только по пальцам, причем, дойдя до основного числа системы, он должен был делать новую заметку. К такому знаку могли относиться черта, проведенная на песке или красящим веществом на какой-нибудь поверхности, камень, и т. д. Этим приемом было положено начало развитию письменного счисления.

Вторым числовым множеством был десяток, который также обозначался особым знаком. Третье множество состояло из двадцати единиц и имело собственное обозначение. Причем принцип построения установившихся во всех без исключения известных нам

цифрных системах один и тот же — следование меньших разрядов за большими в направлении письма.

Числовое множество имело материальную меру измерения. Например, рука соответствовала цифре 5, человек «состоял» из двадцати единиц. Интересный пример такой материальной меры счета находим у проф. Б. Соколова. Он пишет: «Самой большой товарной денежной единицей был так называемый «сорок», т. е. мешок, в который клали 40 шкурок (куницы, соболя), составлявших набор на полную шубу. Впоследствии понятие «сорок» превратилось в числительное»²².

Становление цифрового счета связано с превращением числа в символ. Число должно пройти все этапы формирования символа: от первичного символа ко вторичному, от идеализации к идеологизации. Число, или сначала — числовое множество, сопоставляется с вещью и первому приписываются свойства второго. Самой этой совокупности чисел придавались магические свойства. Как пишет А. Лосев, «числовым образом стали трактоваться и отдельные вещи, и душа, и произведения искусства, и все видимое небо, и весь космос. Все есть число. <...> Куб, как нечто устойчивое, приравнивался земле, вода, как нечто более подвижное, — икосаэдру»²³. Пифагор учил, что «элементы чисел являются элементами всего сущего. Сначала это число вообще ничем не отличалось от вещей и сохраняло чисто вещественную и чисто телесную природу»²⁴.

К сожалению, ни этнологи, ни социальные антропологи не дают нам четко разработанного материала о соотношении чисел и вещей. Здесь мы можем указать лишь на хорошо известные взаимосвязи. Например, число 5 отражает число пальцев человеческой руки, число лепестков всякого цветка из семейства бобовых. 0 — ноль обозначало целое или меру емкости 0,17 л. (у египтян) или пустоту (у индусов). Вл. Шилейко пишет о взаимосвязи чисел 7 и 3 с гендерными признаками животных²⁵. Для многих людей число 12 обладает сакральным смыслом и означает солнце, как культо-

---

²² Соколов Б. И. Эволюция устройства денежной системы Российской Федерации // Деньги. Кредит. Банки: Учебник. 2-е изд., испр. / Под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М.: Проспект, 2006. С. 121.

²³ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Искусство, 1992. С. 505–506.

²⁴ Там же. С. 505.

²⁵ Так, автор отмечает, что «числа 7 и 3 для животных мужского и женского пола имеют, очевидно, ритуальное значение» (Шилейко Вл. Указ. соч. С. 289).

вое явление. С этим числом, как правило, связаны религиозные представления. Коллегия из 12 жрецов у древних римлян считается одним из самых древних и священных учреждений. Предание свидетельствует, что у приемной матери Ромула имелось 12 сыновей. Древнеримские жрецы бога Марса разделяются на две коллегии по 12 человек в каждой. Апостолы, которых насчитывалось 12 лиц, избраны Христом для распространения Его учения.

В соотношении числа и вещей для нас важным является процесс идеологизации этих отношений. По мнению А. Лосева, «число является только результатом фиксации отчетливейших структурных соотношений в наблюдаемой действительности»²⁶. Эту фиксацию можно рассматривать, с одной стороны, как числовую мистику, поскольку число облекалось в одушевленную и фантастическую форму. С другой — как рациональный и зрительный способ закрепления социальных отношений. Например, человек интуитивно приравнивался числу 20, которое соответствовало понятию целого, завершенного, полного. Одновременно это число отражало и общественные связи, означая свободного человека.

Такая ассоциация объясняется тем, что это было наибольшее число, которым оперировал индивид в то время. Опираясь на это положение, можно внести ясность в некоторые явления социально-экономической жизни. Например, палеонтологи приводят сведения, что численность традиционных общин находилась в пределах от 80 до 100 человек²⁷. Такой размер группы может быть объяснен различными причинами. Однако немаловажным является и тот факт, что элита могла учитывать собственность, количество которой не превышала двадцати единиц. Люди, «выпадающие» из этого множества, становились лишними, потерянными.

Интересные сведения о значении чисел приводит А. Лосев. Он, опираясь на «античные дофилософские источники», выводит ряд закономерностей в употреблении древними греками чисел. Так, он перечисляет следующие «излюбленные» цифры Гомера: «число 3 встречается 123 раза, число 12 — 59 раз, число 9 — 47 раз, число 4 — 43 раза, число 10 — 41 раз, число 7 — 34 раза»²⁸. В произведениях Гесиода встречаются «12 титанов, 3 циклопа и 3 сторуких. У Тифона и Эхидны имеются трое детей. У титанки Фен — трое

²⁶ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 502.

²⁷ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 35–82.

²⁸ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 503.

детей. У Зевса и Европы — 3. <...> У Гомера мы находим 12 убитых Диомедом фракийцев, 12 погибших троянцев, 12 пленников, приносимых Ахиллом в жертву, 12 жертвенных быков, 12 участников Одиссеевой разведки, 12 итакийских женихов Пенилопы»²⁹. Этот ряд может быть продолжен и далее. Но самое интересное в приводимом литературном материале то, что ни в одном месте не встречается число больше 20.

Однако раз возникнув, числа сами выступают в дальнейшем как стандартные множества вещей, к которым соотносятся при счете сосчитываемые реальные богатства. И это «переворот в методе», исторически сопряженный с превращением чисел из характеристики некоторых равномоощных друг другу множеств вещей в особые, до всяких вещей и их множеств существующие «вещи». Как пишет С. Яновская, «стандартное множество числовых знаков (или имен числительных), играющее роль «всеобщего эквивалента» при счете вещей, завершает этот процесс логического развития понятия о числе»³⁰.

Подводя итог, можно сказать, что, во-первых, возникновение безналичной денежной единицы связано со становлением понятия числа. Безналичная денежная единица есть само число. А. Зиновьев также говорит о наличии связи между функционированием «условного денежного знака» и числом. Так, ученый пишет: «Лишь государственные деньги <...> становятся основой для высшей стадии эволюции денежной системы — для системы условных денег, т. е. для учета, расчета и **регулирования деятельности и отношений людей в числах**, обозначающих величины денег, но без участия реальных денежных знаков [выделено нами. — Ю. Б.]. Люди получают заработную плату, осуществляют покупки, <...> осуществляют бесчисленные денежные операции, не прикасаясь руками к деньгам. <...> Производятся банковские расчеты в неких потенциальных деньгах, происходит **передвижение воображаемых денег путем манипуляций с числами** на бумагах [выделено нами. — Ю. Б.]»³¹.

Во-вторых, формирование безналичной денежной единицы и числа есть результат взаимодействия трех форм коммуникаций: кинетической, звуковой и письменной речи.

---

²⁹ Там же.

³⁰ Яновская С. А. Указ. соч. С. 46.

³¹ Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 33.

Безналичная денежная единица есть действие по учету движения реального богатства.

В-третьих, безналичная денежная единица и число суть некоторая фиксация количественного содержания стоимости. «Деньги — наиболее явная, наглядная форма количества, вместе с тем они абстрактны как числовой ряд, как числа лишенные предметности. В этом они обретают своего рода информационный статус. В информационном обществе возникает конвертируемость денег в информацию: в таком обществе каждому предмету, отношению, событию как бы приписывается некий числовой код. <...> В окончательном варианте все сводится к денежной расшифровке, которая и представляет эти факты»³².

Безналичная денежная единица представляет собой определенное действие, условное обозначение, цифру и т. д., которые описываются словом, числовым знаком или звуком. Эти отдельные слова совмещают в себе понятия, идею самого действия и звучание его названия.

Возникновение безналичной денежной единицы возможно только во взаимодействии с наличной денежной единицей. В системе денежного обращения и первая и вторая являются взаимодополняющими и одновременно взаимопротивопологающимися элементами. Следует отметить, что процесс изготовления денежной единицы любого типа представляет собой затраты труда, создание реальной стоимости или, используя марксистскую терминологию, субстанциональной стоимости.

3. ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЫ КАК ИРРАЦИОНАЛЬНАЯ ФОРМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ДЕНЕЖНОГО ЗНАКА

Деньги начинаются с символизации, в процессе которой создаются деньги-символы, с присущей им социальной ценностью, формируемой при помощи внушения. Деньги-символы — это деньги, которые являются мыслью, идеей, представлением. . .

Но идея может быть представлена некоторой формой, вещью. Деньги-мысль воплощаются в денежные знаки, и это воплощение

---

³² *Королев В. К.* Деньги в хозяйственной культуре // *Философия хозяйства*. М., 2002. № 5. С. 285.

происходит в процессе социального оборота, где методом убеждения они — денежные знаки — институализируются, а индивиды социализируются. А с помощью методов подражания и подкрепления социальная ценность трансформируется в представительную стоимость денежного знака.

Денежная единица — это заключительный этап происхождения денег. Появляясь, денежные единицы создают экономическую действительность, которая затемняет, камуфлирует персонифицированные (психологические) и социальные взаимосвязи, подменяя их денежными. Денежные единицы обладают покупательной способностью, которая является иррациональной формой представительной стоимости денежного знака. Иррациональной в том смысле, что ее поведение не поддается рациональному объяснению. Трудность объяснения поведения покупательной способности денежной единицы вытекает из того, что ее трактуют достаточно узко, определяя как некоторую *количественную* пропорцию обмена на товары и услуги³³. В действительности же в основе покупательной силы денег лежат качественные характеристики (социально-психологические), которые трансформировались в количественные (экономические).

В *количественных* пропорциях обмена проявляются отношения вещи к другим вещам. Такие пропорции создают в сознании индивида представления, что эти отношения являются равными, эквивалентными, скрывая таким образом суть социальных отношений.

Качественные пропорции обмена отражают отношения между людьми, которые изначально являются неравными. Они выражают суть социальных отношений, и их количественная величина зависит от социального статуса индивида, групп, обществ, вступающих в обмен. С нашей точки зрения, в определение покупательной способности денежной единицы необходимо включать качественные и количественные характеристики.

Покупательная способность денежной единицы — это качественная, трансформировавшаяся в количественную, пропорция обмена символических благ (денег) на реальные блага, легитимированная правовыми институтами.

Покупательная способность денег в немалой степени зависит от

---

³³ «Покупательная способность денег — способность денежной единицы обмениваться на определенное количество товаров и услуг» (Финансово-кредитный словарь: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 439).

предшествующих акту обмена социальных взаимоотношений, в которые встроены рыночный механизм. Ценовой механизм, если его рассматривать в совокупности властных отношений в обществе, является не столько средством уравнивания спроса и предложения, сколько основой для исключения, ограничения доступа к определенным благам тех, кто не обладает достаточной властью. С этой точки зрения, цену необходимо рассматривать как символическое свойство, придаваемое вещам элитой общества.

Представители стоической философской школы считали, что ценность есть не качество вещей, а лишь значение, которое мы придаем хозяйственным благам. Плиний Старший называет цены предметов потребления выдумкой людей или прихотью отдельных лиц, особенно царей. Сенека говорит, что цены зависят не от полезности вещей, а от обычаев³⁴.

В свою очередь С. Булгаков писал, что цены мало связаны с издержками производства, не указывая, правда, чем определяется их величина. Так, он пишет: «Цены товаров, даже по признанию самих творцов трудовой теории ценности (Рикардо, Родбертуса и Маркса), не соответствуют трудовым ценностям, им приписывается почетная роль идеального, теоретического мерил ценности. <...> Для оценки значения труда в хозяйстве, как его основы, совершенно несущественно и, пожалуй, даже неинтересно, в каком отношении рыночные цены стоят к трудовым ценностям»³⁵.

Французские ученые Ш. Жид и Ш. Рист, характеризуя экономическое учение Ф. Листа и полемизируя с ним, отмечают, что «таможенные тарифы никогда не являются результатом применения какой-либо экономической доктрины. Они получаются из компромисса между имущественными интересами, часто не имеющими ничего общего с интересами общества, и соображениями политического, финансового и избирательного характера, играющими иногда в их установлении преобладающую роль»³⁶.

П. Бурдьё, развивая эту же идею, пишет, что с «самого раннего воспитания прививается аксиоматика, которая запечатлена в закономерностях экономического строя, как изначально заложен-

---

³⁴ Залеский В. Ф. Философские системы и экономические теории в Древнем Риме // Журнал Министерства народного просвещения. СПб, 1907. Ч. 11: сентябрь. С. 418, 419, 421.

³⁵ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 87.

³⁶ Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1995. С. 222.

ный в них смысл, делающий некоторый вид имущества достойный соискания и сохранения. <...> Такая вера [доверие элите, ее символам. — Ю. Б.] лежит в основе глубоко обоснованной иллюзии, будто ценность благ, которые она побуждает преследовать, заложена в самой природе вещей, а заинтересованность в этих благах — в самой природе людей»³⁷.

Покупательная способность денежной единицы — это в первую очередь качество, возникающее из процесса накопления, поскольку богатство хочет богатства, подобно нищепанскому принципу «воля хочет только воли». Качество становится самостоятельным, выражаясь в мере³⁸, а если мы говорим о денежной единице, то в материальной мере счета.

Итак, постоянное стремление элитной группы к обогащению приводит к возникновению, с одной стороны, денежной единицы как материальной меры счета, а с другой — ее покупательной способности, выражаемой в числе — пропорции обмена. Денежная единица совмещает в себе два свойства — одновременно быть и материальной мерой счета, и числом. Этот двойственный характер денежной единицы выражается в двойственном характере денежного обращения, где параллельно ходят два вида денежных единиц: наличная и безналичная. Первая выступает как материальная мера счета, а вторая — число, ее определяющее.

Из взаимодействия материальной меры счета и числа возникают пропорции обмена, или покупательная способность денежной единицы. Поскольку и первое, и второе являются символами, отражающими качественные взаимосвязи, постольку и сама пропорция обмена отражает эти связи. Первоначальная пропорция обмена, отражавшая социальные взаимосвязи, представляла собой соотношение 1 : 20.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере. Можно предположить, что 20 — это примитивное число власти, которому приписывался смысл, означавший свободного человека, представителя верхней страты социума. Это было связано с тем, что 20 было самым большим числом, которое мог знать и воспринимать первый

---

³⁷ Бурдые П. Мир как взаимопревращение форм капитала // Эксперт «Сообщение». 2004. № 11. С. 56–57.

³⁸ «Мера есть определенное количество, с которым связано некое наличное бытие или некое качество» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1: Наука логика. М., 1974. С. 257).

(в прямом и переносном смысле) человек. Существует иная точка зрения, согласно которой 10 (две руки) было самым большим числом, которое и означало человека.

Действительно, рука играла огромную роль в психофизическом и социальном прогрессе человека. В первом случае развитие руки способствовало развитию мозга и мышления, во втором — она выполняла мистическую функцию, поскольку ее прикосновение приводило к присвоению богатства, приобщению к сообществу и т. д.³⁹. Но поскольку счет произошел от способа учета богатства, то его развитие связано с увеличением размера богатства, первым видом которого являлся человек. Включение пальцев рук и ног в процедуру счета связано с тем, что физиологически человек в течение своей жизни способен родить 20 детей, что и происходило с первобытными женщинами⁴⁰. Поэтому для учета новых членов сообщества были включены пальцы как рук, так и ног.

Кроме числа 20 другим символом свободного человека выступала гривна — шейный обруч. Многочисленные артефакты археологического и этнографического порядка свидетельствуют, что в разных местностях и разное время гривна всегда: а) выступает символом свободного человека, б) имеет одинаковый вес и в) форму. В выставочных экспозициях Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнологии РАН и Государственного этнографического музея представлены гривны различных эпох и народов. Наиболее ранняя гривна, которую обнаружил автор, находится в Государственном Эрмитаже и датируется I тыс. до н. э. Все гривны имеют округлую форму, воспринимаются как шейные украшения и изго-

---

³⁹ «Развитие руки, может быть, более, чем развитие какого-либо другого органа, сделало человека человеком, и расчленение иннервации руки сыграло важную роль в развитии человеческого мозга. <...> Когда первобытные племена сталкивались между собою, решающую роль в длительной борьбе играли часто именно те или иные способности руки» (*Кольцов Н. К.* Генетический анализ психических особенностей человека // Русский евгенический журнал. 1923. Т. 1. Вып. 3–4. С. 286, 287).

⁴⁰ «Европейская женщина способна к зачатию и деторождению в периоде между 15 и 45 годами в среднем. За эти 30 лет она может родить 20 детей, считая на каждого ребенка 9 месяцев беременности и 9 месяцев кормления. Отсюда вместе с Ленцем можно вывести, что физиологически женщина способна родить до 20 детей в течение своей жизни, и мы определенно знаем случаи из нашего времени, когда на одну мать приходилось более 20 рождений» (*Кольцов Н. К.* Влияние культуры на отбор в человечестве // Русский евгенический журнал. 1924. Т. 6. Вып. 2. С. 4–6).

товлены из различных металлов. Как говорилось выше, большинство атрибутов власти, например, кольцо, спираль, корона, печать, монета, в том числе и гривна имели геометрическую форму в виде круга — символа солнца. Заимствование солярного изображения должно было передать означенным предметам мистический смысл и магические свойства. Известный историк денежного обращения проф. В. Святловский отмечает, что «у древних славян они [шейные украшения. — Ю. Б.] были известны под названием гривен и по своему фасону сходны с подобными же ожерельями всех народов. Древние скандинавский, ирландский, персидский и славяно-русский типы этих украшений ничем не отличаются от тех, что в ходу в настоящее время на островах Полинезии»⁴¹. По сведениям проф. Б. Соколова, на территории России найдено 355 гривен общим весом 56 кг. Таким образом, средний вес каждой составляет около 160 граммов⁴².

Взаимодействие вещного (гривна) и числового (20) символов, имеющих одинаковое социальное содержание (свободный человек) привело к тому, что кратное деление гривны на 20 единиц создает металлические денежные знаки (монеты) с содержанием значения числа 1. Причем, если исходить из того, что вес гривны колеблется от 160 до 200 граммов⁴³, то максимальный вес такой учетной единицы (монеты) не мог превышать 10 граммов. Археологические материалы и этнографические наблюдения подтверждают эту гипотезу — вес первых монет не превышает этого значения. «Взвешивание золотых монет, колец и иных золотых предметов, служивших в качестве денег, убедили нас, что все они основываются на одной общей единице. Так, этрусские, германские, египетские (спирали),

---

⁴¹ Святловский В. В. Прimitивно-торговые государства, как форма быта. СПб, 1914. С. 32.

Единственным исключением является гривна, сплетенная из конских волос и датируемая V–IV вв. до н. э. Это волосяное ожерелье является атрибутом власти народов Северного Алтая.

⁴² Соколов Б. И. Эволюция устройства денежной системы Российской Федерации // Деньги. Кредит. Банки: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. М.: Проспект, 2006. С. 121.

⁴³ По сведениям Д. И. Прозоровского, в Древней Руси гривна серебра весила 173 грамма, гривна кун и гривна золота весили одинаково 180,5 грамма (Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865. С. 175, 381, 385).

Согласно Н. Д. Мец, вес серебряного слитка (гривны) был 204 грамма (Мец Н. Д. Наш рубль: Исторический очерк. М., 1960. С. 8).

карфагенские деньги все весят 7,5 грамм; микенские времен Гомера (“таланты”), аттические (“статеры”) несколько не уклоняются от общего веса; индийские (VII в. до н. э.) — весят 8,12–8,44 граммов, около того же (8,75 гр.) весят финикийские монеты»⁴⁴. По данным советского востоковеда О. Берляева, одна денежная единица в Древнем Египте весила 7,5 гр., число 10 «весило» 91 гр. и называлось дебан (dbn) — кольцо, которое делилось на единицы кит (kdt), что в переводе означало «кружок», весил 9,1 грамма⁴⁵. В Египте времен Среднего и Нового царства в обращении находились золотые и серебряные «деньги» весом примерно в 7,5 грамма⁴⁶.

Таким образом, 1/20 часть гривны, оформленная в виде монеты, являлась учетным инструментом одной единицы реального богатства и имела определенный вес, не превышавший 10 граммов металла и в первую очередь золота⁴⁷.

Вес первых учетных инструментов являлся символом и ассоциировался с единицей реального богатства, а его величина зависела от

---

⁴⁴ *Святловский В. В.* Указ. соч. С. 42.

⁴⁵ *Берлев О. Д.* Указ. соч. С. 25–26.

⁴⁶ *Перепелкин Ю. Я.* Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 303–304.

⁴⁷ В связи с тем, что золото было наиболее доступным металлом, оно же оказалось и первым металлом, который использовался для изготовления учетных инструментов. Результаты археологических раскопок и этнографических наблюдений свидетельствуют, что золото было одним из ранних металлов, который использовало человечество. Это объясняется тем, что его добыча не связана с большими временными и трудовыми затратами. Сравнительно с другими металлами, оно встречается в более чистом виде, находится на поверхности и не требует сложных технологий и дополнительной обработки, как, например, выплавка чугуна, меди, железа. Раскопки весьма древних курганов в Дании показали, что оружие и предметы домашнего обихода делались, главным образом, из золота, и только отдельные части — из железа. Этнографические наблюдения над традиционными обществами американских и африканского континентов также зафиксировали, что употребление золота и серебра предшествовало пользованию другими полезными металлами. Верхнему рангу ничего не оставалось, как только сконцентрировать его в своих руках, сакрализовать и превратить в символ богатства и власти. Золото является «благородным» металлом не в силу своей редкости и красоты или каких-нибудь иных химико-физических свойств, а только благодаря той социальной ценности, которая была ему придана. О первичности золота как валютного металла перед медью пишет Ю. Перепелкин: «Возможно, что наряду с медью средством обращения служило и золото. Если не считаться со случайностью и скудностью имеющихся данных, можно даже предположить, что оно предшествовало меди в таком употреблении» (*Перепелкин Ю. Я.* О деньгах в древнейшем Египте // Древний Египет: Сб. ст. / Ин-т Востоковедения АН СССР. М., 1960. С. 169).

социальных факторов. А поскольку социальные системы на ранних этапах обладали свойством гомогенности, то и вес первых монет во всех странах был одним и тем же. В. Святловский отмечает: «Вес всех известных древнему миру монет так или иначе приближался к греческому таланту. <...> Ценность ее [монеты. — Ю. Б.] и вес во многих странах, по мнению Риджвея, первоначально одинаковы»⁴⁸.

Поскольку вес приобрел социальное значение, то он заменил собой численный номинал. На первых монетах изображались символы власти и богатства: бык, треножник, звезды и другие сакральные предметы⁴⁹. Нумизматика дает нам многочисленные примеры таких монет⁵⁰.

Первые пропорции обмена, или покупательная способность монет, носили качественный, социальный характер. В денежном обращении к идеальной, безналичной единице счета — бык — добавлялась его материальная мера — наличная монета определенного веса. Так, бык стоил один золотой талант весом в 8,4 грамма, причем эта ценность быка, как отмечал проф. Роджвей, была одинакова по всему древнему миру от Ирландии до Индии, от Урала до Испании⁵¹. В поэмах Гомера (VIII в. до н. э.) денежной единицей служил золотой талант (8,12 гр.), который приравнялся быку⁵².

Различные источники указывают нам на первые пропорции обмена, но нигде мы не увидим соотношение большее, чем 1:20. Так, девушка в древней Финикии стоила 20 сиклей серебра⁵³. В Илиаде рабыня оценивается в 4 быка, а жертвенный треножник — в

---

⁴⁸ Святловский В. В. Указ. соч. С. 49.

⁴⁹ «Монеты не нуждались в надписях, так как древнейшие из них содержат разного рода примитивные рисунки» (Святловский В. В. Указ. соч. С. 46).

⁵⁰ В царствование лидийского царя Гигеса чеканился статер, на одной из сторон которого была изображена лисица — священное животное лидийского бога Бассарея. На египетских статерах — черепаха, священное животное Апполона. Ранние монеты Малой Азии и Египта на лицевой стороне имели изображение звериных голов, колосцев, рыб. На древнерусских монетах были «изображены головы быка, птицы или же какие-то животные, похожие на куницу или белку» (Святловский В. В. Указ. соч. С. 58).

⁵¹ Там же. С. 43.

⁵² «Риджвей дает такую остроумную гипотезу, что стоимость быка и таланта в Греции (VII в. до н. э.) была одна та же и что все ценности измерялись одной и той же величиной — быком (талантом)» (Святловский В. В. Указ. соч. С. 16)

⁵³ Гельцер М. Л. Материалы к изучению социальной структуры Угарита // Вестник древней истории. 1952. № 4. С. 32).

12 быков. В Древней Руси 2 поволоки (ткани) равнялись одному рабу или 20 золотым солидам (1 солид — 4,3 гр.) Отсюда 1 раб стоил 85,32 грамма золота. Одна гривна обменивалась на 2 раба⁵⁴. У древних кельтов и ирландцев 1 рабыня стоила 3 унции серебра (72–90 гр.), а один раб — одну унцию золота (30–36 гр.). «Солид в двенадцать денариев считался Карлом (786 г.) эквивалентом вола при его сношениях с саксами. В законах Брегонов корова является в качестве эквивалента унции. Фунт был серебряным эквивалентом стоимости человека»⁵⁵.

Все эти первоначальные пропорции обмена носили личный, персонифицированный характер, основывались на социальных статусах обменивающихся сторон. При их (пропорциях) определении учитывались не только ценностные характеристики предметов, но и напряженность социальных отношений, ранг обменивающихся сторон и много других не вещественных факторов. На первый взгляд, такие соотношения обмена могут показаться случайными, в действительности в этих пропорциях выражается вся совокупность наличествующих социальных отношений.

Интересные иллюстрации к этому положению мы находим у Н. Билибина, который описывает обмен у коряков. «Если коряка, собравшегося к оленеводу с одним из подарков, спросить: «зачем ты едешь?» — всякий прямо скажет: «еду за мясом», но предмет, который он берет для обмена, все равно называется подарком. Чем бы конкретно этот подарок ни был — ремнем, маленькой шкурой или шкурой больших размеров, никогда никто не может сказать и никогда не предугадывает, сколько и какого качества нужной ему продукции он получит в ответ на этот подарок. <...> За одну и ту же вещь, например за нерпичью шкуру определенного размера, один может получить две олени туши, другой — три, третий — одну, причем и по качеству эти туши могут быть и хорошо откормленных быков, и «сухих», т. е. без жира, не нагулявших животных. <...> За десяток ножей один получает две кухлянки (ездовую и спальную). За десяток таких же ножей другой получает одну кухлянку (ездовую)»⁵⁶.

---

⁵⁴ *Круг Ф.* Критические разыскания о древних русских монетах. СПб., 1807. С. 115.

⁵⁵ *Кёнинггэм У.* Рост английской промышленности и торговли. Ранний период средних веков / Пер. Н. В. Теплова. М., 1904. С. 105–106.

⁵⁶ *Билибин Н.* Обмен у коряков. Л., 1934. С. 18, 19, 23.

Однако случайность соотношения, в котором находятся обмениваемые друг на друга продукты, только внешняя. Вот что пишет Н. Билибин по поводу «случайности» меновых соотношений нерпичьей шкуры к оленьим тушам в только что приведенном примере: «Оленевод в каждом отдельном случае отдаривания имеет в виду (учитывает) не ту конкретную вещь в ее количестве и качестве, которая служит поводом к этому отдариванию («подарок»), а в целом всю сумму материального интереса к поддержанию связей, реализуемых данным случаем обмена»⁵⁷.

Покупательная способность денежной единицы как качественная пропорция обмена постоянно изменяется, определяясь в первую очередь комплексом социальных факторов. В экономической реальности эти изменения проявляются в колебаниях валютных курсов, увеличении или уменьшении количества товаров и услуг, приобретаемых на одну денежную единицу. Причем объяснить эти флуктуации с позиций «чистой» экономической теории на основе действия законов спроса и предложения становится практически невозможным, а само поведение покупательной силы денег рассматривается как иррациональное.

Для управления покупательной способностью денежной единицы необходимо учитывать социально-психологические факторы, к которым мы относим:

- а) социальный статус эмитента денег;
- б) способность элиты сохранять, увеличивать и навязывать социально-культурные традиции своего общества, в том числе и деньги, иным социально-экономическим системам;
- в) социальным и политическим могуществом общества, которое зависит от степени агрессивности элиты;
- г) количество символов — денежных единиц;
- д) территорией обращения и числом пользователей денег;
- е) скоростью оборота денег;
- ж) выданными займами и предоставленными кредитами;
- з) централизацией банковской системы;
- и) организация международных расчетов в национальной денежной единице.

Связь между вышеуказанными факторами и ростом покупательной силы денежной единицы прямая. Так, чем выше социаль-

---

⁵⁷ Там же. С. 19.

ный статус национальной элиты, тем больше покупательная способность. Если элитная группа накапливает и сохраняет национальные символы, то к ним — символам — увеличивается доверие нижних рангов, что, естественно, способствует росту покупательной силы. Существует превратное представление, что экономическое могущество страны определяет силу национальной валюты. В действительности же только социальное и производное от него политическое могущество способствует подъему доверия к национальной валюте не только резидентов, но и нерезидентов. В свою очередь, социальное могущество страны зависит от агрессивности элитной группы, ее способности отстаивать собственные экономические интересы.

Принято ошибочно считать, что увеличение в обращении денежных единиц снижает их покупательную силу. Реально же ситуация прямо противоположная. Поскольку денежная единица есть превращенная форма денег-символов, то чем больше их — символов — в обращении, тем больше оказывается им доверие и, соответственно, растет покупательная сила денежной единицы.

Увеличение числа наличных и безналичных денежных единиц в обращении достигается, например, организацией валютных блоков и союзов, что приводит к росту числа пользователей и территории обращения. Выданные внешние займы и предоставленные кредиты в национальной валюте соответственно вызовут подъем ее покупательной силы.

Особое значение в росте покупательной силы денег имеет централизация банковской системы страны, поскольку именно при такой системе возникает возможность создавать неограниченное количество кредитов, увеличивать скорость оборота наличных и безналичных денежных единиц⁵⁸.

Закрепление покупательной способности денежной единицы в традициях социального, экономического и правового оборота осуществляется посредством ее легитимации. Легитимация есть за-

---

⁵⁸ Более подробно эта проблема рассмотрена в следующих статьях автора: *Базулин Ю. В., Филиппко Ю. Г.* Проявление принципа двойственности в развитии банковской системы (на примере США) // Вестник СПбГУ. Сер. 5: Экономика. 2001. Вып. 4. С. 137–147; *Базулин Ю. В., Соколов Б. И., Филиппко Ю. Г.* Проблемы формирования инвестиционного фонда банковской системы // Финансовый мир: Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. В. В. Иванова, В. В. Ковалева. М.: Изд-во Проспект, 2004. С. 94–107.

ключительный этап в процессе создания денег, во время которого они «появляются» на поверхности социальной и экономической жизни в виде денежных единиц.

Легитимация денежных единиц предполагает правовую и когнитивную трансформацию психологических установок относительно социального содержания денег и представительной стоимости денежных знаков в сообщения о наличии у них покупательной способности.

Легитимация представляет собой процесс, посредством которого оправдываются, обосновываются и передаются другим поколениям социальные ценности (деньги) с существующим в данный момент времени содержанием. «Чековые депозиты и наличные деньги являются деньгами, потому что люди широко принимают их в обмен на товары и услуги. Люди принимают чеки и наличные деньги, потому что уверены, что смогут их обменять на другие товары и услуги. Эта уверенность покоится на знании того, что такой обмен без проблем происходил в прошлом. <...> Наличные деньги и чековые депозиты являются деньгами благодаря тому, что их принимают к оплате и что их стоимость предсказуема»⁵⁹.

Процедура легитимации денег является постоянной, от ее осуществления в конечном итоге зависит покупательная способность денежной единицы. Наиболее актуальной легитимация становится в ходе передачи сконструированного элитой мироустройства новому поколению.

Таким образом, управление покупательной способностью денежной единицей подразумевает использование социально-психологических факторов.

---

⁵⁹ *Миллер Роджер Л., Ван-хуз Дэвид Д.* Современные деньги и банковское дело / Пер. с 3-го англ. изд. М., 2000. С. 17.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что к настоящему времени сложился дуалистический подход к классификации теорий денег. В зависимости от толкования происхождения и природы денег такие теории можно свести к двум направлениям: товарно-эволюционному и государственно-правовому. Но оба эти направления все еще не выработали целостного подхода к объяснению причин появления и функционирования денег. Ряд теоретических положений, выдвигаемых ими, до сих пор не находят практического подтверждения, а некоторые факты денежного обращения — теоретического обоснования. Анализ предмета исследования существующих теорий денег приводит к парадоксальному выводу — любая из них изучает не содержательные стороны денег, а лишь их формы.

Представители обоих направлений внесли огромный вклад в изучение денег, но предметно ограничиваясь понятием «форма денег», они тем самым сузили область своего исследования исключительно явлениями, не раскрыв глубинной социальной сути денег.

Границы предлагаемой концепции исследования происхождения и природы денег расширены по сравнению с вышеуказанными направлениями. Это расширение носит предметно-методологический характер. Предметное поле работы — деньги — уточнено, и оно фактически стало представлять собой *систему из трех категорий*: деньги-символ, денежные знаки и денежные единицы. Эти понятия логически связаны друг с другом и вытекают одно из другого. А сам процесс исследования природы и происхождения денег сопрягается с этой логической последовательностью, следуя за ней.

Каждая категория из системы понятий соотносится с определенным видом общественных отношений. Так, деньги-символ являются элементом системы социальных отношений, денежные знаки — экономических, а денежные единицы — результатом хозяйственно-

правовой деятельности. Деньги-символы есть базисная категория относительно остальных, а социальные отношения — целостные, включающие в себя иные виды общественных отношений. Деньги являются предварительным условием возникновения и развития экономической системы, а выяснение их сущности возможно исключительно исходя из социальных отношений.

Методологическое расширение заключается в использовании общенаучной — системно-дихотомической — методологии. Она, во-первых, включает в себя все предшествовавшие методы изучения денег и, во-вторых — носит междисциплинарный характер, т. е. используется практически всеми общественными науками. Согласно данной методологии, сначала деньги исследуются как элемент социальной системы и таким образом раскрывается их происхождение; затем — как трехуровневая система, где выявляется их социально-экономическая природа.

Суть социальных отношений естественным образом определяет структуру социального разделения труда, в котором выделяется символическое и реальное производство. Деньги-символы создаются элитной группой в символическом производстве как результат процесса трансформации первичных символов во вторичные, психических установок в социальные. Природа денег-символов — это их социальная ценность, которая являет собой представление о деньгах как о богатстве, власти, силе и независимости. Это представление создается методом внушения, который зиждется на магическом способе мышления, характерном для ранних сообществ.

Деньги-символы есть представление, мысль, они находят свое выражение в денежных знаках. Символ заключает в себе содержание денег, знак — это форма выражения этого содержания. Фактически деньги — это совокупность символа и знака. Денежные знаки возникают из социального оборота, который логически и исторически предшествует экономическому. В социальном обороте происходит постоянный кругооборот реального богатства и символического (деньги). Поддержание постоянного и самое главное — замкнутого оборота осуществляется посредством социального напряжения.

В результате социального обмена денежные знаки приобретают представительную стоимость, которая есть превращенная форма социальной ценности денег-символов. Представительная стоимость денежных знаков — доверие, пропущенное через волю субъекта и закрепленное в его сознании. Представительная стоимость созда-

ется методом убеждения, в котором основную роль играет религиозная деятельность со свойственной ей ритуализацией.

Происхождение денежной единицы во многом связано с процедурой частного присвоения реального богатства и его учета. Каждой единице реального богатства, вне зависимости от его размера, соответствовала единица денежного знака. В дальнейшем на одном денежном знаке стали учитывать (изображать) несколько единиц реального богатства. Затем это изображение трансформировалось в цифру, появился численный номинал и, соответственно, денежная единица. Денежная единица — это денежный знак, имеющий номинал.

Изначально номинал отражал пропорции частного обмена символического богатства на реальное. Причем сами эти пропорции определялись *представлениями* людей о ценности обмениваемых благ. Денежная единица обладает покупательной силой, которая есть иррациональная форма представительной стоимости денежного знака.

Таким образом, покупательная способность денежной единицы опосредованно через представительную стоимость денежного знака опирается на социальную ценность денег. Управление первой связано с управлением последней. Повышение социальной ценности любого символа, в том числе и денег, определяется следующими обстоятельствами: а) социальным статусом элиты; б) способностью элиты сохранять, увеличивать и навязывать социально-культурные традиции своего общества, в том числе и деньги; в) социальным и политическим могуществом общества, которое зависит от степени агрессивности элиты; г) ростом количества символов — ростом денежной массы; д) увеличением территории обращения и пользователей денег; е) ростом скорости оборота денег и выданных займов.

Данный подход к исследованию денег способен служить базой для экономического, социологического и социально-психологического анализа монетарного поведения индивидуумов. Он служит средством изучения таких экономических феноменов, как: инфляционные ожидания, товарная паника, спекулятивные синдромы, поскольку подобные явления оказывают существенное воздействие на денежное обращение.

Таким образом, наше исследование открывает простор для дальнейших междисциплинарных научных разработок.

Научное издание

Юрий Вилович Базулин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИРОДА ДЕНЕГ

Редактор *Р. Г. Рабинович*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Корректор *А. И. Овчинникова*
Верстка *И. М. Беловой*

Подписано в печать 01.07.2008. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,4. Заказ №

Издательство СПбГУ.

199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41